

СОДЕРЖАНИЕ

ОДОЛЕВАЯ УКОРЕНЕННЫЙ ГРЕХ

Александр Миронов. Ключевые проблемы русского мышления 2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Е. С. Роговер. Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» 11

А. Н. Миронов. Роман «Обыкновенная история» И. А. Гончарова
как обвинение романтизма в торжестве прагматизма 21

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

Евгений Мюллер. Гуляя (рассказ). Голубые шары (рассказ). Прибрежное кафе (рассказ) .28

Михаил Жаров. Железнодорожная готика и триста спаргачей (рассказ).
23 Февраля (рассказ)..... 44

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Стихи Ирины Горбань, Евы Талой, Ольги Довгопол, Наталии Рябухиной,
Натали Ривары..... 59

ПРОЗА XXI

Ева Талая. Дочь элиты (роман)..... 83

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Владимир Василик. Почему истина — в православии?..... 117

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Вадим Петров. Катьинское дело и записка Шелепина..... 123

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Роберт Рождественский (Творческий портрет поэта)..... 132

АРХИВЫ УЧАТ

Материалы, опубликованные по инициативе *Андрея Павлова-Арбенина* (реставратора):

Н. Вельтер. Музы не молчали 144

Б. Э. Хайкин. Как мы работали 149

УДЕРЖИВАЯСЬ НА КРАЮ...

Александр Кучеровский. Метаморфозы пошлости. Психологический экскурс..... 155

Андрей Каратыгин. «Что там Ларедо!» 160

Александр Миронов

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО МЫШЛЕНИЯ

Нам бы *слово* понимать,
да долгов не наживать!

Что же тормозит и омрачает русскую жизнь прежде всего? С одной стороны, русский человек в трудную минуту бывает удивительно смекалист и находчив, с другой — абсолютно беспомощен в случае восприятия социальных отношений с себе же подобными. Видимо в нем с давних пор перманентно бунтует некий незримый и не востребуемый дар или немалый талант, который и приводит его ровно туда, где нескончаемые склоки и всевозможный обман есть первые спутники его странной или очень нескладной жизни. Кстати, яркое свидетельство о сказанном выше мироощущении можно найти в запредельно задранных кверху фуражках современных российских служащих различных ведомств, носящих погоны. То есть нынешние потомки русских как бы сообщают всему миру, что именно они есть самые избранные, что именно им суждено вершить судьбы всего мира. Впрочем, это лишь извращенное понимание предначертанного бытия или предназначенного судьбой смысла. Иначе говоря, отчетливое неуважение к себе подобным, заметное и почти радостное оживление в случае серьезных неудач у тех, кто в чем-либо преуспел, являют нам нередко встречающийся неприятный образ реального русского человека. Что так и почему он таков, как говорится, в веках? Или где и в чем сокрыта причина его неприкаянности

и фактического самоедства. Впрочем, ныне названное выше самоедство принимает еще более фантастический образ тупого уничтожения собственной страны во имя личных корыстных интересов. Поэтому-то данный вопрос совсем не праздный, ведь уже сегодня, видимо, окончательно решается судьба русского мира, который под подлые разговоры о неизбежности глобализации либо полностью исчезнет с карты мира, либо преобразится вполне решительно и значительно. Что сотрясает Россию многие годы? А то, что ею руководят люди, которые делают это совсем не по праву своих личных качеств. Другими словами, Россией почему-то часто руководили и руководят поныне весьма энергичные, но очень нечестные и очень недостойные того люди. Как же так происходит, что каждый раз ею как очень глупой женщиной овладевают сплошь и рядом всевозможные проходимцы? Неужели у нее нет никаких решительных средств избавления от этой жуткой напасти?

В общих чертах ответ на поставленный выше вопрос следует искать в отношении к русскому языку. Ныне это отношение сводится к усвоению своего рода набора языковых клише, принимаемых изначально на веру. В простых или наглядных случаях оно вполне допустимо, так как не приводит к серьезным издержкам. В иных

или умозрительных ситуациях практически наверняка у нас в Отечестве следуют негативные последствия. Не верите? Тогда вот вам яркий образец русского неумения думать по весьма важному поводу. Сегодня активно пропагандируется свобода и независимость, служащие некой важной самореализации. В связи с этим смысл слова «раб» понимается абсолютно превратно. Считается, что всякий раб обязательно связан с лишением свободы выбора и другими вредными для любого человека потерями. Например, словосочетание «раб Божий» понимается многими нашими соотечественниками как отказ от мира во имя загробного благоденствия. При этом почему-то они совсем не задумываются о том, что добровольное и самозабвенное служение Богу (истине) является по своей сути рабским. То есть выходит то, что не всякое рабство плохо. Или многие русские никак не поймут, что служение истине в выборе как таковом уже не нуждается, и наоборот, борьба за выбор идет только там и тогда, где истиной и вовсе не интересуются. Поэтому важно: на что нацелено рабство, а не оно само по себе. Другой пример. Ныне нас всех сторонники так называемого «Правого дела» активно соблазняют словами «Сила в правде, кто прав, тот и сильнее». Но ведь сегодня прав тот, кто ради наживы отказывается от совести. Разве не так? Вот и выходит, что «Правое дело» — это дело людей без совести. То есть перед нами очевидный подлог, поддерживаемый властью, который осуществляют очень нечестные люди. Иначе говоря, активисты упомянутой партии фактически превращают в сознании людей понятие правды в нечто свободное от морали, тогда как подлинный смысл разбираемого слова (правда — это вся совокупность фактов в ее развитии) как раз неразрывен с моралью, если быть честным до конца. Или стремление к правде

всегда связано со стремлением к праведному началу. Другими словами, вне праведного смысла правда не возникает.

Ниже в качестве своего рода основополагающего примера невероятной путаницы в головах русских людей рассмотрим восприятие ими значения слова «смысл», без понимания которого объективное восприятие многого другого и вовсе невозможно.

СМЫСЛ КАК ОБРАЗ ПРИЧИНЫ

Вот часто можно слышать широко бытующее суждение о «пустых словах», с помощью которых кто-то скрывает свои мысли. Возможно ли подобное на самом деле? Не является ли такое утверждение, мягко говоря, ошибочным?

Заглянем в толковый словарь русского языка и найдем в нем значение слова СМЫСЛ. Оказывается, смысл — это внутреннее, логическое содержание (слова, речи, явления), постигаемое разумом, значение; цель, разумное основание, разум, способность понимать и рассуждать.

Сокращая изложенное выше, в результате мы получаем, что значение слова смысл — содержание, значение и разум. В общем, как ни крути, получается путаница. Вопрос: являются ли слова о «пустых словах» следствием действия толкового словаря русского языка? Ответ: да, названные слова с неумолимой неотвратимостью являются следствием НЕДОДУМАННОСТИ ДО КОНЦА МЫСЛИ о значении слова СМЫСЛ. Но, с другой стороны, существуют ли пустые мысли? Да, непременно существуют. Покажем это на некоторых примерах. В частности, в религиозной среде широко употребляется мысль о «большом духе», а в светском мире — о «поведении в делах разумного».

Мысль о «больном духе» возникла как итог наблюдений за поведением людей, которое вызывало недоумение (читай неразумение). То есть как бы нелогичное (по меркам господствующей статистики) поведение отождествлялось с болезнью, не наблюдаемой через чувство (даже усиливаемое приборами), составляющей человека — его духа. Или: следствия поведения духа имеют место быть и фиксируются через чувство, а его самого как бы нет (ведь даже у абсолютно сумасшедших людей бывает абсолютно здоровая телесность). В результате возникло искушение по образу и подобию поведения телесности в момент болезни отождествить с ним нестандартное поведение и духа. Только вот завыска: самого «больного духа», как говорится, никто не видел. Но ведь если дух болеет, то у него есть свое тело, которое должно быть подвержено гниению и разложению.

Таким образом, тело духа не наблюдаемо, а мысль о его болезни имеет место быть. Так, спрашивается, с чем мы имеем дело в таком случае? Ответ: мы имеем дело с неумением мыслить. Или: слова «болезнь» и «дух» не сочетаются по смыслу, и потому их комбинация ничего не образует, а значит, остается пустой. Говоря иначе, смыслы этих слов не входят между собой в ЗАЦЕПЛЕНЬЕ, или: они попросту «скользят» друг по другу, не образуя при этом никакого ОБЩЕГО смысла. Строго говоря, правильно было бы сказать, скажем, «одержимый дух» или «злой дух». Тогда как «больной дух» — это все равно, что НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ.

Подобная же картина имеет место быть в случае употребления словосочетания «пределы разумного». Или: слова «разум» и «пределы» не сочетаются между собою по своему смыслу. Ведь пределы разуму поставить нельзя. Это даже нельзя серьезно помыс-

лить. В противном случае разум перестает быть разумом.

ПОЭТОМУ внесем некоторую ясность:

пустых (бессмысленных) слов не существует, но существуют бессмысленные словосочетания как продукт неумения думать.

Теперь об умении думать. Например, часто говорят об «управлении своей волей». Последнее суждение пустое, так как волей управлять нельзя, как говорится, по определению. Если ею кто-то начинает управлять, то она тут же прекращает свое смысловое существование как понятие. Но с другой стороны, можно управлять формированием ее исходной составляющей — ХОТЕНИЕМ, переходящим впоследствии в ЖЕЛАНИЕ.

Механизм образования, а значит и управления ими, следующий. Сначала возникает в сознании образ кого-чего-либо. При чем последний может прийти в него как извне, так и изнутри. Это может быть устное либо письменное слово; изображение, какой-либо вид и его подробности, мысль, наконец. Это может быть просто образ. Последний может явиться, скажем, во сне. Далее следует либо мысленное СОЧЛЕНЕНИЕ наблюдающего с наблюдаемым, либо только констатация наблюдаемым факта появления перед ним конкретного образа через его РАЗЛИЧЕНИЕ (узнавание). В случае только буквального узнавания возникшего образа дальнейшее взаимодействие с ним прекращается, наоборот, в случае продолжения наблюдения за возникшим образом хотя бы через память наступает вышеназванное сочленение, неизбежно переходящее в СОСЛОЖЕНЬЕ, которое, в свою очередь, автоматически отливается в хотенье — желанье. Последнее в дальнейшем так или иначе реализуется через ЧУВСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Таким образом, у человека на самом деле есть только один шанс на

самоуправление: при самом первом столкновении с образом кого-либо не войти с ним в какое-либо смысловое зацепление. В противном случае сознание человека охватывается и подчиняется явившимся к нему ОБРАЗОМ. Причем абсолютно не имеет значения сам характер сочленения. Он может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Только результат будет един: человек попадает под управление со стороны явившегося ему образа.

Ну и для закрепления урока разберем еще следующее суждение об истине, в котором отсутствует совокупный смысл, с одной стороны, а с другой — в котором присутствует результат воздействия совокупного ошибочного представления (образа) о мироздании, или результат утраты самоуправления сторонником этого суждения. Оно выглядит следующим образом:

«Истина — это то, что не подлежит сомнению и что может доказать свою правоту».

Во-первых, словосочетания «истина и сомнение», «истина и доказывание» не сопрягаются по своему смыслу, так как сомнение и доказывание строго детерминируются (определяются) субъектом, от которого истина не зависит по определению. В противном случае истина трансформируется во мнение, которое уже непосредственно связано с субъектом. Во-вторых, сведение определения истины к признакам его восприятия субъектом есть опять же неумение думать. Ну и наконец, в-третьих, подобное представление об истине свидетельствует о его носителе как о сознании, которое считает себя центром всего мироздания и которое рассматривает все его окружающее лишь как средство для удовлетворения своих желаний. Подобный взгляд на мир в научной среде определен как СОЛИПСИЗМ.

Обобщая изложенное, вернемся собственно к слову СМЫСЛ. Най-

денное в заголовке заметки значение этого слова хорошо поверяется следующими словесными комбинациями:

«смысло-логический» и «логико-смысловой». Заглянем вновь в толковый словарь, только на этот раз — в толковый словарь иностранных слов в русском языке. Значение искомого слова «логика» следующее:

логика — это наука о законах мышления; разумность, правильность, внутренняя закономерность.

Теперь вернемся к вышеобозначенным словосочетаниям. Второе из них при суммировании словарных значений входящих в него слов даст нам следующий результат:

логико-смысловой — это правильно-разумный. Тогда как первое словосочетание образует уже такой итог:

смысло-логический — это разумно-правильный. Несложное умственное усилие позволит сделать вывод, что второй результат выглядит уместнее, ведь правильность без разумности даже не мыслится, тогда как разумность как основание правильности — вполне. Впрочем, отказав словарному значению слова СМЫСЛ в правильности и воспользовавшись уже значением исследуемого слова из заголовка заметки, мы получим:

логико-смысловой — это правильно-образно-причинный, а смысло-логический — это образно-причинно-правильный. Подводя промежуточный итог, мы видим, что словарное значение слова ЛОГИКА также ущербно, а значит, оно не верно. Попробуем сформулировать свое. Скажем, логика — это способ бытия разума.

Вновь соединяем исследуемые слова и получаем:

логико-смысловой — это... Дальше что-то попросту не «клеится».

Но посмотрим, а что получится, если написать «смысло-логический». Последнее представимо так:

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

смысло-логический — это образно-причинно-способствующий бытию разума.

Получилось несколько тяжеловато, впрочем, общий смысл все равно просматривается.

Таким образом, заключая, подведем общий итог всем проделанным выше рассуждениям. Слово СМЫСЛ — это не содержание, и не значение, и даже не разум, как считают лингвисты. Смысл — это образ причины, причем образ в его самом общем виде. Иначе выражаясь, изображение причины и есть смысл, или: причина может быть только наглядной, а наглядность причины и образует сам искомый смысл. Поэтому грамотно вопрошать не «в чем смысл жизни?», а «каков смысл жизни?» В качестве примера обретения человеком смысла жизни вспомним русских святых, которые непосредственно в своем облике являли соответствующие признаки или черты. В противном случае можно лишь констатировать то, что полноты смысла так и не было достигнуто, а наличный ресурс жизни во многом был потрачен без толку.

Ниже приводится еще один весьма важный материал, связанный с рассматриваемыми в настоящей статье вопросами.

СМЫСЛОВОЙ ПОЧЕРК КАК ГЛАВНОЕ СВОЙСТВО СОЗНАНИЯ

Каковы свойства, таковы и речи.

В. И. Даль

В широко распространенном сознании понятие смыслового почерка представлено словами:

«У каждого — своя логика».

Впрочем, поясним, почему обыватель только ощущает смысловой почерк, но совсем его не понимает. Это

происходит потому, что неподготовленный человек его попросту не воспринимает или не знает, так как самого этого словосочетания нет среди им используемых понятий. Последнее обстоятельство является решающим, ведь если мы никогда не видели хотя бы телевизора, то последний предстает перед нами только как неопознанный нами же объект, который лишь отдельными элементами своего внешнего вида напоминает нам какие-то элементы уже известных нам предметов, и не более того. Поэтому в случае, когда речь идет о новом понятии, которое можно ощущать чувствами только опосредованно, возникают еще большие трудности для его опознавания, чем в случае с телевизором. Последний непосредственно представим через чувство, тогда как понятие смысла всегда существует за пределами последнего. Поэтому ясное для сознания слово «почерк» становится неясным в словосочетании СМЫСЛОВОЙ ПОЧЕРК, так как перестает быть «видимым» через чувство. Иначе выражаясь, люди через чувство регулярно соприкасаются с продуктами жизнедеятельности смыслового почерка как своего рода объекта-невидимки.

Идем далее. Что может находиться в основании смыслового почерка конкретного человека? Рассуждая логически, мы вполне можем допустить, что именно содержание (подробности) мнения человека о значениях используемых им слов и может быть искомым обстоятельством. Ведь именно представления субъекта о значениях слов и составят его же ЛОГИКУ. Впрочем, последняя не может быть своей в принципе, так как она абсолютно не зависит от желания человека, наоборот, она всегда его охватывает собою. Как говорится, если так, то так, а если эдак, то, соответственно, эдак. Или: логика — это всегда СООТВЕТСТВИЕ, свойство которого предельно конкретно, и его не дано отменить

никому, как бы кому-то этого ни хотелось. Выражаясь иначе, у каждого своя особенность в деле соединения слов между собою. Она строго детерминруется (определяется) представлениями человека о смысле используемых им слов. Но кто-то скажет, что многие наполняют используемые слова своим особым смыслом абсолютно произвольно, а значит, они фактически выводят себя из-под действия строгой зависимости от смыслов слов и тем самым как бы освобождают себя от смыслового почерка.

Вместо короткого ответа давайте рассуждать. Что есть произвольно? Произвольно — это происходящее (проистекающее) из воли. А что лежит в основе воли? В ее основе — предрасположенность, или определенная сориентированность (заряженность) на будущие действия. Последняя же и есть, если хорошенько вдуматься, программа. А программа — это всегда характерность (особенность). В результате логический круг замыкается, и мы оказываемся опять в плену смыслового почерка. Но зададимся в свою очередь вопросом: возможно ли обладать волей вне предрасположенности? Рассуждая опять же логически, мы понимаем, что проявление воли обязательно детерминировано (определено) временем и пространством всегда предельно конкретно, или: воля с течением времени выберет из многого только одно — СВОЕ, а в основе своего может быть только предрасположенность.

Таким образом, по законам логики получается, что воля — это только сокрытая для наблюдения ее обладателем программа (судьба).

Теперь еще один аргумент в пользу существования смыслового почерка как главного свойства сознания. Мы все обладаем собственным мнением даже тогда, когда считаем, что его не имеем. Но если мы настаиваем на этом отдельном мнении, мы должны осознавать, что тем самым мы доброволь-

но отлучаем себя от познания истины. Это так потому, что мнение по определению несет в себе превратность (искаженность). Таким образом, пока мы вне истины — мы в плену опять же своего смыслового почерка. При этом некоторые воскликнут, что истина у каждого своя! На это можно заметить, что особенность последней такова, что сама ее принадлежность кому-чему-либо попросту исключается. Как только мы ее хотя бы мысленно отдаем кому-то в собственность, так она тут же трансформируется (превращается) уже во мнение. Таковы опять же законы логики, и тут ничего, как говорится, не изменить. Ведь последние обладают характером всеобщности (тотальности).

Кто-то спросит: ну и зачем нам это знать?

Для примера ответим, что это способствует пониманию хотя бы, например, законов информационной войны (противоборства). При этом кто-то думает, что речь идет о компроматах, кражах секретов, выведении из строя чужих каналов связи и управления. Разочаруем, ничуть не бывало.

Информационная война имеет своей целью вредоносное воздействие на умы людей намеченной страны (региона), которое должно изменить в худшую сторону их образ мысли и жизни. В результате такого воздействия сторона, подвергшаяся информационному нападению, должна в дальнейшем наносить себе вред уже самостоятельно. Или: информационное противоборство имеет своей целью подталкивание противника в сторону медленного и неосознаваемого им самоубийства.

Скажем, конкретной аудитории для нее абсолютно внезапно демонстрируют самые пикантные сцены из порнофильма. При этом один из зрителей, видя сцену совокупления, только отмечает общий смысл из им воспринятого (узнанного) на экране, тогда как второй уже начинает мыс-

ленно соучаствовать в происходящем на экране. Так вот, в отношении первого информационное воздействие своей цели не достигло, тогда как второй зритель оказался им плененным, а значит и пораженным. Впрочем, поясним последнюю мысль более детально.

Смысловая особенность восприятия первого зрителя такова, что он легко отстраивается от ему навязываемой информации, тогда как у второго зрителя смысловая особенность восприятия уже не имеет соответствующей понятийной (разрешающей) способности, а значит, и шансов на отражение конкретной информационной атаки у него также не имеется. Ведь он попросту не в состоянии мысленно растождествиться с им же увиденными образами, с которыми его сознание роковым образом «слипается». Это происходит потому, что у него отсутствует понятийная культура управления собственным восприятием, наоборот, последнее само управляет им, причем управляет в обход его же сознания.

Но кто-то скажет, что речь в заметке все-таки не о восприятии, пускай даже смысловом. Хорошо, давайте поищем пользу и от изучения смыслового почерка. Ведь последний – это все равно только обратная сторона смыслового восприятия, которое само всегда действует сокрыто от внешнего наблюдения, но которое всегда оставляет на поверхности смысловой след, или почерк. Это так или иначе проявляется даже на лице носителя смыслового восприятия. Другой вопрос: а как это адекватно (соразмерно) прочитать? Вот здесь действительно придется попотеть. Скажем, восприятие смысловой особенности (почерка) письменно-печатной речи потребует от нас высвобождения уже от особенностей собственного смыслового восприятия начертанного на бумаге. В противном случае одно мнение попросту

наложится на другое, результатом чего серьезно можно будет уже не интересоваться, так как в нем не будет никакой надежды на обнаружение правды. Кстати, правду нельзя знать случайно. Она не лотерея. Правда всегда за пределами ЛЕГКО доступного. К ней можно пробиться только точными целенаправленными усилиями. А последним может предшествовать только обретение верных методологических подходов, или РАЗЛИЧЕНИЯ.

Но что же тогда делать? – спросит нетерпеливый читатель. А тогда придется строить своего рода понятийную систему координат. Причем сами понятия должны будут изучаться исключительно исчерпывающим образом. Последнее возможно будет достигнуть через неукоснительное следование законам логики. Только они являются абсолютно неизблемыми. Все остальное – подвержено изменению. Будем об этом помнить. При этом сами понятия буквально пронизаны названными законами изнутри невидимым для поверхностного наблюдения образом. Поэтому, разрабатывая употребляемые понятия, мы высвобождаемся от действия собственного смыслового восприятия, а значит, получаем возможности для различения у других их смыслового почерка. Сам почерк состоит из повторяемых элементов и из их характерных и также повторяемых сочетаний. Смысловой почерк уже состоит из мнений по поводу значений употребляемых слов, которые, в свою очередь, строго определяют уже саму особенность их сочетаний. Или, ошибаясь (в меру своего незнания) в значениях слов, человек автоматически ошибается уже в деле их сочетания, причем ошибается опять же строго определенным образом, непосредственно связанным с особенностями ошибок в понимании значений слов. Это так потому, что сами слова (понятия) в образуемых ими комбинациях всегда имеют одно свое значе-

ние, а сами комбинации имеют один общий смысл, либо подобные комбинации не образуют ровным счетом вообще ничего. Говоря иначе, слова, входящие в комбинации, попросту не входят между собою в «смысловое зацепление» и начинают как бы «скользить» своим смыслом друг по другу. А неподготовленный автор и потребитель словесной комбинации этого, естественно, не замечает и продолжает, с одной стороны, «лепить» словесные комбинации в меру своего представления о значении им используемых слов, а с другой — уже потребитель чужой словесной комбинации начинает ее протолковывать или начинает ей присваивать общий смысл, которого в ней нет и в помине.

Таким образом, качество мнения лица о смысле употребляемых им слов неизбежно рождает соответствующее качество в процессе их сочетания. Иначе говоря, нельзя быть свободным от меры собственного знания, наоборот, последняя является абсолютной хозяйкой положения.

Заключает настоящую небольшую статью о главных проблемах русского мышления своего рода короткое наставление по работе с родным словом.

КУЛЬТУРА ОБРАЩЕНИЯ СО СЛОВОМ

Целью нижепредлагаемого текста является научение читателя принципам работы со словом.

Сначала о необходимости этого. Во-первых, отсутствие ясности в выражении мысли есть предпосылка для ее непонимания. Во-вторых, как мы помним, «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» и «Что написано пером — не вырубишь топором». Или: неверное высказывание — это причина конфликта. В-третьих, конфликт

— это основание для насилия.

В-четвертых, насилие — это обнажение укорененности невежества. В-пятых, невежество — это путь к компромиссу. В-шестых, компромисс — это самозамыкание лжи, или порочный круг.

Таким образом, отсутствие ясности в выражении мысли вовсе не пустяк, как думают многие.

Впрочем, перейдем к главному. Во-первых, слово является, с одной стороны, автономной сущностью, а с другой — оно же раскрывается через группу других слов, или попросту всегда замкнуто на другие слова. Основное противоречие состоит в том, что слова часто имеют помногу значений. При этом сами отдельные толкования часто также несут в себе многозначность. В результате «цепная реакция» толкований делает слово абсолютно непрозрачным, а значит, делает его неудобным в применении.

Какой здесь возможен выход? Нахождение сочетаемости смыслов слов в отдельном предложении и есть искомый выход. Или: отсутствие в предложении ЕДИНОГО совокупного смысла является верным признаком совершенной СМЫСЛО-ЛОГИЧЕСКОЙ ошибки. Причем единый смысл никогда не дает повода к дополнительным вопросам в РАМКАХ законченного предложения. В случае наличия таковых мы имеем верный признак совершения ошибки. Во-вторых, сами слова могут сочетаться между собою только в соответствии со своим КАЧЕСТВОМ. Какой-либо произвол здесь неуместен. Само качество слов есть их внутренний смысло-логический продукт, который также не страдает многозначностью. Последняя есть свидетельство отсутствия в мышлении самого понятия о качестве слова. То есть слово используется без знания его истинного смысла. И наоборот, ОДНОЗНАЧНОСТЬ значения используемого слова явля-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ется свидетельством знания его истинного качества.

В-третьих, отсутствие ЕДИНОЙ сочетаемости предложений в конкретном законченном тексте также указывает на допущенную в нем смысло-логическую ошибку. А лишние слова в предложении, как и лишние предложения в законченном тексте, есть свидетельство еще не найденного качества, с одной стороны, слов, а с другой – предложений. Или: само отсутствие

качества как первых, так и вторых есть свидетельство отсутствия самой культуры обращения со словом, а значит, и самой культуры мышления.

Завершая, еще раз подчеркнем:

только мозаичность значений слова, предложения и текста есть критерий обнаружения их смысло-логического качества, и наоборот, калейдоскопичность их значений прямо и однозначно указывает на отсутствие последнего.

Е. С. Роговер

РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Первый роман был задуман И. А. Гончаровым в 1844 году.

С весны и до конца того же года писатель создавал первую часть своего произведения, а в начале 1845 года на протяжении нескольких вечеров читал её в семье Майковых. Учтя замечания критика Валериана Майкова, он внёс в текст некоторые изменения. Свою рукопись Гончаров отдал другу М. А. Языкову, от которого она попала к Н. А. Некрасову, высоко оценившему её (произведение, по его словам, «выходящее из ряда обыкновенных») и передавшему её В. Г. Белинскому. Критик встретил роман восторженно и предложил Гончарову прочитать его в присутствии членов кружка. Чтение состоялось 15 апреля 1846 года и продолжалось несколько вечеров, вызвав одобрительную реакцию ряда писателей. Белинский предложил Гончарову передать роман для публикации в готовящийся альманах «Левиафан». Но поскольку издание его не состоялось, «Обыкновенная история» была напечатана в журнале «Современник», только что арендованном Некрасовым и Панаевым. В начале 1847 года роман был сдан в набор и был опубликован в №№ 3 и 4 «Современника», вызвав в печати фурор. С рецензиями выступили А. Григорьев, Л. Брант, Ф. Булгарин. Высоко оценён был роман в статье В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», и эта оценка стала предметом особой гордости И. А. Гончарова в течение всей его жизни.

Содержание романа охватывает собою около четырнадцати лет жизни, начиная с 1830-го и кончая 1843-м годом. Этот достаточно протяжённый временной отрезок жизни позволил писателю воссоздать широкую картину действительности 30-х и 40-х годов, показав самые различные социальные слои провинции и столицы: патриархальных деревенских помещиков, чиновничество, мещанство, буржуазные круги, светский мир. И. А. Гончаров рисует большой ряд типических образов, к числу которых относится Анна Павловна Адуева, рядовая помещица, владеющая деревней Грачи, её сын Александр, отправляющийся из барской усадьбы покорять Санкт-Петербург; Пётр Иванович Адуев, дядя Александра по отцу, Марья Павловна Горбатова, сестра Адуевой; светский жуир Сурков, Пospelов, друг Александра; Наденька Любецкая, Юлия Тафеева и Лиза – барышни Петербурга, в разное время очаровывавшие юношу; Лизавета Александровна, жена дяди, барские слуги Евсей и Аграфена. Однако наиболее обстоятельно в романе охарактеризованы Александр и Пётр Адуевы, столкновение которых стало основным конфликтом произведения. Суть ёмко определил сам автор: «... в борьбе дяди с племянником отразилась... тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старых понятий и нравов – сентиментальности, карикатурного преувеличения чувств дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущ-

ности небывалых чувств...»¹. Это столкновение, к которому позже присоединится Лизавета Александровна, составляет основное содержание романа и отражает «сшибку» двух эпох — дореформенной провинциальной стоячести, застоя, бессодержательной сентиментальной мечтательности и праздности — и поры реального «дела», буржуазного рационализма, промышленного прогресса, трезвого расчёта. В этой напряжённой дуэли рельефно выявляются противоположные характеры.

Ко времени появления «Обыкновенной истории» и в последующие годы в русской литературе были опубликованы произведения, построенные на контрасте двух разных характеров: «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева (1847), «Скрыпка» А. Кронеберга (1850), «Целковый» И. Юрьевой (1851), «Две сестры» Е. Тур (1851), «Мечтатель» В. Лихачёва (1854). Но ни в одном из этих произведений не было столь решительного столкновения двух мирозерцаний, двух жизненных принципов, как это было показано в романе И. А. Гончарова.

Раскрывая один из центральных характеров романа — образ *Александра Адуева*, — Гончаров, по определению В. Г. Белинского, отталкивался от пушкинского Ленского с его мечтательностью, оторванностью от реальной жизни и той возможностью его развития, при которой поэт «обыкновенный ждал удел». Не исключено, что это акцентированное пушкинское определение стало частью названия гончаровского романа. Но для автора «Обыкновенной истории» существенно и последнее слово заголовка — «история». Писатель тщательно, с присущей ему эпической основательностью прослеживает эволюцию своего героя, раскрывая её типичность для своего времени.

Но у образа Александра Адуева были и иные литературные истоки.

Следует назвать творчество М. Н. Загоскина, упомянутого в тексте романа, который в разные годы и в комедийном плане («Богатонов, или Провинциал в столице», 1817) и в драматическом решении (роман «Искуситель», 1838) показывал тлетворное влияние города на душу юного мечтателя.

Прообраз своего Адуева-младшего Гончаров мог увидеть в статье В. Г. Белинского «Русская литература в 1845 году», где критик устанавливал такую типологию: «Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стихков и идеальное обожание неземной девы — вот родные признаки этих «романтиков жизни»². Критик предлагал тогдашним писателям взяться за изображение «деятельного мечтателя». И в статье А. И. Герцена «Дилетанты-романтики» (1843) писатель мог найти яркую характеристику «мечтательного романтизма» и враждебной ему «поэзии индустриальной деятельности» нового века³.

В «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя тоже было показано столкновение мечтателя с «меркантильным веком», и эти образы не могли не питать воображение молодого Гончарова. В творчестве последнего тоже была повесть — «Счастливая ошибка», — которую можно рассматривать как своеобразный эскиз «Обыкновенной истории». Не случайно в этой ранней повести 1839 года уже действовал Адуев (правда, с именем Егор), психологически родственный Александру Адуеву.

Скажем и о западноевропейских параллелях к «Обыкновенной истории» Гончарова. Это и произведения Жорж Санд, и роман О. Бальзака «Евгения Гранде» (эпизод встречи племянника и циничного дядюшки), но более всего знаменательна перекличка гончаровского романа с «Утраченными иллюзиями» Бальзака (1843), вошедшими в его «Сцены провинциальной

жизни». Два сопоставляемых романа родственны уже самой темой, ставшей заголовком у Бальзака. Подобно тому, как французский классик рисует провинциальный мещанский Ангулем, русский автор воспроизводит картины русской глуши. Оба романа изображают романтически настроенного юношу, впервые попадающего в столицу. Люсьена Шардона в Париж вывозит провинциальная львица г-жа Баржетон и бросает там его на произвол судьбы. Александр Адуев в Петербург отправляется сам и тоже чувствует себя в столице потерянным. Оба героя настроены романтически, оба — поэты (с той лишь разницей, что Люсьен обладает незаурядным дарованием, а Александр — более чем скромным). Тот и другой герои живут головокружительными мечтами о литературной славе и карьере. Адуев удручен картиной большого города, тогда как Люсьен ошеломлён видением Парижа. Он «почувствовал, что до сей поры его мысль пребывала в дремотном состоянии <...>, что, сидя в Ангулеме, он напминал лягушку, притаившуюся под камнем на дне болота <...> Париж ... возник перед ним в золотом одеянии, в алмазном королевском венце, раскрывающим талантам свои объятия»⁴. Обоим героям предстоит столкнуться с деловой столицей. Для Адуева её воплощением станет дядя, фабрикант и предприниматель. Люсьен Шардон сталкивается с целым рядом «фабрикантов успеха» — Дориа, Догеро, газетным королём Фино, журналистом-циником Лусто. Оба героя восходят по лестнице буржуазного успеха.

Как видим, у наших романистов общая тема и схожий сюжет. Но трактовка и темы, и сюжета, и образов у сопоставляемых авторов различна. Бальзак сосредоточивает внимание на мире журналистики, подвергает сатирическому изображению провинциальную и столичную знать, удваивает темы утраты иллюзий, вводя дополнитель-

но историю Давида Сешара. У Гончарова своя специфика: он изображает русскую действительность 30-40-х годов. Если у Бальзака Люсьен Шардон гибнет, а Давид Сешар терпит крах и разорение (получение наследства — лишь счастливый случай), то Александр Адуев — в соответствии с логикой русской жизни — идёт путём восхождения, хотя и испытывает выветривание прежней сентиментальной настроенности.

Проследим, как раскрывает тему утраты иллюзий автор «Обыкновенной истории».

Дворянского юношу, выросшего в деревенской усадьбе среди старых лип и кустов сирени, в обстановке тишины, неподвижности и сонного застоя, в условиях обожания, исполнения всех его желаний и абсолютного незнания горя, слёз и чужих бедствий, окончившего университет, где культивировались романтические идеалы любви, дружбы и служения благу, влекут поэтическая слава, мечты об успехе, возвышенные представления о жизни, заманчивые перспективы завоевания сердец поклонниц и поклонников.

Он живет абстрактными фантазиями, упованиями на поддержку со стороны «божественного духа». Сочинения, далёкие от действительности, также способствовали формированию идеализма и отвлечённых представлений Адуева. Барская обеспеченность и беззаботность, освобождавшие от труда и активной умственной деятельности, стали теми особыми обстоятельствами, которые определили возторженное прекраснородушие молодого человека. И. А. Гончаров аналитически точно указывает на эти причины, сформировавшие взгляды и характер Адуева, и художнически убедительно показывает условия его воспитания.

Однако позволим себе усомниться в справедливости слов Белинского о том, что Адуев «был трижды романтиком — по натуре, по воспитанию и

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

по обстоятельствам жизни». Если ещё о предрасположенности к романтизму «по воспитанию и обстоятельствам жизни» можно судить, хотя и с оговорками, то о романтике «по натуре» говорить не приходится. Ведь он устремился в Петербург за «фортунной и карьерой», за чиновничьим успехом, который романтизму противопоказан. Он намерен «приноровиться» к толпе, а это отнюдь не поприще романтиков. Адуеву свойственны *сентиментальные* представления и оценки, достаточно архаичные. У него есть отдельные признаки романтической *настроенности*, с которыми он расстанется довольно быстро. «Трижды романтик» не распрощался бы даже со своим антуражем так удивительно легко, как это произошло в жизни Адуева-младшего, тем более — с предметом своей любовной страсти.

Адуевская настроенность, как временная одежда по сезону, не имеет ничего общего с романтизмом серьёзных идейных исканий, романтическим пафосом свободы, увлечённым построением философско-утопических концепций, которые были характерны для молодого Пушкина, Лермонтова, Герцена, Веневитинова, В. Одоевского. Душевное состояние Адуева таково, что всё беспочвенное предстаёт для него в розовом свете, и человек строит на песке воздушные замки. Против такого подобия романтизма в конце 30-х и в начале 40-х годов выступили Белинский, Герцен, молодой Тургенев. Теперь к ним присоединился Гончаров. Он решительно развенчивает мнимо-романтические порывы своего героя. Убедительность авторского развенчания представлений о жизни, свойственных Адуеву-младшему, состоит в том, что писатель вскрывает присущее его герою ощущение своей исключительной роли, преувеличенное самолюбие, высокомерный, барский взгляд на других, «обыкновенных» людей, крайний эгоизм, про-

явившийся в его представлениях о дружбе и любовных историях.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о том, принадлежит ли Александр Адуев к когорте «лишних людей» тридцатых-сороковых годов. В своё время Н.К. Пиксанов положительно решал этот вопрос. С этим мнением была согласна Е. Краснощёкова, видевшая в юном герое романа реализацию того духовного комплекса, который характерен для Обломова как «лишнего человека». Другой исследователь творчества Гончарова — А.Г. Цейтлин — не согласился с этой точкой зрения⁵, и мы присоединяемся к возражениям этого учёного. В Адуеве-младшем нет «сил необъятных», возможностей и готовности служить людям, нет духа протеста против устройства жизни или философского радикализма. К тому же в чиновничьей среде он оказался отнюдь не лишним.

В Петербурге Александра ожидает цепь глубоких разочарований. Он ясно увидел, что героем не является, что он «самый обыкновенный человек», хуже тех, кого презирал, что он «самолюбив без достоинства, требователен без прав, заносчив без силы, горд и надут собою без заслуги»⁶. Александр открывает для себя печальную истину: в тех жизненных неудачах, которые его преследуют, виноват не рок, не «толпа», якобы его не понимавшая, а только он сам. Приобщение к суровой петербургской жизни обнаружило полную несостоятельность его идеалов, ребячество его мечтаний, слепоту его представлений. Дядя помогает ему в этом убедиться. Оказывается, стихи Александра бездарны и никому не нужны. «Пора стихокропателей прошла, теперь талант — это капитал», — иронизирует дядя и отдаёт опусы племянника на оклейку стен.

Проекты его, как выяснилось, беспочвенны. Когда Александр вспоминал о них, «краска бросалась ему в лицо».

Обнаруживается, что дружба — в адуевском её понимании — несостоятельна. Хотя Поспелов обещал когда-то юноше дружбу «до гробовой доски», но за время пребывания Адуева в Петербурге стал для него чужим. Когда они встретились на Невском проспекте, то Александра поразило спокойствие, отсутствие вскрикиваний, оханний, объятий. Ныне Поспелов «имеет прекрасное место, доволен и службой, и начальниками, и товарищами ... и своей судьбой», а для дяди он стал идеалом. Ради бесед со старым другом, с которым так много было пролито слёз, Поспелов не хочет променять званый обед, на который спешит. В другой раз, услышав исповедь Александра о его разочарованиях и тревогах, Поспелов громко расхохотался, напомнив смех дяди. Так что от идеальной дружбы «навек» не остаётся и следа.

Рушится и идеал любви. Оказывается, женщины могут обманывать, как предсказывал дядя, «надувать» (не отсюда ли — от слова «надует» происходит фамилия Адуев?) Пережитые Александром истории с Наденькой и Туфяевой это подтвердили (впрочем, и сам он забыл, «надул» свою Софьюшку из Грачей). Блага он принести людям не в состоянии — это стало очевидным.

Приходит, наконец, и полная переоценка достоинств усадебной патриархальной жизни, к которой, по совету дяди, Александр на время возвратился. В деревне, оказывается, можно зачахнуть, потеряться, «погибнуть».

Герой Гончарова испытывает не только горечь разочарований, но и естественные в его положении страдания. Однако переживает он их опять-таки по-адуевски, самовлюблённо, ставя себя по привычке выше других. Гончаров метко характеризует позу своего героя: «Наконец, страсть выдохлась в нём, истинная печаль прошла, но ему жаль было расстаться с нею: он

насильственно продолжил её, или, лучше сказать, создал себе искусственную грусть, играл, красовался и утопал в ней. Ему как-то нравилось играть роль страдальца».

Иногда нас не покидает чувство, что Гончаров в чём-то соперничает своему герою: ведь он многие годы самого себя считал неисправимым романтиком и идеалистом. Кажется, что автору по-своему близки стремления Александра к идеалу, к самореализации, поэтическая настроенность юноши, его вера в высокое и благородное. Однако для нас очевидно и другое: Гончаров как суровый реалист вскрывает беспочвенность мечтаний Адуева-младшего, книжную отвлечённость его представлений о жизни, заимствованный, надуманный характер его стихов и чувств. Суд автора оказывается суровым и безоговорочным. И хотя герой его дважды пытается оправдаться — и перед дядей, и перед его женой, — решение судьи Гончарова обжалованию не подлежит: жизнь Адуева-младшего оказалась бесполезной.

Чтобы это своё осуждение сделать более рельефным, Гончаров сталкивает племянника с умным, многоопытным и саркастическим дядюшкой, берёт в свои единомышленники Лизавету Александровну и в довершение всего показывает ловкое перерождение Александра Адуева в финальной части своего романа.

Хотя писатель тщательно, пристально, не торопясь, следит за каждым шагом своего юного героя, но, по существу, метаморфозы Адуева-младшего происходят достаточно быстро. «Романтик» превращается в расчётливого, сухого, нагловатого дельца. По Гончарову, это перерождение вполне естественно в условиях чиновничьей канцелярии, мотивированно для эгоиста и индивидуалиста. Слишком наносным был «романтизм» Александра, слишком вескими были аргументы и контрудары дядюшки.

В эпилоге романа мы видим бывшего мечтателя, предавшего свой юношеский идеализм, разжиревшим чиновником, заполучившим орден, претендующим на полумиллионное приданое новой невесты. «Я иду наравне с веком: нельзя же отставать», — самодовольно восклицает Александр, шествуя с выставленным вперёд выпуклым брюшком.

Белинский нашёл противоестественным превращение Адуева-младшего в карьериста и стяжателя. С его точки зрения, было бы логичнее заставить этого героя заглохнуть в апатии и лени. По словам критика, Адуев-младший в эпилоге стал лицом фальшивым и неестественным. Ошибка Белинского проистекала от преувеличения романтизма, присущего, якобы, юному герою. Но у автора — своя логика, свой глубоко продуманный замысел.

Тем не менее, рекомендацию Белинского Гончаров учёл и художественно обосновал в своём новом романе — «Обломов».

Длительное время Александру Адуеву в романе решительно противостоит его дядюшка, *Пётр Адуев*. Он иронизирует по поводу сентиментально-«романтической» восторженности племянника, саркастически высмеивает его проекты и иллюзии, непримиримо отвергает его переживания и «страсти», гневно осуждает присущую Александру праздность. Это главная функция, которую в романе выполняет Адуев-старший, и в этом плане автор оказывается на его стороне. Проницательный Пётр Иванович мгновенно уловил нетвёрдость убеждений племянника, его готовность пойти на компромисс, его способность прийти с ним, дядей, к соглашению. И оттого в его речи нередко звучат «объединяющие» местоимения множественного числа: «мы», «нас», «нам». Критик К. Тюнькин, конечно, не прав, называя Адуева-старшего «резонером» и приписывая

ему «отрицательную роль»⁷. Нет, Пётр Иванович вынужден вступать в спор, в полемику, участвовать в острой дуэли, чтобы разбить архаические представления и обветшалые сентиментальные истины.

Передавая споры двух столь разных родственников, Гончаров проявляет себя как великолепный мастер диалога. Высказывания героев выразительно характеризуют каждого из них. Их полемика создаёт многочисленные драматизированные сценки, нередко исполненные юмора, комических положений, элементов пародии на героев псевдоромантической поэмы и на их речевые штампы, выпренные «красивые» и пышные фразы. Белинский был прав, относя эти разговоры к лучшим сторонам романа.

Другая роль, которую дядюшка играет в произведении, заключается в апологии энергии, дела, инициативы, противопоставленных праздной мечтательности и безделью. «Мечтать здесь некогда, — заявляет Адуев-старший, — подобные нам ездят сюда дело делать...» Это пропаганда живого дела в борьбе с «всероссийским застоём» (Гончаров). В этом дядюшка также симпатичен автору и отчасти выражает его воззрения.

Более того, И. А. Гончаров наделяет Петра Адуева рядом положительных качеств. Этот герой романа не жалеет время на «вразумление» своего племянника; он весьма умен, образован, владеет двумя иностранными языками, любит и регулярно посещает театр, наизусть цитирует Пушкина, собрал коллекцию произведений живописи, высоко ценит искусство. Обладая большим жизненным опытом, он сочетает энергичную промышленную и коммерческую деятельность (он владеет стекольным и фарфоровым заводами). Одновременно он «достиг значительного положения в службе, дорос до чина тайного советника». При том это отнюдь не чиновничья

деловитость и ловкая предприимчивость: автор подчёркивает честность Адуева. Гончаров наделяет Петра Ивановича очень высоким почитанием женщины («никогда, — внушает он племяннику, — не посягай на личность женщины ни словом, ни делом»), чувством юмора, острым сарказмом, мастерством полемики.

Безусловно, этот образ отличался значительной новизной. В русской литературе ещё не было подобного героя. И Гончаров проявил и чуткость, и смелость, и новаторство, лепя этот образ и наделяя его рядом эстетически привлекательных черт (у него ровная, красивая походка, приятные манеры, это «пропорционально сложенный мужчина», у него правильные черты лица). Гончаров запечатлел рождённый в России тип буржуазного человека, своим преуспеванием способствующего развитию в стране промышленности и торговли. Писателю удалось заглянуть далеко вперёд и увидеть прообраз «нового русского», явившегося сегодня в новой жизненной ситуации.

Однако Гончаров объективен и в оценке этого героя романа. Труд Петра Ивановича не окрылён высокой идеей общественного служения (цель деятельности его для автора проблематична), не согрет гуманностью и человечностью. Жизненные задачи его весьма ограничены: его увлекает, прежде всего, богатство, комфорт и карьера. Высокие цели он называет бредом. Гончарову явно антипатичен голый практицизм, слишком трезвый расчёт дядюшки, который каждое своё движение контролирует рассудком. А. Григорьев находил, что Пётр Иванович олицетворяет «бюрократическую практичность», а другие критики называли его «человеком-машиной».

Поэзия, творчество, гостеприимство, дружеское общение, любовь и брак, с точки зрения Адуева-старшего, — пустые и зряшные слова, поня-

тия, мешающие «дело делать» (здесь он противоречит себе, поскольку знает поэзию и дорожит своей семьёй). Эту особенность героя метко оценил критик В.П. Боткин, который писал Белинскому: «Ты замечаешь, какой удар повесть Гончарова нанесёт романтизму — и справедливо; а мне также кажется, что от неё не очень поздоровится арифметическому здравому смыслу»⁸. Действительно, писатель показал несостоятельность практической мудрости Адуева-старшего, изъян и значительную ущербность в его поведении.

Обнаруживается, что «дело» его и принципы, которыми Пётр Иванович руководствуется, далеки от гуманистических идеалов Гончарова. Сначала деячество и ограниченность целей своего мужа подвергает жестокой критике его жена. Позиция Лизаветы Александровны глубоко мотивирована, поскольку она более других узнала бездушие Петра Ивановича, его расчётливость и холодность; разобралась в индивидуализме и ложной мудрости мужа, став его своеобразной жертвой. «Деревянная жизнь» Адуева-старшего иссушила душу умной и тонко чувствующей женщины. Она заболевает, и в доме удачливого предпринимателя разыгрывается большая семейная драма. У Лизаветы Александровны остаётся сознание даром прожитой жизни, бессмысленности окружающего её комфорта и чувство глубокой горечи от безнадёжной утраты счастья.

Раскрытием бессердечности буржуазных отношений в сфере семьи, трагедии погибающей героини Гончаров помогал решить острую и актуальную проблему эмансипации женщины.

Семейная драма во многом меняет характер Петра Адуева. Поняв, как тяжело больна его жена, которую он довёл до чахотки, он готов немедленно отказаться от карьеры и «фортуны». Уход в отставку накануне ожидаемого возведения в чин тайного советника

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

свидетельствует о желанном установлении взаимопонимания между супругами, о проявлении лучших черт характера Петра Ивановича. Он собирается бросить службу, продать свой завод, отказаться от высоких почестей, чтобы уехать в Италию и продлить жизнь жены. Трудно назвать эти перемены обычным явлением. Это, пожалуй, исключительный случай.

Зато с Адуевым-младшим происходит *обыкновенная история*.

В финале романа он становится дублёром, искажённым, даже пародийным вариантом Адуева-старшего, каким тот был до семейной драмы. Теперь Александр — видный бюрократ, претендент на полтысячи душ и 300 тысяч рублей приданого нелюбимой невесты. Гончаров устанавливает жизненный парадокс: откровенные антиподы оказались уподобленными друг другу. Их сближение происходит на почве того индивидуализма и эгоизма, которые по-разному были свойственны им обоим. В конечном счёте торжествует «адуевщина», как метко назвал это явление Л. Н. Толстой: бесчеловечность и нахрапистость, рождённые железным, буржуазным веком.

С грустью и скорбью констатирует очевидные перемены в героях *Лизавета Александровна*, внимательная свидетельница этих метаморфоз, мудрый судья бессердечных буржуазных общественных и семейных отношений, испытывавшая на себе холодную тиранию над сердцем женщины. В романе не так уж много сказано об этой молодой и прекрасной героине, но роль её в произведении чрезвычайно значительна. Умная, чуткая, тонкая наблюдательница происходящего с мужем и племянником, она, словно опытный врач, ставит верный диагноз болезни, присущей обоим героям. Верная жена, она любит своего мужа, но тяжело страдает оттого, что любовь оказывается лишним, необязательным и

даже ненужным придатком жизни её супруга. Добрая *ma tante* (тётушка), она горячо сочувствует своему ровеснику-племяннику, но и осуждает его сначала за восторженность до сумасбродства, а потом за преждевременную остылость чувств. Лизавете Александровне суждено занимать «золотую середину» между двумя полярными крайностями своих мужчин, быть в центре их конфликта.

В романе Гончарова мы встречаем и другие женские характеры, убеждаясь в том, что автор проявляет необыкновенное мастерство в их обрисовке. Психологическим своеобразием отличается и наивно-сентиментальная провинциалка Софья, и добрая, не чающая души в своём единственном сыне Анна Павловна; и очаровательная Наденька Любецкая, наделённая капризами, причудами и своенравием, способными покорить юношу настолько, что он вмиг забывает и Софью, и цель своего приезда в столицу; и чувствительная, слабонервная молодая вдовушка Юлия Тафаева; и величаво-спокойная, весьма наивная Лиза; и старомодная, восторженно-романтическая старая дева Мария Горбатова, и грубоватая, но переменчивая Аграфена. Рисуя эти женские образы, Гончаров использует и портретные описания, и принцип зеркального отражения, и приём двойного портрета, и жанр письма... Смена же этих чаровниц в жизни Адуева-младшего наглядно свидетельствует о напускном, несерьёзном «романтизме» юноши и о неуклонном процессе опустошения его души, когда он легко обменивает любовный восторг на холодно-безлюбовный брак по расчёту.

Автор в романе стремится быть максимально объективным и эпически-спокойным. Но особая позиция его неизменно приоткрывается читателю. Гончаров преимущественно — на стороне Адуева-старшего, сына своего века, каковым ощущал себя и

сам писатель. А Адуеву-младшему достаётся сначала тонкая ирония автора, потом открытое осуждение и, наконец, авторское развенчание и сарказм.

Значительное место в романе занял сочный гончаровский юмор. Его по достоинству оценивали критик А. Галахов, отмечая его «неподдельность», В. Острогорский и А. Дружинин.

Для сюжета «Обыкновенной истории» характерна дуплановость: с одной стороны изображаются события из жизни Александра и мир его иллюзорных представлений; с другой — даётся их комментарий и оценка со стороны Петра Адуева. При этом автор избегает второстепенных, побочных линий и создаёт однолинейное изображение, сконцентрированное вокруг одного конфликта.

Построение романа (он состоит из двух частей, в каждой из которых — по шесть глав, и эпилога) передаёт чёткий ритм, последовательность и методичность свершения обыкновенной истории — превращения Адуева-младшего в подобие Адуева-старшего. Вслед за развёрнутой экспозицией, воспроизводящей стоячий мир провинциальных Грачей, следует острая завязка (встреча племянника с антагонистом-дядей) и повествование, состоящее из адуевских увлечений и соответствующих споров. Действие, носящее центростремительный характер, сопровождается повторами положений и возвратом к прошлому, проясняющему ситуации настоящего (эпизоды объятий и предложений денег взаимно). Здесь заметна парная группировка персонажей (дядя — племянник, Александр — Наденька, Пётр — Лизавета Александровна) и реализация законов симметрии и контраста. Обе части скреплены единой интригой, придающей роману редкую стройность. Определённое (но в этом первом романе — ещё незначительное) место в композиции занимает *пейзаж* (сельский, городской — «одни трубы,

да крыши, да чёрные грязные кирпичные бока домов», поэтическое описание белой ночи). Эпилог романа демонстрирует победу «арифметического здравого смысла» и завершение «обыкновенной истории».

Книга написана ясным, чистым и гибким языком, усиливающим цельность произведения, несмотря на различие речевых характеристик племянника и дяди и смену сентиментально-патетических и буднично-юмористических стилизованных фрагментов. Как показали В. К. Фаворин и В. Б. Бродская,¹⁰ язык романа отличается своей импровизационностью и стилистическим богатством, особенно заметными в авторской речи и спорах центральных антагонистов. Для языка племянника весьма характерна частая цитатность и «дикость», то есть насыщенность сентиментальными и книжными штампами («дружба и любовь — эти священные и высокие чувства, упавшие как будто ненарочно с неба в земную грязь», «струны моего сердца», «прозябать без вдохновенья»), восклицаниями и междометиями. В то же время речь Александра украшена обильными тропами: выпренными эпитетами, метафорами. Напротив, у дяди речь точна, немногословна, пародийна по отношению к фразеологии провинциального родственника, порой грубовата (тётушка — явная «дура», а Заезжалов — из породы «ослов»). Великолепны диалоги, написанные очень живо, остро, с подлинным блеском. Это именно дуэльные схватки, где парирует и потом ведёт наступление Адуев-старший. Недаром этими разговорами-спорами восторгался Белинский.

Общественное и литературное значение произведения Гончарова огромно. Оно наносило тройной удар: по потугам на романтизм, проявлявшийся в быту; по романтизму в литературе, тормозившему в 30-40-е годы развитие реализма (хотя сам Гончаров всегда с

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

глубоким уважением относился к этому направлению и методу), по бездушному буржуазному делячеству, забывающему о человеке.

«Обыкновенная история» обозначила ведущие тенденции тогдашней жизни, нарисовала образ нового «героя времени», воссоздала правдивые картины действительности, утвердила реализм в жизни и искусстве, выявила основной метод автора – «реализм объективного отношения к герою» (Белинский), внесла вклад в развитие социально-психологического романа, открывала дорогу новому творению – «Обломову». Л. Н. Толстой называл нашу книгу «прелестью». Он писал: «Вот где учиться жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее»¹¹.

История Адуева-младшего и образ Адуева-старшего отличаются ис-

ключительной злободневностью. Они заставляют читателя наших дней задумываться над тем, «как жить». Именно так озаглавил свою статью об этом романе драматург Виктор Розов. Любопытно, что, впервые прочитав это произведение, писатель сразу же решил сделать из него пьесу и поставить её на сцене. Замысел этот был осуществлён в театре «Современник». Это стало событием вполне закономерным. В. С. Розов писал: «... потому всегда будет жить роман «Обыкновенная история», что он тревожит людей, заставляет их снова и снова задумываться о своём нравственном выборе, он активно участвует в современной духовной жизни каждого нового поколения»¹². В конечном итоге роман И. А. Гончарова и пьеса В. С. Розова стали произведением о любви к человеку и преданности высоким духовным идеалам, которые являются высшими ценностями в нашей жизни.

Примечания

1. Гончаров И. А. Собр. сочинений: В 8 т. – М.: Худож. лит-ра, 1980. – Т. 8. – С. 108.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : В 12 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1958-1959. – Т. IX. – С. 380.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954-1964. – Т. III. – С. 28.
4. Бальзак Оноре. Собр. соч.: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 6 – С.140-141.
5. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 73.
6. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. – М.: Гослитиздат, 1948. – Т. III. – С. 826.
7. Тюнькин К. Великий романист//И. А. Гончаров. Собр. соч. – В 8 т. – М.: Худ. лит-ра, 1977. – Т. 1. – С. 12.
8. Цит. по: Краснощёкова Е. Обыкновенная история: комментарий/там же, с. 495.
9. См.: Пруцков Н. И. О художественном своеобразии Гончарова-романиста// Русская литература. – 1961, № 4. – С. 49-98.
10. Фаворин В. К. И. А. Гончаров в борьбе за реалистический язык русской литературы// - «Уральский современник», 1954, № 2. – С. 274-288; Бродская В. В. Язык и стиль романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»//Вопросы славянского языкознания. – Львов, 1953. – № 3. – С. 129-154.
11. «Л. Н. Толстой о литературе». – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 32.
12. Розов В. Как жить? (Роман «Обыкновенная история» И. А. Гончарова)//«Вершины: книга о выдающихся произведениях русской литературы». – М.: Дет. лит-ра, 1981. – С. 86-87.

А. Н. Миронов

РОМАН «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И. А. ГОНЧАРОВА КАК ОБВИНЕНИЕ РОМАНТИЗМА В ТОРЖЕСТВЕ ПРАГМАТИЗМА

Вот странности, — скажет некто и продолжит, — разве романтизм может рождать вполне противное ему прагматическое начало? Да, именно может и непременно рождает — ответит в свою очередь автор настоящей статьи. То есть рассматриваемый роман «Обыкновенная история» И. А. Гончарова как раз и являет собою известный пример такого неожиданного порождения. Впрочем, попробуем все-таки обосновать сформулированное выше путем подробного и вдумчивого прочтения названного произведения. Но сначала определимся со смыслом понятия РОМАНТИЗМ. В принятой лингвистами системе координат романтизм определяется как направление в европейской литературе, которому свойственна идеализация прошлого, с одной стороны, с другой — оторванность от действительности, индивидуализм, претензия на исключительность; сказочность, увлекательность, мечтательность. Как мы видим, РОМАНТИЗМ в своей основе есть реакция неразвитого восприятия на несоответствие реальности бытия имеющимся у него ожиданиям. Другое дело, что этот ответ принимает вид особой или причудливой фантазии, в которой реальность умозрительно во многом пересоздается в соответствии с имеющимися превратными представлениями о логичности и справедливости чего-либо.

Теперь о стандартном или установившемся понимании прагматизма. Греческие значения «прилагательного» исследуемого слова следующие: достоверный; на деле основанный и прямо к делу применяемый. С другой стороны, в толковом словаре русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова изучаемое понятие означает: субъективно-идеалистическое течение в философии, разновидность махизма, отрицающее объективное существование истины, признающее единственным критерием практику, опыт и выводящее необходимость существования Бога для практических целей; теория исторического познания, рассматривающая исторический процесс как цепь отдельных событий в их причинно-следственной связи, но без освещения их с точки зрения общих исторических законов. Кроме того, греческое прагма означает действие. В результате выходит то, что, с одной стороны, ПРАГМАТИЗМ есть практика действия, с другой — объяснение внешней причинно-следственной связи в чем-либо. Последнее можно еще представить как действие костяшек домино друг на друга внутри процесса, описываемого «принципом домино». То есть прагматизм есть своего рода теория и практика достижения УДОБНОЙ (комфортной) жизни. Однако человек редко полностью удовлетворяется пределами такого

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

бытия. Ему ведомы чаяния и стремления, которые вполне игнорируют правила рассматриваемого нами учения. Кстати, И.А. Гончаров, как честный писатель, в конце своего романа и вынужден был констатировать сущностную уязвимость этого способа жизни, во всяком случае, для людей на самом деле глубоких и самостоятельно мыслящих. Иначе говоря, прагматизм, эффективно регулируя жизнь, в конце концов, попросту удушает или обесмысливает ее. Но в чем же слабое место прагматизма? Оно в том, что прагматик избегает усилий в части познания (открытия) истинных причин явлений и событий собственной жизни, полагая возможным ограничиваться лишь приписыванием им неких несложных объяснений. Именно поэтому он много волнуется о личной безопасности. Другими словами, прагматик склонен к упрощению или к схематизации, ведущей его к скорому, но неустойчивому в перспективе результату. Впрочем, приступим к чтению романа «Обыкновенная история».

В первой части разбираемой истории молодой человек по имени Александр Адуев, исполненный возвышенных чувств и ожиданий сказочной жизни, наталкивается, на горькие плоды своей новой жизни в Петербурге. Они, прежде всего, сконцентрировались в его несчастной любви к молодой девушке по имени Надежда, которая предала его во имя новых отношений с графом Новинским. Впрочем, следует заметить, что герой романа получает сполна наслаждений (за исключением совсем уж плотских) от своих встреч с Наденькой вплоть до момента появления рядом с нею графа. То есть в них не все было печалью. Однако Александр, ожидая большего, легко отказывает своей возлюбленной даже в малой благодарности за дни, часы и минуты счастья, все-таки бывшего с ним тогда, сводя все к подлой

измене себе. Теперь же, спустя год после описанных сцен, Александр пребывал в роли страдальца: «Ему как-то нравилось играть роль страдальца. Он был тих, важен, туманен, как человек, выдержавший, по его словам, *удар судьбы* — говорил о высоких страданиях, о святых, возвышенных чувствах, смятых и втопанных в грязь — “и кем? — прибавлял он, — девчонкой, кокеткой, и презренным развратником, мишурным львом. Неужели судьба послала меня в мир для того, чтоб все, что было во мне высокого, принести в жертву ничтожеству?”». Тут же он опрометчиво добавлял: «Я не хочу позорить святого имени любви, называя так наши отношения с этой...». Далее Адуев и вовсе впадал в манию величия, изъясняясь так: «я слишком был выше и ее, и графа, и всей этой жалкой и мелкой сферы; не мудрено, что я остался не разгаданным ей». Не останавливаясь, он говорил и такое о требованиях к любви женщины к его персоне: «Я бы потребовал от нее первенства в ее сердце. Любимая женщина не должна замечать, видеть других мужчин, кроме меня; все они должны казаться ей невыносимыми. Я один выше, прекраснее, — тут он выпрямлялся, — лучше, благороднее всех. Каждый миг, прожитый не со мной, для нее потерянный миг. В моих глазах, в моих разговорах должна она почерпать блаженство и не знать другого... Для меня, — продолжал он с блистающими глазами, — она должна жертвовать всем: презренными выгодами, расчетами, свергнуть с себя деспотическое иго матери, мужа, бежать, если нужно, на край света, сносить энергетически все лишения, наконец, презреть самую смерть — вот любовь! А эта...». На вопрос своей тетушки Лизаветы Александровны «А вы чем бы вознаградили за эту любовь?» герой преспокойно отвечает: «Я? О! — начал Александр, возводя взоры к небу, — я бы посвятил всю жизнь ей, я бы лежал

у ног ее. Смотреть ей в глаза было бы высшим счастьем. Каждое слово ее было бы мне законом. Я бы пел ее красоте, нашу любовь, природу...».

Но каков же прагматичный оппонент романтического героя романа, его родной дядюшка Петр Иванович? И.А. Гончаров рассказывает о нем следующее: «Но что было главной целью его трудов? Трудился ли он для общей человеческой цели, исполняя заданный ему судьбою урок, или только для мелочных причин, чтобы приобрести между людьми чиновное и денежное значение, для того ли, наконец, чтобы его не гнули в дугу нужда, обстоятельства? Бог его знает. О высоких целях он разговаривать не любил, называя это бредом, а говорил сухо и просто, что надо *дело делать*... Он был враг всяких эффектов — это бы хорошо; но он не любил и искренних проявлений сердца, не верил этой потребности и в других».

Теперь в самую пору узнать о Петре Ивановиче каков он в любви. Об этом автор романа сообщает читателю через размышления о нем его супруги, тетушки главного героя: «Она пробовала возбудить в нем ревность, думая, что тогда любовь непременно выскочит... Ничего не бывало. Чуть он заметит, что она отличает в обществе какого-нибудь молодого человека, он спешит пригласить его к себе, обласкает, сам не нахвалится его достоинствами и не боится оставлять его наедине с женой. Лизавета Александровна иногда обманывала себя, мечтая, что может быть Петр Иванович действует стратегически; что не в том ли состоит его таинственная метода, чтоб, поддерживая в ней всегда сомнение, тем поддерживать и самую любовь. Но при первом отзыве мужа о любви она тотчас же разочаровывалась». Далее героиня романа думает о свойствах мужа уже следующее: «Он был тонок, проницателен, ловок. Он понимал все тревоги сердца, все душевные бури, но

понимал — и только. Весь кодекс сердечных дел был у него в голове, но не в сердце. В его суждениях об этом видно было, что он говорит как бы слышанное и затвержденное, но отнюдь не прочувствованное. Он рассуждал о страстях верно, но не признавал над собой их власти, даже смеялся над ними, считая их ошибками, уродливыми отступлениями от действительности, чем-то вроде болезней, для которых со временем явится своя медицина». То есть И.А. Гончаров свидетельствует, что Петр Иванович ни холоден, ни горяч, ровно и точно реагирует на факты действительности, являет в целом человека с «положительными целями». Но что-то смущает в нем его супругу, которая сердцем схватывает скрытую неполноту или ущербность его натуры: «Да разве он не постигает, со всем своим умом, что и в положительных целях женщины присутствует непременно любовь?.. Семейные обязанности — вот ее заботы, но разве можно исполнять их без любви?.. О, пусть я купила бы себе чувство муками, пусть бы перенесла все страдания, какие неразлучны со страстью, но лишь бы жить полную жизнью, лишь бы чувствовать свое существование, а не прозябать!..»

В последних приведенных выше словах об остром дефиците смысла жизни у развитых светских натур и кроется вся проблематика жизни человека фактически без Бога, без страстного и настойчивого искания Его. Конечно, женщина может полностью любить мужчину, который занят важнейшим для всех людей делом, например, созданием условий жизни, ведущих к воцарению благих нравов. Но это будет неординарная натура, ищущая не только для себя больших смыслов человеческого бытия. Удел же остальных женщин — поддержание перспективы для подобных всеобщих изменений. Впрочем, кто-то возразит, что вообще-то любят не за что-то

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

конкретное, так как любят сам образ человека, каков он в жизни. Что ж, во многом это так. Но это чувство сродни чему-то цыганскому. Оно красиво в кино, литературе или на сцене. В действительности в нем много мрачного или демонического, что, в конце концов, вряд ли самоценно. И вообще, любовь при необузданных нравах, как правило, драматична, а то и трагична. Да такая импульсивная жизнь не дает скучать, но разве задача человека есть бегство от скуки? Наоборот, проблема скуки — это существенный признак неумной жизни. Но вернемся к героям романа.

Александр, столкнувшись на Невском с другом своего детства, снова переживает нравственное потрясение от того, что его товарищ совсем не понимает его сердечных мук, ведет себя с ним сухо и даже отчужденно, хотя и сохраняет все формальные признаки былой дружбы. Что так и почему? Как жить после этого «черного» открытия? Вновь перед нами дилемма: стать страстным и негодующим на врагов героя его болельщиком или все-таки понять причину его неудач? И в чем же она сокрыта и почему Александр ее не ищет? Впрочем, главный утешитель героя — его тетюшка Лизавета Александровна упорно защищает позицию Александра перед его же дядей Петром Ивановичем: «Нашел кого поставить с ним наравне! (речь идет о возлюбленной героя романа. — А. М.) это насмешка судьбы. Она всегда, будто нарочно, сведет нежного, чувствительного человека с холодным созданием! Бедный Александр! У него ум нейдет наравне с сердцем, вот он и виноват в глазах тех, у кого ум забежал слишком вперед, кто хочет взять везде только рассудком...» Теперь нам всем впору бы и поумнеть и понять, где же правда, и в чем она? Дядя героя осуждает его, тетя — защищает. Неужели правы оба? Скорей уж неправы обе стороны. Как так, разве подобное возможно (бывает)? Да бы-

вает, и прежде всего во всех сложных случаях — сплошь и рядом. Но об этом подробно поговорим позже. Далее же вернемся вновь к роману.

Вот Александр снова в кругу своих близких: Петра Иваныча и Лизаветы Александровны. О чем же он говорит? «Поверить людям, искать симпатии — в ком? Рассыпать бисер — перед кем! Кругом низость, слабодушие, мелочность, а еще сохранил юношескую веру в добро, в доблесть, в постоянство...». То есть, вспоминая все свои обиды на своего друга детства, герой романа снова на любимом коньке романтизма, как говорится, во всей красе. Чем же он гордится? Собственной верой в добро, понимая последнее как восторженное излияние чувств. Или вот еще горд странной верой в доблесть, в постоянство. Иначе говоря, Александр упорствует в том, что лишь его реакции на людей и обстоятельства жизни уместны, а значит, и правильны: «И сам я от людей не требовал ни подвигов добра, ни великодушия, ни самоотвержения... требовал только должного, следующего мне по всем правам...» И тут, после напоминания Петра Иваныча о том, что он не писал писем собственной матери аж четыре месяца, Александр с легкостью восклицает уже на свой счет: «Я чудовище!» В результате этого замечания герой романа тоскует. Но тут ему на помощь спешит его тетюшка, которая говорит ему: «Вас не умели ценить, но поверьте, найдется сердце, которое вас оценит; я вам порука в том. Вы еще так молоды: забудьте это все, займитесь: у вас есть талант: пишите... Не слушайте Петра Иваныча: рассуждайте с ним о политике, об агрономии, о чем хотите, только не о поэзии. Он вам никогда об этом правды не скажет. Вас оценит публика — вы увидите...» Кстати, видимо сила героя в поэтичности его взгляда на мир? Тогда его вполне можно понять и простить. С другой стороны, и поэзия бывает разной: и занудной, и

даже праздной. Впрочем, дальнейшие страницы романа дадут знать о поэтичности Александра исчерпывающе.

Но вдруг читаем такое размышление героя: «Где же, — думал он, — после этого преимущество молодости, свежести, пылкости ума и чувств, когда человек, с некоторою только опытностью, но с черствым сердцем, без энергии, уничтожает его на каждом шагу, так, мимоходом, небрежно? Когда же спор будет равен и когда наконец перевес будет на его стороне? А на его стороне, кажется, и талант, и избыток душевных сил...» Вот оно искомое: Александр ищет вовсе не истину, он лишь пытается конкурировать за право быть первым среди первых. Сомневаетесь, что это так, дорогой читатель? Тогда внимайте следующему посланию от автора романа: «Он (речь об Александре. — А. М.) дал себе слово смотреть за собой и при первом случае уничтожить дядю: доказать ему, что никакая опытность не заменит того, что вложено свыше; что как он, Петр Иванович, там себе не проповедуй, а с этой минуты не сбудется ни одно из его холодных методических предсказаний. Александр сам найдет свой путь и пойдет по нем не робкими, а твердыми и ровными шагами... Дядя увидит и в свою очередь разыграет впоследствии перед ним, опытным мастером, роль жалкого ученика...». В результате перед нами сцена прочтения героем своей новой повести дяде, который заранее оговаривает для себя условия, что в случае нужды в критике произведения он просто промолчит. И вот Петр Иванович безмолвно собирается покинуть чтение. На недоуменное замечание супруги тут же отвечает, что лучше для суда над повестью изберем посредника — знакомого сотрудника журнала. Итог сей затеи получился сух и категоричен: в письме из редакции было указано, что для написания дельной повести «нужен талант, а его тут и следа нет». Как говорится, и с

поэзией героя «закончили мы счеты». Что ж теперь? В чем его талант? После торжественного сжигания в камине собственной повести и других литературных творений Александр получает от дяди предложение соблазнить вдову Тафаеву, за которой принялся ухаживать компаньон Петра Ивановича Сурков. Цель этой акции — склонить названное выше лицо к отказу от ухаживания за упомянутой выше женщиной, чреватого многими незапланированными тратами из казны завода дяди нашего героя. И что же Александр? Как говорится, сомнения были недолги. Он соглашается «идти в бой». И никакие возвышенные моральные соображения уже не мешают ему стать союзником прагматичного Петра Ивановича. А гордый романтизм героя романа начинает рассеиваться как утренний туман под лучами уже поднявшегося над горизонтом солнца. И вот перед нами уже плоды открывшегося вдруг таланта Александра: «Он исполнял поручение дяди. Сурков уж давно перестал ездить к Тафаевой и везде объявил, что у них все кончено, что он *разорвал с ней связь*». Однако, как водится за молодыми людьми, герой романа, выполняя поручение своего дяди, явно перестарался и стал действовать уже вполне самостоятельно, явно выходя за пределы поставленной ранее цели. В результате Тафаева полностью привязывается к Александру. Но мы еще не можем сказать, что перед нами прожженный франт, лишь пользующийся любовью молодой вдовы. Более того, ниже цитируемые слова Александра свидетельствуют как бы совсем благое: «Какая отрада, какое блаженство, — думал Александр, еду к ней (речь о Юлии Тафаевой. — А. М.) от дяди, — знать, что есть в мире существо, которое, где бы ни было, что бы ни делало, помнит о нас, сближает все мысли, занятия, поступки, — все к одной точке и одному понятию — о любимом существе! Это как будто наш

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

двойник. Что он ни слышит, что ни видит, мимо чего ни пройдет или что ни пройдет мимо него, все поверяется впечатлением другого, своего двойника; это впечатление известно обоим, оба изучили друг друга — и потом поверенное таким образом впечатление принимается и утверждается в душе неизгладимыми чертами. Двойник отказывается от собственных ощущений, если они не могут быть разделены или приняты другим. Он любит то, что любит другой, и ненавидит, что тот ненавидит. Они живут нераздельно в одной мысли, в одном чувстве: у них одно духовное око, один слух, один ум, одна душа...». Другими словами, герой романа, решая проблему дяди, гнет по-прежнему свою романтическую линию. Вместе с этим, в нем же вдруг воцарялось следующее настроение: «Он никому и ничему не верил, не забывался в наслаждении; вкушал его, как человек без аппетита вкушает лакомое блюдо, холодно, зная, что за этим наступит скука, что наполнить душевной пустоты ничем нельзя. Ввериться чувству — оно обманет и только взволнует душу и прибавит еще несколько ран к прежним. Глядя на людей, связанных любовью, не помнящих себя от восторга, он улыбался иронически и думал: «Погодите, опомнитесь; после первых радостей начнется ревность, сцены примирения, слезы. Живучи вместе, надоедите друг другу смертельно, а расстанетесь — вдвое заплачете. Сойдетесь опять — еще хуже. Сумасшедшие! Беспорывно ссорятся, дуются друг на друга, ревнуют, потом мирятся на минуту, чтоб сильнее поссориться: это у них любовь, преданность! а все вместе, с пеной на устах, иногда со слезами отчаяния на глазах упрямо называют счастьем! А дружба ваша... *брось-ка кость — так что твои собаки!*»».

В результате Александр бросает все и всех и едет в свою родную деревню. Но спустя всего полтора года с героем

романа происходит следующее: «Все бы хорошо, но Александр к концу этого срока стал опять задумываться. Желаний у него не было никаких, а какие и были, так их немудрено было удовлетворить: они не выходили из пределов семейной жизни. Ничто его не тревожило: ни забота, ни сомнение, а он скучал!» В частности, он размышлял так: «И что я здесь делаю? — с досадой говорил он, — за что вяну? Зачем гаснут мои дарования? Почему мне не блистать там своим трудом?.. Теперь я стал рассудительнее. Чем дядюшка лучше меня? Разве я не могу отыскать себе дороги? Ну, не удалось до сих пор, не за свое брался — что ж? опомнился теперь: пора, пора!»

И вот финал, почти что славный финал. Александр в 35 лет уже коллежский советник, имеет хорошее казенное содержание, посторонними трудами зарабатывает много денег, да еще вовремя женится на богатой... Однако женится строго по расчету, а значит, и без любви, но в уверенности своей полной выгоды и правоты. Петр Иваныч же, наоборот, отказывается от всех карьерных и денежных приращений во имя спасения Лизаветы Александровны, которая из-за него практически потеряла какой-либо интерес к жизни, лишившись под его систематическим давлением когда-то неподдельной искренности восприятия мира. В частности, И. А. Гончаров описывает происшедшее следующими словами: «...ограждая жену методически от всех уклонений, которые могли бы повредить их супружеским интересам, он вместе с тем не представил ей в себе вознаградительных условий за те, может быть, непривилегированные законом радости, которые бы она встретила вне супружества, что домашний ее мир был не что иное, как крепость, благодаря методе его непрístupная для соблазна, но зато в ней встречались на каждом шагу рогатки и патрули и против всякого законного проявления

чувства...» То есть великий прагматик столкнулся в конце концов с тем фактом, что все его победы и достижения вдруг утратили в его же глазах какую-либо значимость и ценность, тогда как его ученик из числа бывших романтиков вполне удовлетворенно встал на путь стяжания чинов и денег.

Так что же в итоге? Романтизм — негоден, прагматизм — бездушен? С одной стороны, это все так, но с другой — разумное сочетание того и другого было бы вероятно вполне хорошо? Вряд ли. Но почему? Да хотя бы потому, что это невозможно в принципе, ведь романтизм и прагматизм отрицают друг друга напрочь. То есть романтик, отрицая реальность, ищет себе личного призрачного счастья, прагматик же принимает реальность исключительно рутинно (линейно) или упрощенно (схематично), полагая «тонкие материи» жизни химерами или вовсе несуществующими выдумками экзальтированных личностей. Впрочем, в задачу статьи входит совсем другое, а именно, ответить на вопрос: может ли романтик превратиться в прагматика, и наоборот, прагматик в романтика? И. А. Гончаров показывает в своем романе, что да, может. И более того, этот процесс неминуем. Но почему вдруг так то? Да потому, что без веры в Бога иное невозможно в принципе. Кстати, герой романа и его дядя в Бога практически не верят. Например, Александр считал, что «пока играют желания и страсти, он занят чувственно, он бежит того успокоительного, важного и торжественного созерцания, к кото-

рому ведет религия... он приходит искать утешения в ней с угасшими, растраченными силами, с сокрушенными надеждами, с бременем лет...» Но ведь для богоискательства также нужны немалые силы и известная мощь чувств. Впрочем, не будем развивать эту тему далее, полагая ее не совсем уместной в данном случае. Вернемся к роману и заметим, что автор не дает на примере Петра Иваныча, отказавшегося от продолжения своей успешной карьеры во имя спасения супруги, каких-либо сведений о его приходе в церковь. Но что несомненно, так это то, что сама внутренняя логика романтизма толкает его апологетов с течением времени в прагматический стан, где они его чувствительно усиливают и много продлевают его существование. О каком-либо переходе в романтики мы никак не можем судить, если опираться на рассматриваемый нами роман. Скорее всего, речь может идти либо об угасании прагматика, либо о его приходе к вере в Бога. То есть, если переход из романтиков в прагматики еще как-то возможен, то уже обратный ход исключается полностью. *А известный нам романтизм, как продукт поиска человеком личного счастья, так и остается неудачной попыткой честной жизни без Бога, рожденной отчетливо фальшивой эпохой гуманистического просвещения, которая пыталась спасти человека с помощью самого человека и изначально впала в губительное самомнение, странно полагая его совершенной доблестью и полной гарантией решения насущных проблем.*

Евгений Мюллер

ГУЛЯЯ

(рассказ)

В январе Котович принес дочке маленькую собачку. Дочка давно просила — засыпая или смотря телевизор, держала под рукой плюшевую. А тут, проходя в подземном переходе к метро, он остановился возле женщины с картонной коробкой у ног, в которой шевелилось несколько мохнатых чудиков, выбрал одного и, дав женщине тридцать рублей, унес за пазухой. Собачка была, наверно, и не ах какой породы, но все, кому попадалась она теперь под ноги, нагибались и пытались потреть пушистый бело-розовый комок. Назвали ее без хитрости — Тузиком.

Дочке Котовича уже исполнилось восемь лет, и гулять во двор, весь видный из их окон, ее выпускали теперь одну. И вот уже третьи выходные, когда — один, а когда — с дочкой, Котович, хоть раз, снова спускался во двор — погулять с Тузиком. И все было, как раньше, когда дочка, весело ей было или не весело, но чуть скажешь, что пора домой — в слезы, а он мерз и поглядывал на часы.

Он смотрел на Тузика и думал: ему не холодно, а мне — холодно. Почему вообще холодно? Ведь он — в дубленке, ботинки тоже хорошие, на толстом меху.

В окошко выглянула жена. Это было окно кухни — запотевшее, с желтым светом за стеклами. Даже отсюда, с мороза, чувствовалось, как там тепло, уютно и пахнет едой. Нижнюю часть окна закрывал устроенный еще при царе Горохе уличный фанерный холодильник с дырками, делавшими его похожим на костяшку домино “двенадцать”. Жена посмотрела: гуляют.

“Это мне папа купил”, — сказала кому-то дочка, кивая на Тузика.

Молчание.

Котович посмотрел на часы: еще минут пятнадцать во дворе потоптаться придется: Тузик носился, взрывая мордочкой снег, но хвост его все не начинал крутиться на одном, облюбованном месте. А потом — домой, обед, придут Федотовы. Потом — хоккей. Федотовы их новый плоский телевизор с большим экраном еще не видели.

Что-то прошло по небу над его головой. Он поднял голову. Серая стрела башенного крана поворачивалась над ним. Это ремонтировали соседний дом, и еще один, рядом, во дворе которого прошло все его детство и где жил самый большой его школьный товарищ — Вовка Поспелов. Когда Котович еще только женился и однажды проходил с женой у этого дома, он сказал жене: “А здесь жил мой друг, Поспелов”. Одноклассников своих он кой-кого иногда встречал, а

вот Поспелов — исчез, канул, и никто о нем ничего даже не слышал.

Уже давно подворотню дома, где жил Поспелов, перегородили, и в щель крепких, хоть и на время сделанных ворот было видно, как посреди двора выросла высокая куча мусора из кирпичей, перемятых жестяных листов и темно-коричневых бревен. Громадный дом разломали быстро и, самое удивительное, почти без шума. Одни каменные стены стояли теперь — без рам, без полов-потолков и крыши, и только по вечерам, когда стрела башенного крана повисала над пустым корпусом и подвешенный к ней прожектор светил вниз, казалось издалека, что дом горит всеми своими окнами.

Котович сказал дочке, чтобы она смотрела за Тузиком, и пошел к крытому дощатым козырьком узкому проходу сбоку ворот. Ему давно уже хотелось пробраться в недоступный теперь двор, посмотреть, как там теперь, целы ли еще деревья, росшие на краю двора.

Поспеловы уехали вскоре после окончания школы. Проходя потом по двору, Котович видел в их окнах в бельэтаже новые занавески и новый порядок углов мебели. Только за окном кухни ничего не изменилось: маленькие занавески все так же закрывали низ окна, а на стенах так и остались висеть тянущиеся до потолка шкафы и полки.

Эта кухня с видными в окно шкафами и полками была аванпостом поспеловского благополучия. Видимая со двора и недоступная изнутри квартиры (за все годы дружбы с Поспеловым Котовичу лишь раз предложили перекусить вместе с ним, и он отказался, наврава, что какао не любит, а есть, даже кекс, не хочет), эта кухня, дверь в которую всегда была притворена, говорила о благополучии вовкиного дома его друзьям больше, чем заставленные импортной мебелью комнаты, в которых на стенах висели тарелки, расписанные пастушками и сказочными домиками, а на комодах и в серванте стояли фарфоровые гончие собаки и застывшие в реверансах галантные пары. Окно кухни всегда ярко светилось, и когда Котович смотрел на словно горящие окна пустого поспеловского дома, он вспоминал эту кухню.

Еще в квартире Поспелова большое впечатление на его друзей производили многочисленные антресоли. По словам Вовки, на этих антресолях добра было столько, что продай они его, можно было бы купить еще столько же мебели, ваз, сервизов и ковров.

Что готовилось за закрытыми дверями поспеловской кухни, точно никто не знал, только Вовка обгонял в росте всех своих друзей. Пока все вместе они носились во дворе в выдумываемых и выдумываемых играх, это превосходство Поспелова не очень-то осознавалось. Но время шло, и рядом с ними подрастали и их одноклассницы, и скоро преимущество Поспелова стало явным.

Нельзя сказать, чтобы Поспелову завидовали. Они могли соревноваться в умении ездить без рук на велосипеде, но как было соревноваться в своих родителях? Сияющее окно поспеловской кухни было данным, таким же привычным и неизменным, как каменная тумба бомбоубежища в их дворе. Котович лишь понимал, что можно жить

так, как живут они, а можно — как Пospelовы, но что жить как Пospelовы — лучше.

Теперь у него было почти все, что он видел в квартире своего друга. Единственно, чего он так и не достиг, — это высокого роста. Но он пополнил и, встречая теперь своих одноклассников, уже не чувствовал себя рядом с ними, как раньше, более юным.

Узкий проход-коридор из досок и сбитых между собой снятых дверей долго вел Котовича вдоль стены ремонтируемого дома, пока не вывел как раз в тот угол двора, где находилась парадная Пospelова. Двери ее сейчас не было, а вход закрывал ржавый железный лист, прибитый к косяку. Так же были забиты два окна пospelовской квартиры. Только окно кухни зияло пустым прямоугольником: внешняя рама была сорвана, а внутренняя сломана, и ее части свисали вниз. Котович вспомнил, как опираясь на эту раму, мать Пospelова посматривала во двор — что-то там делают мальчики?

По другую сторону парадной, под пустыми окнами соседней квартиры стояли бетонные блоки. Котович вскочил на нижний, поднялся, ухватившись рукой за торчащую железную петлю, на следующий и с него ступил на подоконник.

Прямо перед ним чернел большой прямоугольный провал — подвал, в котором монтировали из блоков опоры под новые стены. На краю ямы лежал отбойный молоток, рядом — неподсоединенный шланг. Было тихо — значит, работали сегодня только в соседнем доме.

Котович осторожно прошел по оставшейся полосе пола вдоль стены, потом по дощатому настилу опалубки и очутился на лестничной площадке — прямо напротив дверей Пospelова. Он поднял голову и посмотрел на тусклую овальную бляшку на скосившемся наличнике. Сколько раз, грохнув входной дверью, он двумя прыжками брал короткий лестничный марш, и палец уже давил привычную пупырышку звонка, а никогда раньше ему не пришлось в голову посмотреть на номер этой квартиры, в первый раз он узнал его.

Правая сторона дверей была распахнута, на стене висел не нужный больше крюк, левой стороны не было. В прихожей Пospelовых раньше стояли сундук, комод, шкаф, на нем виселись чемоданы. Над сундуком висел счетчик, а выше помещались антресоли. Теперь на месте сундука громоздились битые кирпичи. Счетчика не было — грязный провод висел, как скрученная веревка. Антресоли были выломаны. В углу, где стоял комод, валялся грязный ватник, несколько пар рабочих рукавиц и жало отбойного молотка. Прихожая была маленькой и Котович удивился, как раньше сюда все помещалось.

Он споткнулся о лежавшую на полу дверь. Расколотый унитаз торчал острыми зубьями. Прямо в него был воткнут лом.

Котович вспомнил легкий мятный запах, всегда наполнявший выложенную розовым кафелем уборную Пospelовых. В отличие от кухни, уборная была доступна, но Котовичу всегда было неловко входить в нее — слишком уж отличалась она от их домашней. Он смотрел на разбитый унитаз, на серые заиндевевшие стены и ему сделалось не по себе, словно его здесь заперли.

Дальше была ванная, когда-то — с большим овальным зеркалом и стеклянной полкой во всю стену, на которой пестрели флаконы с шампунями и лежали настоящие морские губки. Поспелов говорил, что они даже ванну моют этими губками. Ванны не было, а вместо нее громоздились снятые радиаторы. В углах Котович увидел темные кучки кала.

Направо и налево из прихожей проемы вели в две комнаты. Котович пошел налево, потому что оттуда лился яркий свет. Он сделал несколько шагов по короткому коридору и остановился, схватившись рукой за угол. От самого порога комнаты начиналось большое пустое пространство. Свет лился сверху — потолка не было, и, задрав голову, Котович увидел уходящие вверх стены с пустотами окон и пазов для балок, а еще выше — небо. Ему пришлось спрыгнуть вниз — пол был разобран, лежали балки, доски, торчали кирпичи.

Белый лоскут на стене привлек его взгляд. Он подошел и разгладил его рукой. Это был сохранившийся кусок обоев — белых обоев в маленькую золотую звездочку, на фоне которых так хорошо смотрелся когда-то деревянный барометр в простенке между темно-зеленых штор. Рядом, поверх этого лоскута, темнели уже другие обои. Стена вокруг была обгорелой.

Котович все стоял и стоял. Одной стены не было, но по прямой полосе отбитых кирпичей на стене угадывалось, где раньше она проходила. А тогда комната казалась такой большой...

Он поднялся обратно в коридор, прошел прихожую и заглянул в другую комнату. Окна ее были забиты железными листами, и свет проникал лишь через дырочки от гвоздей. И здесь весь пол был усыпан мусором, нехорошо пахло.

Котович повернулся и пошел из квартиры. Он был уже в дверях, когда понял, что так и не заглянул на кухню. Он вернулся — и вот опять смотрел на ее дверь, как не раз, когда уходил от Поспелова и прощался в дверях. Теперь он мог открыть эту дверь и ступить за нее, но по старой мальчишеской памяти словно не решался.

Битые кирпичи мешали открыться двери, и она неприятно скрипела. Он ступил — раз, другой. От возникшего сквозняка дверца одного из настенных шкафов двинулась и, описав дугу, ударилась о приоткрытую дверцу другого. Кусочек известки сорвался и упал в засыпанную кирпичной пылью раковину. “Никого!”, — сказал Котович, словно только что это и понял. Он приподнялся на цыпочках и заглянул в навесной шкаф. Только снаружи покрывала его еще сохранившаяся краска — слоновая кость, а внутри серела и лупилась фанера. Полки покрывала пыль, валялись кусочки кирпича, окурки.

Он смотрел на кухню и не понимал, как могла здесь передвигаться мать Поспелова. Вот здесь стояла плита, вот здесь — холодильник, а так как были еще стол и стулья, то где же было ходить? Он вспомнил, как мать Поспелова смотрела на них в окно и что стояла она всегда в одной и той же позе, и понял, что иначе она встать у окна и не могла и что стоять ей было очень неудобно. Если бы низ окна не закрывала занавеска, то, когда она смотрела на них в окно, они видели бы ее полностью.

Он смотрел и смотрел на низкий, теперь раздвоившийся подоконник. Все было утло, жалко, а он-то думал, что жизнь и должна светиться и пахнуть так, как эта квартира. Он понимал, что вещи были увезены и что их снова где-то расставили в чистоте и тепле, но эта мысль была, как услышанная на уроке подсказка, которую не хочется повторять вслух.

Не глядя под ноги, машинально, он вышел тем же лабиринтом во двор, где оставил дочку. Тузик носился по снегу, вывертываясь из хватавших его рук дочери, и мчался дальше, разрывая снег головой. В окне их кухни опять показалась жена, и голова ее, высматривая, несколько раз передвинулась из квадрата в квадрат. Готов обед? Пришли Федотовы? Все, все разломают, оторвут двери, забьют железными листами окна, не останется ничего.

Тузик, готовый каждое мгновение кинуться от него в сторону, глотал снег.

ГОЛУБЫЕ ШАРЫ (из далекого)

(рассказ)

Юра Никольцев, третьеклассник, седьмого ноября около трех часов дня спустился по лестнице из своей квартиры и, постояв немного на ступеньке подъезда, свернул в подворотню. День, как обычно в ноябрьский праздник, был пасмурным, и хотя ни днем, ни с утра дождь не шел, асфальт всюду был темным, и кора ясеней, росших на узком газоне посреди двора, казалось, была облита черной тушью. Загребая ботинками листья, мокрые и скрученные, как обрезки фотопленки, он побрел по двору, иногда оглядываясь и посматривая по сторонам.

Из всех дней начавшихся каникул этот, как и день любого другого праздника, был для гулянья, он уже знал это, самым неинтересным днем, потому что никто из его товарищей не выходил в эти дни во двор в свое обычное время. С утра все шли с родителями на демонстрацию, потом — кто уезжал в гости, кто ждал гостей у себя дома, и сколько ни оглядывался он сейчас, двор был все так же пуст, а от того, что где-то за домами в репродукторах играла музыка, он казался пустым еще больше.

В конце двора, у высокого штабеля ящиков, заслонивших стену у задней двери гастронома, сидел на ступеньках крыльца грузчик в синем ватнике и сером, вытертом на животе переднике. Он курил и смотрел на трех голубей, топтавшихся перед ним на краю лужи, в середине которой, вся размокшая, лежала половина буханки хлеба. Два голубя были обычные, блестяще-сизые, третий — с белыми крапами вокруг шеи и ярким красным оклювьем. Хотя голуби переступали почти у самых его сапог и низко, грудно ворковали, взгляд грузчика был неподвижен

и, похоже, он, хоть и смотрел, не замечал не только голубей, но и подошедшего Юру. Посмотрев, не лежат ли в глубине ящиков комки папиросной бумаги от апельсинов, из которой так хорошо было делать парашюты, но не увидев ничего, кроме серых клочьев сырой стружки, Юра пошел обратно и свернул в подворотню, ведущую в соседний двор. Осмотрев, что валялось вдоль стен в подворотне, Юра нагнулся над выброшенным старым приемником, сорвал с его шасси сплетенный из разноцветных проводов жгут и сунул в карман. Потом вышел в соседний двор, сразу оказавшись перед оградой сада. Сад тянулся меж двух домов, смотрящих друг в друга квадратными окнами сквозь ветви высоких, уже совсем голых тополей, и только площадка с фонтаном рождала в нем ощущение простора. В каменной чаше фонтана стояла вода, плавал, как айсберг, кусок пенопласта, проколотый мяч. Прибывшись к стене, торчал вверх двумя оставшимися колесами красный пластмассовый грузовик. Ветер рябил воду, и белые горошины пенопласта качались в воде меж водометных трубок. От быстро пронесшегося ветра Юре стало зябко, и он, как ни ждал этих каникул, вдруг вспомнил свой класс — большой, теплый, с тремя рядами сплошь занятых парт, зелеными листьями растений на подоконниках и яркими лампами под потолком.

Словно решив, что он делает что-то слишком долго, Юра быстро отошел от фонтана, минул подворотню, двор и, выйдя на улицу, остановился у ступенек своего подъезда. Некоторое время он стоял, пряча от ветра руки в карманах и посматривая в обе стороны улицы, потом поднялся на верхнюю ступеньку крыльца, прислонился спиной к утопленной в проем двери и так, почти не видимый — только носок выставленного ботинка торчал из проема — стал ждать.

Прямо перед ним, на другой стороне улицы, темнел голой землей сквер с узким асфальтовым проездом посередине. Но Юра смотрел дальше, за сквер, туда, где за небольшим двором тянулась высокая, выкрашенная серебряной краской глухая ограда. За оградой, углом к ней, высился пятиэтажный корпус, окна которого сейчас были темны, в обычные же дни ярко горели и днем, и вечером.

Полгода назад, возвращаясь с отцом с первомайской демонстрации, он увидел, как из двери будки с надписью «Проходная» сбоку ворот в ограде вышли люди, над головами которых, удерживаемые на туго натянутых нитках, стучались друг о друга разноцветные шары. Он спросил у отца, почему он не купит ему хоть один такой шар, но отец сказал, что шары эти надуты специальным газом, который есть, значит, на этом заводе. «Наверно, они были на демонстрации, — сказал отец, — и теперь несут эти шары домой».

Он слушал отца, а сам уже видел: с накинутой легкой, почти безвесой сеточкой, которую он нашел летом у пруда на даче, с подвязанной к ее углам корзинкой из бересты, а в ней — с маленькими, сделанными из желудей человечками, шар уходит в глубокое синее небо. Куда летел бы этот шар, далеко ли, он не думал, лишь представлял, как повиснет он над крышами — большой ли, маленький — с такого расстояния уже не определить.

Теперь, перед ноябрьскими праздниками, он вспомнил, как из серебряных ворот вышли люди с готовыми унести, только отпусти, разноцветными шарами и решил подождать их и попросить один шар. “Ведь у них их много, — думал он, — и, наверно, один им дать будет не жалко”.

Он ощутил, как дернулась на сквозняке за его спиной дверь. Позади него стукнуло и, на крыльцо вышла Маринка из тридцать четвертой квартиры. От неожиданности она вздрогнула, увидев его сразу за дверью. В руке она держала ведро с мусором. Маринка посмотрела на Юру, но он отвернулся, и Маринка, еще раз оглянувшись на него, свернула во двор. Проехало такси, потом грузовик-фургон с надписью “Хлеб”. Скоро у ступенек опять появилась Маринка. “Ты чего?” — спросила она. Он ничего не ответил, лишь начал, как бы показывая, что он чего-то ждет, постукивать низом спины о выступ на двери. “Какие мы важные”, — протянула Маринка и толкнула плечом дверь. Лишь в последний момент Юра глянул ей в лицо, не выдержав и словно извиняясь за свое молчание, но успел лишь заметить насмешливый, но в то же время обиженный взгляд Маринки.

Он прежде услышал, чем увидел: там, за темной землей сквера, за асфальтом двора, сперва задрожало, а потом сдвинулось с места серебряное полотно ворот. Оно еще двигалось, уходя за неподвижную часть ограды, а он уже был на асфальте, уже шел через улицу. И он слышал:

— Ну, давайте, счастливо погулять! — говорил женский голос сбоку за воротами.

Он ждал людей, но прежде увидел шары. Задев край ворот и закачавшись всей перевернутой в небо гроздью, их голубое облако выплыло из приоткрывшегося в стене пространства. Он стоял уже у сквера, посередине проезда. Четверо мужчин, двое из которых несли связки на этот раз одних голубых шаров, медленно и чуть покачиваясь, вышли из ворот и теперь шли, темнея на фоне ограды.

— Я ему вчера говорю, — услышал Юра голос одного: “Черт, ты бухой, что ли? Первый раз, что ли, станок на автомат ставишь?» Да на кой мне нужен такой сменщик?

— Да ну его, Федя, козла. Слушай, а хорошо мы сегодня, да? Как задумали вчера сперва бухнуть во дворе где-нибудь — и бухнули.

Медленно продвигаясь вдоль ограды сквера, Юра видел, что идущие ему навстречу люди смотрят прямо на него. “Гух, гух, гух”, — словно те голуби во дворе, гукало его сердце.

— Но я этому козлу послезавтра все равно скажу.

— Да ладно тебе, пошел он на...

И Юра услышал, как тоже бухающее, но словно перевернутое буквами слово рухнуло рядом с ним.

— А я еще раз скажу, что он — ... И не простой, а моржовый.

Словно что-то большое, серое, широко расходящееся, морщинистое, неясно откуда взявшееся тут, где двор, ограда, деревья возникло и заслонило собой остановившийся воздух. Проходящие вблизи от него люди меж тем, словно подчиняясь силе какой-то изгибающейся над ним кривой, увеличивались в размере, и он прижался к ограде, пропуская мимо себя их и — зачерневшийся, как возникшая в воз-

духе дыра, раскрытый рот одного, кажется, и удерживающего в правой руке голубое многошарие. И что-то новое, еще им не слышанное, относящееся к тоже, видимо, работавшей на том же заводе жене того козла — он чуть ли не увидел при этом пробежавшую, процокавшую копытцами, с колокольчиком на шее, с торчащими лопатками и раздавшимся, бьющимся о ноги выменем козочку — что-то хлестануло его по лицу, и это что-то, зазвенев внутри головы, еще сильней вдавило его в ограду, и он, машинально еще делая шаги вслед уходящим, так и не заметил момента, когда они, свернув на улицу, исчезли.

... Как часто бывает в позднюю осень, день, с утра и чуть не до самого вечера пасмурный, вдруг просветлел — всего лишь то там, то здесь обозначившимися среди облаков прогалами. Он стоял у толстых, внизу почти черных, но чем выше, тем все больше и больше светлеющих тополей, глядя вверх на их стукающиеся друг о друга ветви. Высоко в небе, мелькая меж серых, в самое небо уходящих сучьев, неся маленький, как пузырек какого-то другого воздуха, голубой шар. Он то убыстрял свой бег, то, еще не подхваченный очередным порывом ветра, замирал на месте. Небо было — и в прогалах, и меж ними — все равно пасмурным, и голубой пузырек, случайно закатившийся в серо-молочное марево, казалось, искал себе выхода — туда, где за этим маревом уже безраздельно сияла синева другого, далекого, уже настоящего неба.

ПРИБРЕЖНОЕ КАФЕ

(рассказ)

Еще недавно на этом месте, на вынесенной на пляж площадке кафе, рябило в глазах от косых ножек столиков и стульев. Узкий незатейливый цветник — настурции и львиный зев — отделял ее от песка, медленно и незаметно пересыпаемого ветерком с залива. В дни, когда ветер дул особенно сильно, песчаные барханы напоздали и на бетонные плиты площадки. Часто ноги тех, кто сидел за столиками, ощущали не только эти дуновения, но и ластящиеся прикосновения кошачьих мордочек. Целое кошачье семейство регулярно образовывалось в недрах нескольких построек прибрежного кафе, и как только к неподвижным ножкам столов и стульев прибавлялись босые и обутые, прикрытые штанинами и с шевелящимися на ветерке волосками ноги посетительниц, кошачья семья выдвигалась на площадку. Расположившись сначала под соседними, незанятыми столиками, она по-цыгански высылала вперед сперва жалобщиков котят, а потом достаивала посетителей и вниманием утомленного солнцем отца и с признаками измождения в семейных трудах грудно мурлыкающей котихи. Впрочем, посетители кафе с удовольствием отзывались на доносящееся из-под столов мяуканье и щедро потчевали, особенно котят, кусочками колбасы из пиццы и запекшимся сыром, соданным с хачапури. Здесь, на берегу,

особенно после многочасового неподвижного лежания под солнцем в пустоте пляжа, жадно просящие и потом робко кусающие брошенные им яства котятка приносили приятный перебой в однообразие дня.

Сбоку площадки темнела прохладным нутром палатка, в темноте которой слабо белело всегда над чем-то сосредоточенное лицо «кормильца» — невысокого, плотного азербайджанца. Ничто не переменялось в этом лице и тогда, когда к палатке подходил посетитель. И не имело значения — робко ли взглядывал он на стоящие рядом ценники или похлопывал по бедру сжимаемым в кулаке плотно наполненным портмоне. Лишь слегка кивал головой кормилец, когда посетитель взглядывал на тяжелый бокал, смотрящий пока что вверх дном возле фарфоровой пивной стойки, или на белоснежные чашки, готовые терпеть муку под бьющей в них струей пара из кофеварки. Безмолвно откидывал он салфетку с кусков золотистого хачапури и также молча смотрел в скатерть, подавая уже снятый с шампура шоколадно-бордовый шашлык, щедро облитый аджикой и обсыпанный розовым маринованным луком. И глядя на это бесстрастное лицо, посетитель не мог и подумать, что через час, вкусно насытившись, он блаженно откинется на спинку стула и, потягиваясь, скажет: «Класс!»

И милым добавлением ко всему этому было вот что. За краем палатки белел толстый ствол высокой березы. Он странно смотрелся здесь — среди прокаленного песка, белесой хвои сосен и запыленного шиповника, который бугрился на склонах дюн и лишь местами был обкидан альбами бантами цветов. Метрах в полутора от земли ствол этот обхватывал, напоминая почему-то полумифический пояс верности, крепкий стальной обруч. К нему был прикручен простой дачный умывальник, внизу которого, как комариный хоботок, торчал носик с вечно поблескивающей на конце его каплей. Простая эмалированная раковина ждала внизу, как раскинувшаяся Даная, раздробленного потока животворящей влаги. И, соперничая с белизной трепыхающихся на ветерке чешуек березовой коры, шевелилось на ветерке накинутое на проволочный крюк простое вафельное полотенце.

Щурясь от раскошегарившегося к полудню солнца, чуть ли не из последних сил, человек в явно слишком плотной ветровке и с фото сумкой на плече прошел от кромки залива к дюне. И остановился. Вот, вот здесь же, здесь еще недавно сидел он на краю площадки, видя одновременно и залив, и спадающий к нему песок пляжа, а чуть в стороне — неподвижно белеющее в тени палатки уже привычное лицо. Площадка была теперь словно запахана, от настурций и львиного зева не осталось и следа. Палатка все еще манила тенью, но внутри нее, вместо пирамид из белоснежных чашек, высились наставленные друг на друга стулья. Последнюю надежду рождали две таблички, стоявшие на прилавке. Из вложенных под стекло листов бумаги явствовало, что кофе, пиво, чай с чабрецом, душицей и зверобоем, заваренный в чайничке, стоят столько-то, порция варенья клубничного, грушевого, вишневого, из шиповника, из лепестков роз — столько-то, хачапури — и так далее... Но, запыленные на тоже пыльной стойке, усыпанной никем не сметенными вилочками сухой

хвои, эти таблички как раз и убеждали, что праздник жизни в этом месте — закончен.

Человек осмотрелся. Пляж, залив оставались все там же. Но ближе, чем прежде, виднелись теперь владения соседнего кафе. Ну, да. Теперь, перед боковой его стенкой, появился добротный деревянный настил, огороженный столбиками, опутанными искусственным, но как живым, виноградом. И в стоящих на настиле стульях он узнал — по форме и по названию марки пива, нанесенной трафаретом на спинки, — стулья из теперь исчезнувшего кафе.

Ноги сами пошли в ту сторону. Почти все столики были свободны. Только на крайнем, близком к пляжу, сидела девушка, отсутствие одежды на которой было таково, что уже почти ненужными казались узенькие черные тесемки на спине и бедрах. Откинувшись на спинку стула и запустив сплетенные пальцы рук под длинные, спадающие до плеч волосы, она смотрела вдаль и была столь неподвижна, что даже издали глаза замечал легкие пузырьки, медленно поднимающиеся в высоком бокале светлого пива, стоявшем перед ней на столе. Да еще, в двух столах от нее, сидела компания — двое мужчин и две женщины, на стол перед которыми официантка как раз ставила бутылку шампанского.

Человек сел за крайний — с другого конца площадки стол, слегка притемненный тенью от сосны.

— Можно меню? — сказал он официантке, спешащей от столика с компанией.

— Сейчас, — бросила она, спеша к двери в стенке кафе, за которой и скрылась.

Увидев на столе рядом с дверью столбики наставленных друг на друга чистых пепельниц и стопку кожаных папок с металлическими уголками, человек встал, подошел к столу и взял одну папку. Усевшись и начав ее листать, он вскинул брови, словно говоря: «Однако!» С раздражением уйдя взглядом от длинных наименований отбивных под слоями майонеза, грибов и сыра, человек вдруг пригнул голову, увидев знакомые наименования чаев, заваренных на травах, и перечисления варений. Значит, — он повернулся и бросил взгляд к темной пустоте той палатки — владения безмолвного кормильца ушли под это, куда более презентабельное заведение. О том же говорили теперь и цены на чай и варенья, помноженные чуть ли не на два.

— Девушка! — крикнул человек, но спешащая снова к столу с компанией официантка только кивнула головой. Она наклонилась к одному из сидевших, записала что-то в блокнотик, и, спешно шагая, снова скрылась за дверью.

Человек посмотрел на часы. Он сидел уже пятнадцать минут. Дива цвета пляжного песка была все так же неподвижна. В компании разговор оживился. Наверно, это здорово — болтать, держа в пальцах холодный, запотевший бокал шампанского, и смотреть на поблескивающий вдали над волной, как стрекозиное крыло, прозрачный парус виндсерфингиста.

Подошли еще трое: две женщины и мужчина, и заняли столик с другой стороны сосны. Женщины болтали между собой, мужчина же дер-

жался несколько отстраненно — больше от той, к которой обращался на «вы».

— Девушка! — теперь уже раздалось от их стола, но та, доставив компании с шампанским хлебную корзину, лишь быстро положила им на стол папку с меню и снова исчезла.

«Одна она, что ли?»

— Так... — раздался с соседнего столика голос мужчины, раскрывшего меню и задержавшегося взглядом на некоторых страницах. — Ну, что поделать... Как говорится — не каждый день! К тому же, надо бы перебить унылое однообразие санаторного рациона. Вот, возьму половинку холодного борща, говядину по-бретонски, да пива. И его бы — сразу! На, сестра, выбирай, да и подруга твоя пусть не стесняется. Плачу я, вы же у меня сегодня гости, — и мужчина протянул меню своим спутницам.

Одна из них захотела хачапури и маринованных миног. Но для начала — разливного пива. Другая — тоже говорившая мужчине «вы», остановилась на большой чашке американо и фисташках, а пока закурила, по-женски мечтательно затянувшись, глядя вникуда.

Подошли и еще трое: уже не очень молодая пара с мальчишкой лет пяти-шести, волокущим сбоку от себя небольшой, с толстыми шинами велосипед. Приткнув его к сосне, он первым взобрался боком на стул, пока мать вытряхивала песок из босоножек, а отец выпрастывал из джинсов низ футболки, словно прилипшей к уже наметившемуся животу.

— Есть не буду! — сказал мальчишка и тут же начал выковыривать зубочисткой дохлую пчелу из щели между досок столешницы.

— Это — как? Купался, купался, а аппетит так и не нагулял? А ну, брось эту гадость! — хлопнула мальчишка по руке мама.

— Один блинчик, без ничего, — выдавил из себя мальчишка.

— А если тут нет блинчиков? — сказала женщина. — Ну, хоть ты-то скажи ему, что это не дело! — сказала она мужчине.

Тот вздохнул и поерзал, словно усаживаясь поудобней.

— Слушай... — сказал он. — Можно хоть раз, хоть не дома, поесть спокойно?

— Тебе — лишь бы спокойно!

— А тебе... Почему, вообще, скажи, ты так хочешь, чтобы он ел? Он, что у нас — дистрофичный? А ты видела, как он, когда мы подходили к пляжу, вдруг дунул к будке с мороженым? Если бы вот так с места в карьер взяла ты или я, мы бы тут же концы отдали. Вмиг! Но нет — ешь! Ешь! Давай, давай, пусть он ест! Пусть! И будет — как мы.

Наконец, появилась официантка, приняла заказ у троих, а потом — и у мужчины в ветровке, буркнув, заметив его, «ах да...»

— Хорошо! — раздалось от столика, за который сели мужчина и две женщины. Мужчина тоже закурил, вытянул ноги и положил локоть на спинку соседнего стула.

— Блаженство! — продолжил он, выпуская дым. — И всего-то, заметьте — лишь час от города! Вон он за дымкой над заливом виднеется. А часто мы из него выбираемся? Да раза два в год. Болваны!

Пиво официантка принесла им быстро, да еще почти тут же уткнула на небольшом столике корзинку с нарезанным хлебом и тарелку с хачапури.

— Повезло вам! — повернулся к их столу мужчина в ветровке. — Пришли позже меня, а вас уже всюю обслуживают.

Правда, почти тут же официантка принесла ему кофе.

— А что, тут все очень долго? — повернулась к ним мать мальчишки. — С голоду не умрем?

Услышав про умирание с голоду, мальчишка тут же собезьяничал: раскинул руки, закатил глаза и повалился на спинку стула. Глянув на это, одна из женщин со счастливого столика, сказала:

— Так пусть возьмет у нас кусок хачапури. Чего ж он, бедный, мучиться будет?

Услышав про это предложение, мальчишка открыл глаза и наполовину сполз с сиденья.

— Видали! — воскликнула мать. — Один из единственных способов что-нибудь ему скормить — это чтоб его угостили другие.

— Не берите в голову! — сказала женщина, подходя к их столику с куском хачапури на салфетке. — Я и сама такой была. Мать за столом меня чуть не била. А как пойду бродить по комнатам в нашей квартире — мы тогда в коммунальной жили — так что не предложат, все слопаю. Мать даже обижалась — тебе только у других медом намазано! А хачапури я вообще-то с кофе люблю, но его, судя по всему, когда еще дождешься.

— Так послушайте! — привстал мужчина в ветровке. — Я-то, кофе заказывая, хотел, чтобы его под конец принесли, а официантка почему-то с него и начала. Так что давайте, я вам кофе и отдам. Смотрите, оно горячее еще, пар идет. А вы мне потом — свое.

— Да господь с вами, неудобно, — замахала рукой женщина, возвращаясь на свое место.

— Как говорится, на пляже — все удобно, — не успокоился мужчина и перенес чашку на блюдце со своего стола на стол чуть более счастливой тройцы.

За этими переговорами никто не обратил внимания, как за самый крайний и близкий к дюне столик уселся молодой стройный мужчина в закатанных выше лодыжек черных джинсах и тоже черной, расстегнутой до полгруды рубашке. На запястье его раза два сверкнул серебристый браслет — толстая сдвоенная цепочка. Так же блеснули в улыбке его зубы, когда он, затянувшись сигаретой, как бы невзначай бросил взгляд на длинноволосую диву на краю площадки, сидевшую почти все в той же позе и только отбросившей теперь руки с затылка: одну — на колено, другую — на доски столика. Пробегавшей официантке он сделал еле заметное движение пальцами, от которого она тут же повернула к нему, кивнула на несколько его слов головой и побежала дальше. Скоро она принесла ему большую чашку капучино со вспухшей над ее верхом пенкой.

— Не нам ли это снова что-то несут? — произнесла сестра мужчины, обернувшись и глядя через плечо на официантку, быстро семенящую от дверей кафе. — Ой, это ж мои миноги!

И верно — официантка подошла и вопросительно окинула взглядом сидевших за столом, как бы спрашивая, перед кем поставить продолговатое блюдо с тонкими золотистыми тушками, окруженными светло-зеленым кружевом салата.

— Мино-ги, мино-ги!.. — запел мужчина, впавший после выкуреной сигареты, похоже, в полное блаженство.

— А соли-то я на столе нашем не вижу, — сказала любительница маринованных миног. Она вздохнула и окинула взглядом близстоящие столики.

— Какие проблемы! — воскликнул отец мальчишки, встал и перенес на стол соседям держалку с флаконами соли и перца.

Он уже снова садился за стол, когда еще одна официантка подскочила и положила перед ним папку меню, которую он тут же раскрыл.

— Ну, что там? — спросила его жена.

— Салаты зачитывать? «Цезарь», «Греческий», родной «Оливье»... А вот, что-то новенькое — «Баттерфляй»!

— И из чего это?

— Рис, креветки, зеленый сладкий перец, соевая спаржа, майонез. А, пропустил. Еще — помидоры черри. Это, наверно, чтоб напоминало японский флаг.

— А Баттерфляй эта, что, японкой была? По-моему, еще такая собачья порода есть.

— Это ты с бультерьером путаешь.

— Ладно, бери, попробую.

— А из горячего?

— Нет, жарко. Разве что, если есть, жюльенчик, лучше куриный.

Мужчина еще пролистнул меню.

— Во! Долма. Я слышал, неплохая закуска для пива. К тому же — горячая. Так что сразу — двух зайцев. А тебе что взять, — наклонился он к сыну.

— Пепси.

— Понятно. А хачапури тетино — понравилось?

— Угу.

— Еще взять?

— Нет.

— Понятно.

Между тем клиент в черном и с цепочкой на руке уже раза три перекадывал ногу на ногу и уже во второй раз отстрелил пальцами окурков далеко в сторону — так, чтобы это было заметно неподвижной диве. Но та лишь приложила раз и два к бокалу с пивом, все так же глядя далеко в залив.

Семье с ребенком принесли пиво, принесли долму. В судке, увитом бахромой из белой бумаги, прибыл жюльен. Запахи от них долетели и до соседних столиков.

— И как тут долма? — обернулась женщина, сидевшая напротив любительницы миног.

— Вроде, как суховата немного. Или таким виноградный лист быть и должен? А так — вкусно, остренько. Да я вам сейчас дам попробовать.

— Ну, вы уж буквально понимаете. Я ж просто так. Сама ее иногда делаю, вот и спрашиваю. Она вообще-то сочной должна быть. А лист виноградный — нежным, мягким. И риса в фарше — чуть-чуть. А специй — побольше. Если нет свежей кинзы, можно просто — хмели-сунели добавить. А соус дали?

— Дали, из сметаны с чесноком. Да вы попробуйте, оцените, так сказать.

Отец мальчика быстро встал, шагнул и, наклонив тарелку, помог одному темно-зеленому рулетнику сползти в тарелку объявившейся кулинарки.

— Пресновата! — сказала женщина, откусив половинку и демонстративно пожевав. — Но начинка — вполне. Спасибо!

Обладатель серебристого браслета поднес к губам чашку, отклонил голову и словно втянул носом аромат кофе. Так, с чашкой у губ, он и замер, допуская, наверно, что эта изящная поза, даже при ее неподвижности, может привлечь внимание песочной дивы. Ставя потом чашку на стол, он заметил, что под кустом шиповника метрах в двух от него сгруппировалось кошачье семейство, выползшее из-под досок стоявшего недалеко сарая. Сразу поняв представившуюся ему новую возможность, он протянул руку, шевеля пальцами, и громко, чтоб было слышно и на другом краю площадки, начал долгое «кис-кис-кис». Но и теперь дива лишь немного повела головой, может даже, просто от пробежавшего ветерка.

— Пойду, посмотрю, есть ли у них тут, где, так сказать, руки помыть, — сказал, приподнимаясь, кавалер двух дам.

Когда он скрылся за дверью кафе, одна из его спутниц, понизив голос, сказала той, что лишь курила, отхлебывала кофе и щелкала иногда скорлупкой фисташки:

— Ну, как он тебе? Он, конечно, обыкновенный, но — начальник, на работе его любят. По бабам, вроде, не ходок, хоть уж год в разводе. Смотри... Очароваться, может, и трудно, но так — вполне.

Подруга говорившей повела бровями и скинула пепел с сигареты.

— Кстати, — продолжила та. — Я тут поглядываю на мужика, ты его не видишь, он за спиной твоей сидит. Один, тоже пьет кофе и курит. Вот умеют же некоторые себя держать! И одет-то просто, но — с изяществом. И джинсы небрежно закатаны, и рубашка, кстати, по-моему, не дешевая, почти вся расстегнута, а — приятно!. Между прочим, а это не всем мужикам ведомо, сандалеты у него — как положено, на босу ногу. А не то, что наши научные сотрудники в носках под сандалетами на работу приходят. Сядут нога на ногу, и смотри ты на их носки почти до дыр и до никакого уже цвета застиранные.

Страшный грохот раздался откуда-то сбоку, и высоко и в стороны отбрасывая шинами песок, шикарный красный, сверкающий никелем мотоцикл, виляя на рыхлом песке колесами, пропахал его всего в метре от площадки и замер перед ней на фоне залива. Сдвинув назад шлем, сидевший на нем ездок глянул через плечо назад, сразу — это стало почему-то понятно — попав взглядом во взгляд неподвижной дивы. При каждом, даже еле заметном покачивании седока на мотоцикле все никелированное в нем — выпуклые, как забрало рыцарского шле-

ма, решетки радиатора, прихотливо изогнутые трубы, отходящие от мотора, ручки тормозов на краях руля, педали и, уж конечно, зеркала, изящно выставившиеся на длинных кронштейнах — все это посылало вдруг острые лучи и отблески, так что то один, то другой, сидевший за столиками, жмурился и отводил глаза.

Неподвижная дива вдруг потянулась вперед, взяла вытянутой рукой что-то, что было набросано на спинку соседнего стула, поднялась, накинула на себя это что-то — черное, почти ни из чего не состоящее платье, и, подхватив за тесемки босоножки, пошла к яркосверкающей «хонде», почти не утопая светлыми ступнями в песке. Не произнеся ни слова, она уселась на торчавшую за спиной ездока часть сиденья и обхватила левой рукой его тело в черной кожаной куртке с кистями на рукавах. Другую руку, со свисающими босоножками, просто отвела в сторону. Теперь все невольно смотрели на ее расставленные и торчавшие колени. «Хонда» взревела и, виляя иногда в досадном песке, понеслась по пляжу. Достигнув темной полоски песка, плотно укатанного набегающими волнами, она еще раз взревела и уже вовсю понеслась вдоль залива, пока не скрылась за выступающей песчаной косой.

Мужчина в черном словно и не видел ничего этого. Еще несколько раз затянувшись, он окликнул официантку, только что доставившую на стол троюлке холодный свекольник, и изобразил пальцами прямоугольник, намекая на счет. Почти тут же официантка вернулась и положила на край его стола продолговатую книжицу с высовывавшимся белым листиком.

Человек в ветровке, отодвинув в сторону тарелку с ножом и вилок, придавившими измятую и испачканную салфетку, поставил на колени сумку, откинул ее крышку и стал вкручивать в большую тушку фотоаппарата объектив, размером с пивной бокал. Пристроив его, он поставил фотоаппарат к лицу и стал медленно вести им по горизонтали, словно пытаясь обнаружить что-то в пустоте пляжа.

— Кстати! — воскликнула мать мальчишки. — Давайте-ка и мы сфоткаемся.

— Я не буду, — скривил губы мальчишка и пополз спиной по сиденью стула под стол.

— Вечно ты! — махнула на него рукой мать. — Ну, и пожалуйста. Мы и без тебя.

Отец семейства начал прилаживать на краю соседнего стола маленький серебристый «Сапон», потом нажал на нем кнопку и бросился к своему стулу. Просунув руку под руку жены, он приник щекой к ее плечу и расплылся в улыбке. На фотоаппарате начала бешено мигать лампочка, и, наконец, еле заметная на солнце, блеснула вспышка.

— Ты где? — спросила мать, оглядываясь по сторонам и не видя мальчишки, который под столами переполз к краю площадки и длинной травинкой тыкал в усы жмурящемуся от этого коту.

За всем этим никто, наверно, и не увидел, как мужчина в черном стал внимательно рассматривать вынутый из папочки счет. И не просто рассматривать, а, чего трудно было от него ожидать, еще и водить

по строчкам в нем кончиком тонкой шариковой ручки, как бы проверяя сумму. Так же никто не заметил, как потом он небрежно встал, отодвинув ногой в сторону стул, и почти сразу исчез.

В очередной раз спешащая к кому-то официантка заметила на столе, покинутом клиентом, лежащую папочку, подошла и раскрыла ее. Но в ней ничего, кроме счета, подсунутого под край кармашка для денег, не было. На счете же, наискось, с наездом на напечатанные слова и цифры, было написано:

«Уважаемые господа! (И птичкой сверху было вставлено: «и дамы»). К сожалению, мне нечего предложить вам, кроме этого счета. Тем не менее, с наилучшими пожеланиями!»

Чуть ниже стояла подпись, похожая на волну с завитушкой.

Жаров Михаил

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ГОТИКА И ТРИСТА СПАРТАЧЕЙ

(рассказ)

1

В неделе семь дней. У меня восемь.

Магия чисел проста. Раз в восемь дней заступает на смену её бригада, и я жду заветный поезд «Москва-Иваново».

Я топчусь на станции Александров. Ольга заранее известила, что ревизоров и милицейского наряда в поезде не будет. Итого я без билета и в ментовской форме.

Ночью в Александрове одетым по ментовке хлопотно. Пьяная, тревожная станция. Половина граждан шепчет в спину проклятья и закликает почтить, а другие набиваются в приятели, просят сигарету или сотовый, позвонить в Шарью или Ухту.

Александровской милиции не боюсь. Никогда не спросят, откуда, с какого отдела. Чудики они. Вон хотя бы стоят двое. Один кривобокий, другой до того хмурый, что жди, сейчас достанет пистолет и убьёт себя. Правильно, граница с Москвой, а зарплаты российские. Потому и идут служить убогонькие и нищие духом.

— Поезд сообщением «Москва-Иваново» прибывает на первый путь! Просьба встречающим... — несётся с неба благая весть.

Из вагона на перрон сходит Ольга, мой зубастик. Я прохожу мимо неё, лишь приветственно моргнув ей.

В служебном купе столик уже накрыт и налито. Поезд трогается. Мы не чванимся, агрессивно пьём и бросаемся друг на друга, едва не кусаясь, как собаки. Я успеваю спросить:

— Как там народ?

— Засыпает, — шепчет она.

Её поцелуи жестокие, почти кровососущие. Поезд ещё не набрал скорость, а она уже съехала на пол и неосторожно саднит мне зубами.

После первого выплеска я, распаренный, будто бежал за поездом, снова одеваюсь и иду патрулировать.

В двух купе полутрезвое бормотание, но в основном вагон спит. Пока беру то, что лежит само. Один смартфон и один бумажник. Я учитель, учу не бросаться добром. Взрослые мужики, а хуже детей. Зачем тогда месяц в Москве работать, голодать и мастурбировать? Надо их учить.

Возвращаюсь к Ольге. Снова стычка, но более продолжительная. Теперь не столько для меня, сколько для неё.

— Молодец! Я три раза, — ухмыляется она, обнажая клыки.

Ольга говорит, что в школе обморочно стеснялась их, хотя и без того была страшилкой. Вместо смеха она пучила рот, говорила, вытягивая губы. Неожиданно для себя и для всех к выпускному балу она обросла новым телом, особенно окрепли и стали просто фашистскими бёдра, и главное, преобразилось лицо. Черты будто готический гений перелепил заново. Явилась красота неестественная, зловещая.

Ольга могла бы пойти в поликлинику и сточить клыки, но поняла, что с ними отныне заставит любого самца любой породы ползти или уползать на брюхе.

— Пойду бригадире покажусь, а то сам не пришёл бы, — говорит она и улыбается.

Я замечаю, что подростковый комплекс изжит не до конца. Улыбается она сомкнутыми губами, и только острия клыков белеют в уголках рта. Зато смеяться она умеет в полный рот! От её смеха, если его видеть, остываешь, оставляя в трусах короткий сик.

Ольга ушла, заперев меня, а я сразу задремал. В полусне заиграли картинки, на которых ярко-ярко увидел дом, жену и дочь. Там у меня другое счастье, настоящее.

Жене блаженно известно, что раз в восемь дней я еду в Москву сдавать статьи. На самом деле я только однажды блюл честь корреспондента. Месяц орошал страницы местной газеты экономическими статьями, за что получил 42 (сорок два) рубля. Купил бутылку пива и зажигалку. Редактор перекрестился, что заплатил много.

Оля вернулась недовольная. Сказала:

— Там один пассажир мне прохода не даёт. Успокой его, а то он начнёт сюда ломиться.

— Скоро впрямь буду милиционером себя считать, — буркнул я, запахивая китель.

— Дорогая моя! — сунулась в купе бритая голова. — Ух, ты! Мент! Вот как милиция работает! Стол, вино, баба!

Я вывел голову и всё то, на чём она ходила, в рабочий тамбур.

— Молодой человек! — сказал я душевно, разглядывая большого, но плавающего по воздуху парня. — Идите спать!

Он надулся и, качаясь передо мной, как кобра, сказал:

— Соси!

Вздохнув, я скрутил его и застегнул у него за спиной наручники.

Началось! То он с индийским мастерством рыдал и называл меня братом, то официально спрашивал:

— Жена, дети есть? Последний день живут!

Надоел он. Скорее бы станция.

Поочереди появились двое граждан. Один в меня плюнул, второй, любовно подмигивая мне, стал громить пленника ботинками. Прогнал обоих.

Пока я умиротворял общественность, парень присел на корточки, уткнулся в своих будущих потомков и сказал:

— Мама!

Оказалось, что между ног он просунул телефон.

— Меня милиция забрала, пытаются и выкуп требуют!

— Стервы! Казнить их! — откликнулась по громкой связи мама-яблоня.

Поезд дёрнулся, сбавляя ход. В окне блеснули разрозненные огоньки города. Кольчугино. Город тюрем.

Минутной остановки мне хватило, чтобы высадить парня с той нежностью, с какой у него был шанс не разбиться о перрон. Оля принесла его вещи. Одежду, сумку и коробку с телевизором. Их, целые и невредимые, я выбросил уже на ходу поезда.

— Устал! — сказал я, припав к столику. — Видно, правда, становлюсь ментом. Надо было просто в тык ему настучать.

— Не думай, — сказала Оля.

— Плохо! — тяготился я. — Если он заявит, то меня хватятся. Придётся выйти до Иванова.

Она тоже утомилась, и полчаса мы чокались по половинке и вспоминали, как познакомились. Полгода назад я гастролировал в питерском поезде. Ментовку для усыпления жертв ещё не одевал, ездил зайцем, на удачу. В один из рейсов я лоб в лоб столкнулся с парадом ревизоров и милиции, которые делали совместный обход. Имея в карманах шесть телефонов, я поспешил подальше от этого торжества добра и справедливости. В конце поезда я понял, что конец и карьере.

Напоследок я пошёл покурить в рабочий тамбур. Там... при трёх открытых дверях, в том числе и переходной, обдаваемая сногшибательными весенними сквозняками стояла странная проводница. Красота, тонкая сигарета и клыки.

— Я тоже люблю смотреть вслед, — сказал я, яростно чиркая зажигалкой.

— Наша природа нравится, только если остаётся позади, — ответила она охотно.

«Какая-то дура», — подумал я и искренне попросил:

— Спрячь меня.

То, что она сделала вслед за этим, я считаю непонятным до сих пор. Протянула руку, помяла мой зад и сказала:

— Нормально.

Она спрятала меня в рундуке и сверху накидала железных табличек «Иваново — С.-Петербург», «С.-Петербург — Иваново».

С тех пор, на каком бы направлении Ольга не работала, мы вместе. Забавно, но у неё тоже есть семья. Может быть, и хорошая. Почему бы нет. Она за счастье загрызёт.

— Всё, — тяжело говорю, вставая. — Отработаю поезд и сойду в Тейково.

— До Иванова всё-таки боишься? — с тоской и вызовом спрашивает она.

— Бережёного бог бережёт.

— Ого! Бога помнишь? Забираешь у людей то, на что им жить...

Я уставился на неё глазами младенца.

— Ты взбесилась?

— Иди, божественный.

— Ведьма зубастая! — тихо, но слышно бросил я и проворно задвинул за собой дверь.

Первый раз я так с Ольгой. Зря!

Следующую восьмидневку я, гордый, не звонил ей. Она позвонила сама.

— Не езд, сиди дома, — без приветствия сказала Ольга перчёно.

У меня сбилось дыхание.

— Ты прости... — произнёс я, сглотив подступившую к горлу гордость.

— Дослушай. Тот, кого ты ссадил, подал заявление. Описал тебя и сказал, что ты забрал у него пятьдесят тысяч.

— Что?

— Девки-проводницы говорят, что менты сейчас ездят в каждый рейс. Переодетые. Тебя вычисляют.

— Точно? — ерунду спросил я.

— Чего не ясно? Пока! — и отключилась.

Хорошо, что я откладывал на чёрный день. Прокормиться хватит.

Но Ольга. Разве можно её оставлять без присмотра! Она быстро проверит кого-нибудь другого на упругость. Тут-то меня затрясло.

Делать было нечего, и я пошло запил. Жена поступила мудро. Не бранила и не подпускала к ребёнку. Из благодарности к ней за это я усердно спал.

Просыпаясь, я готовился звонить, пил для храбрости и опять засыпал. И опять она позвонила сама:

— Меня перевели на «Москву-Ярославль». Завтра в рейс. Поедешь со мной?

— Да, — кратко ответил я, потому что длинно бы не выговорил.

Выхаживаться!

Пока я спал, ноябрь прыгнул через голову, поддал холода и намёл снега. В гараже я загрузился в бушлат с лейтенантскими звёздочками, постоял, соображая, брать ли гражданку, и не сообразил.

В Александров я приехал на электричке и вздрогнул. Наверное, вся Александровская милиция заполонила перрон. И никто даже не посмотрел на меня.

— Что случилось-то? — спросил я того, кто ближе.

— Ничего пока, — ответил тот. — Чемпионат России. Спартачи едут в Ярославль. Сегодня «Спартак» — «Шинник».

Взрослые перестают удивляться? Значит, мне ещё взростеть, потому что на прибывающий поезд я смотрел, открыв рот. Проводники ехали снаружи вагонов, держась за железные поручни, а из разбитых окон летели свист и бутылки.

Ольга тоже висела на поручнях. Волосы у неё смёрзлись в сосульки и повисли на одну сторону. Я подхватил её на руки, и она улыбнулась мне посиневшими клыками:

— Я приехала.

К нам подбежал усатый майор и спросил, шмыгая носом:

— Девушка! Заявление подавать будете? Или в Ярославле? Если у нас, то оставайтесь.

— Я дальше поеду, — ответила ему Ольга, а я заметил, что усы у майора намокают кровью.

Без разбора ушибая всех встречных о стенки, я довёл Ольгу до служебного купе.

— Водка есть? — спросил её.

— Я хотела в Александрове купить, — сказала она, стуча зубами.

— Жди! И запрись!

Говорится, мол, чтобы стать философом, надо побывать в шкуре осла. Для нашего климата альтернатива — шкура мента. Ближайший магазин оказался забит бычками в красных шарфах, но отступить было некуда, и я занял очередь. Пока стоял, считал сзади пинки. Ближние били коленом, а дальние доставали пыром, больнее. Кто-то находчивый полил мне за шиворот пива. Что мне было сказать им? Я не мент, просто оделся? Тогда бы и шутки кончились.

Дворами, палисадниками я добежал до вокзала с позорно добытой бутылкой в рукаве. На перроне меня тормознул полковник:

— С какого отдела?

— Лабытнанги, — назвал я станцию, дальше которой только бесконечность.

— Командированный? Марш в поезд, сопровождать до Ярославля.

— Знаю, — сказал ему.

Влезая в поезд, я на секунду замер. Ангел-хранитель повис у меня на плечах и не пускал.

— Куда, дурак?! — крикнул он мне в ухо. — Домой вернуться не хочешь?

— Хлеборезку захлопни! — сказал я вслух.

В купе кроме Ольги сидел молодой худосочный милиционер и скачущей ручкой записывал объяснение.

— Так, они вытолкнули вас из поезда, и вы успели схватиться за поручни...

— Успела, да, — говорила Ольга, повиснув головой, с которой набежала лужица, и мне показалось, что вместе с талой водой в лужицу падают слёзы.

— Ты со мной? — спросил я молодого.

Он посмотрел на меня голубыми глазами, в которых играла трусливая рябь, и ответил:

— Я да, до Ярославля.

— Пить будешь?

— Я спортсмен.

Поезд дёрнулся, и в вагоне грянуло «олэ-олэ-олэ-олэ!».

Напоследок я кувырнул из горла и позвал напарника:

— Пошли к ним.

— Зачем? — пробормотал он, даже не бледнея, а голубея.

— Отсидимся!

— Пошли, говорю. А то сами придут.

Ольга посмотрела мне вслед и произнесла:

— Я сама не знала.

В вагоне пахло анашой, бушевали смех и веселье. С нашим появлением их не убавилось. Просто шуметь стали напоказ.

Стихло только тогда, когда к нам подошло мощное, трезвое тело.

— Работаете? — очень дружелюбно спросило оно.

— Работаем, — как мог, без эмоций ответил я.

— А жить-то не хотите?

— Хотим.

— Вот ты странный, а! — крикнуло тело. — Мы вас сейчас выкинем, и ничего вы не сделаете. Это-то ты понимаешь? Ты!

— Чему быть, того не миновать, — ответил я.

Тело тронуло меня за плечо настолько вежливо, насколько вежливо же я должен был подвинуться.

— Дай пройду, мне к проводнице надо, — снова услышал я дружеский тон.

— С места не сойду, — шепнул ему.

Оно уставилось на меня глазами человека, которого предал лучший друг. Вагон молчал.

— Уважаю! — сказала тело и хлопнуло меня по плечу, едва не слав мне ключицу.

Следующие часы я стоял, облокотившись о дверь, и знал, что гибель позади. Порой наваливалась дремота и чтобы не вырубиться, я начинал думать ненужное. Что смерть так и так для всех живых позади. Будет она всяко, а значит всё равно, что уже случилась. И прочее.

Напарник мой примёрз глазами к окну, и на его покойничком лице читалось, что в милиции он работать больше не будет.

Как Ной был рад увидеть суши, так и я — Ярославль. Тело на прощание пожало мне руку и пожелало:

— Уходи с этой работы. Я ушёл и не жалею.

Я добрёл до служебного купе и уснул, не помня как.

Очнулся от холода. Вагон был не топлён. Ольги не было. Вспомнил, что она будила меня и говорила что-то про магазин и продукты. Я позвонил ей, но тарантинская мелодия заиграла в железнодорожном кителе, которым я был укутан.

Я вышел на улицу и от отстойника направил замерзшие стопы к вокзалу.

Серые тучи милиции заволокли Ярославль-Главный. Я грустно заметил про себя, что в такой день быть незаметным можно только в милицейской форме.

— Ясно! Конечу всему! — сказал один мент другому, отняв от лица рацию. — «Шинник» на добавленной минуте сравнял счёт. Спартаки озвереют.

Видимо, ярославская милиция ни сном ни духом не болела за родную команду.

Центральный вход вокзала оказался заперт, поэтому войти и выйти можно было лишь через железные ворота сбоку. Возле этих ворот я и встал ждать Ольгу.

За своим плечом я услышал вопящую сквозь эфир рацию:

— Встречайте! Идут со стадиона. Бьют машины, окна и ларьки. Держитесь, парни!

Я напрягся. Где Ольга? Идиотка.

Через полчаса городской пейзаж перед моими глазами изменился так, будто я смотрел телевизор и переключился на другой канал.

Три тысячи беснующихся фанатов ОМОН сумел взять в кольцо на привокзальной площади, но около трёхсот самых ретивых провалились к вокзалу. К воротам, возле которых стоял я.

Пришлось удивиться мне снова. Держать и не пускать спартачей были поставлены пятнадцать прекрасных принцев. На них вместо формы красовались синенькие камуфляжные жилетки с этикетками «милиция», и то не на всех. Да в руках принцы держали резиновые палки. Краем уха от них же я подслушал, что они студенты учебного центра, вчера принявшие присягу. При них находился капитан, вероятно, преподаватель. На морозе он стоял в красивой фуражке.

Я оглянулся и почему-то меня пробрал смех. Серые тучи, которые полчаса назад клубились на вокзале, как сдуло. Посмеявшись, я остался ждать Ольгу там же, у ворот, вместе с присягнувшими.

Спартачи напирали, но открыто штурмовать пока не решались. Лишь мат и бешеные слюни летели в нас. Да, в нас. Волею пространства и времени я находился плечом к плечу с доблестной.

— Нам бы ещё минут двадцать продержаться, — сказал капитан. — А там посадка начнётся. Сегодня «Спартак» купил для своих фанатов целую электричку. Большинство уберутся.

— Вам же сейчас край наступит, мусора! — звучали самые добрые, если сравнивать, слова. — Прячьтесь на хрен!

Наконец выискались провокаторы. То один, то другой стали толкаться и замахиваться. Из дальних рядов донеслось: «Чего там впереди не начинаем?! Чего ждём?!»

— Я здесь! — крикнула Ольга, и через несколько голов я увидел её руку.

— Делаем проход! Делаем проход! — врубился я в спартачей, раздвигая их.

— Куда? Ты с дуба рухнул? — окликнул меня капитан.

— Человеку надо пройти! — проорал я и ему, и спартачам.

У меня получилось. Я добрался до Ольги, но в это время невидимая искра проскочила по живой массе вокруг нас. Масса моментально стала плотней, и спасительная дорожка, проторённая мной, сомкнулась. Я понял, сейчас будет штурм.

— Здесь мент, — услышал я шёпоток. — У кого нож есть? Быстро-быстро мне!

Мои болевые рецепторы звонко дрогнули и наострились. Печень трусливо съёжилась.

— Дорогу! — зарычал я, прорываясь с Ольгой к «своим».

Лишь мы выбрались, лишь я вздохнул, как штурм начался. Сначала все триста спартачей, как один, грянули песню:

Не слышны в саду даже шорохи!
Всё здесь замерло до утра!
Если б знали вы, как мне дороги!
Ярослаавские му-со-ра!

И спев, двинулись.

Не весь откуда в руках у них появились железные прутья. А в воздух взлетел страшный град из бутылок и кирпичей.

Я толкнул от себя Ольгу и схватил дубинку. С первого же маха я угомонил двоих, скорее всего, сломав им челюсти. Со второго маха я создал перед собой полукруг.

Во мне проснулся истинно былинный воин. Уклоняясь от воздушных снарядов, шаг за шагом я наступал и бил палкой по лицам, пока не оглянулся и не увидел, что воюю один. Присягнувшие спрятались за столбами, а капитан отрешённо качал головой, словно скучающий конь. С головы его падала пивная пена вперемешку с кровью.

Одним прыжком я тоже спрятался за свободным столбом, и штурмующие хлынули в ворота уже беспрепятственно. Забавно выглядело то, как сзади продолжали бросать снаряды, и бегущие впереди неповинно принимали их на свои затылки. На привокзальке ОМОН также разомкнул кольцо, вслед за чем поток спартачей превратился в силу вселенскую.

Я отыскал Ольгу и вместе с ней вжался в самый тёмный угол. Грохот бьющегося стекла, речовки и топот длились ещё минут десять, а потом как-то вдруг оборвалось, будто кончился дурной сон.

Ко мне подполз на четвереньках один из недавних противников и убедительно произнёс:

— Ты больше не работаешь, понял? Ты знаешь, на кого руку поднял? — и он показал мне партбилет «Единой России».

Обратно мы ехали молча. Молча ели и выпивали. О соитии мыслей не было.

— Красиво, — иногда произносил я. — Мне понравилось. Особенно песня.

— Мне нет, — отзывалась Ольга.

— Ты не злись, но я больше не буду ездить. Не хочу. Надо искать работу.

Поезд подходил к Александрову, когда Ольга округлила глаза.

— Ой! — испуганно воскликнула она. — Тебя же сейчас будут встречать!

— Кто? — сонно спросил я.

— Александровские оперативники. Они должны были задержать тебя сразу, но, видно, из-за болельщиков не смогли. Так что, наверное, сейчас ждут.

— Ты откуда знаешь? — протрезвел я.

— Это я, прости, — ответила она, глупо хлопая глазами. — Ты меня в прошлый раз обидел, вот я и... Простишь меня?

Прыгать с поезда, даже если он тормозит, затея неприятная. Слышал я про прыгунов, которые находили пикетные столбики. И всё же пришлось.

На гранитную насыпь я приземлился по касательной, однако на миг вылетела душа и целую минуту лёгкие не качали воздух.

С Ольгой я больше не встречаюсь и не созваниваюсь. На шее ношу память о ней. Клык.

15.01.2011 г.

23 ФЕВРАЛЯ

(рассказ)

1

ОБЖ преподают бывшие военные или женщины, которые по многим прекрасным качествам тоже бывшие.

Максим Большов отслужил Родине десять лет, а затем бездушно сокращённый, как математическое число, вышел из стен части на улицу той самой Родины.

Ничего не уметь в тридцать лет труднее, чем любая работа. Целый месяц Максим носил в родительский дом кипы жизнерадостной прессы, которая манила на работу строителей и бухгалтеров, и которую читал он тщательно, зевая во весь свой командирский голос. К его огорчению нигде не встречалось что-нибудь, вроде «требуется опытный замполит на должность...» Каким словом должна была писаться его будущая должность, Максим не представлял и поэтому, увидев вакансию преподавателя ОБЖ, он понял, что лучше этого могла быть только героическая смерть.

Устроился он аккуратно перед 1 сентября. К торжественной линейке требовалось стать красивым, однако кроме опрятного внешнего вида других критериев моды Максим не чаял, да и гражданского гардероба ещё не нажил. Пришлось надеть старомодный отцовский пиджак, тяжёлый, как бронезилет, и в довершок нагрузить его наградами. Правда наград за время службы накопилось скудно мало, а те, что и были, наградами не были. Что там: значок части, который носили полугодовые срочники; медалька в ознаменование 35-летия части; знак в честь многолетия войск, которым служил Максим, и несколько значков, купленных в армейском магазине, имевших просто патриотический смысл и Максима не подразумевавших. Тем не менее, на груди и все в ряд они смотрелись даже грозно.

И Максим победил. Торжественность линейки померкла в его присутствии. Сами по себе награды не ослепили бы так, если бы они не находились на высоте двух метров, а ещё выше не моргала конскими глазами голова.

Сказать, что коллектив школы был женский, это всё равно, что — кровь красная. К тому же большинство женщин были незамужние и не обязательно, что по вине молодости. От этого картина походила на послевоенную, когда мужья и коллеги погибли на фронтах, а единственный живой пришёл — Максим. Стоит ли говорить, что внимание он привлёк, как горящее чучело Масленицы.

С первого учебного дня Максим утонул в счастье по шею. Только он входил в школу, девочки бросались на него и, как макаки, лезли на двухметровую высоту. Мальчики же степенно обступали Максима и тянулись позвать ему руку.

К концу сентября две восьмиклассницы поставили Максима перед выбором: или — или. Либо он становится их женихом, либо — два ма-

леньких гробика. Максим выбрал жизнь и счастье девочек, пообещав обоим замужество, но после школы.

— А сейчас? — спросила Вика. — Никто не будет знать.

— Да, — грамотно поддержала подругу Снежана. — Что такого?

— Хотите вступить в тайную гвардию? — перевёл Максим тему, сам пока не зная на какие рельсы.

Опять же, стоило ли удивляться. Второй мужчина в школе трудовик Пальч оттенить личность Максима не мог, хотя бы потому, что от штанов его стойко пахло болотом и рыбой. Максиму было суждено слыть образцом мужчины.

— Непедагогично! — первый раз вызвала Максима на ковёр директор, женщина с тяжёлыми, как кулаки, щёками. — Что это за объятия с девочками? Что за рукопожатия? Я понимаю, они видят в вас отца родного. У многих папы пьяницы или их нет совсем. Или работают в Москве. И всё-таки...

— Ну вас, бабё! — непедагогично отрапортовал Максим.

Как скоро он завоевал любовь учеников, так же быстро от него шархнулся женский коллектив.

— Бабё! Не любите вы детей! — обличал Максим на педсоветах женщин. — Потому и вас никто не любит. Солдат любить надо! Бабё!

Школьные женщины вселяли в сердце Максима холод и юношеский страх. Ни одна из них не умела, например, изящно двигаться. Даже юные, вчера окончившие свои «педухи», шагали с топотом, будто хотели распугать из-под ног мышей. Глаза их горели, как запрещающие сигналы светофора. Говорили женщины громко, и даже рассказывая друг другу что-то из кулинарии, повышали голос и грозили пальцем.

После же того, как Максим сколотил военно-патриотический клуб «Любо», и половина учеников перестали ходить на уроки, а другая половина объявила, что Максим Сергеевич лучший человек в мире, директор вызвала его во второй раз.

— Коллектив обвиняет вас, что вы, простите, педофил, — сказала она, дуя щёки-кулаки. — Сами уйдёте или уволить по-плохому?

2

Щемило сердце и жгло лёгкие, но Максим терпел. Химическая атака исходила от тихого дедушки. Это не Пальч с болотом в штанах. Дедушка разил чистым, ядрёным аммиаком.

— Крепит меня, — улыбался атакующий. — Как чёрного хлебушка поем, так и крепит.

— Пей масло, — отвечала ему старушка. — Ешь свёклу.

Максим восторженно озирался, будто попал в рай. Его окружали алые знамёна, гипсовые головы Ленина и седые — старичков.

— Молодец, что решился к нам, Паша! — говорила старушка Максиму, забывая в который раз его имя. — Молодых нам не хватает.

Первый секретарь КПРФ, которого ждал Максим, пришёл худой, прямой и с лицом, на котором было столько напряжения, сколько бывает в порыве гнева или в борьбе с запором. Словом, лидер.

Он увёл Максима в отдельный кабинет и там, усадив его за стол, заговорил шёпотом:

— У нас трудно. Газеты, листовки, митинги. Месяц тебе испытательного срока, а там посмотрим, выстоишь ли.

— Да ерунда, — пожал плечами Максим. — Всё же бывший военный.

— Прекрасно! Значит, приходи завтра на акцию протеста в честь Дня защитника Отечества. Дадим тебе флаг! — шепнул лидер.

— Я как раз насчёт праздника, — Максим выложил на стол две осколочные гранаты Ф-1. — Я приведу полсотни молодых, моложе некуда, бойцов. Хотите, могу и больше...

Лидер, у которого на лице снова отобразились муки запора, глядел то на Максима, то на гранаты, то искоса на дверь.

— У всех будут деревянные макеты автоматов, — продолжал Максим. — Со стороны, как настоящие. Двинемся колоннами мимо администрации, и по окнам вот этим.

Максим катнул одну из лимонок лидеру.

— Учебные, — сказал Максим. — Пустые. Я много припас, хватит.

— Вот что, — кашлянул лидер и отодвинул от себя гранату. — Если есть у тебя молодые ребята, ты приводи их. Но без этого! Пусть лучше они будут по пути поднимать гири. Если есть девушки, то будут крутить обручи.

— В феврале?

— Нет, конечно, — заёрзал лидер на стуле. — Давай-ка, знаешь, перенесём на День Победы. Там и тепло будет, и с тобой получше познакомимся. А то кто ты такой? Кто тебя прислал? Может, за дверь уже арестовывать ждут.

— Бабё, — улыбнулся Максим и вышел.

На улице его ждали десять мальчиков из 8 класса.

— Ну что, Максим Сергеевич, пойдём на войну? — первым спросил Саша Раев.

Саша умел говорить, и уже одно это радовало в нём. Писал он на уроках редко и то если его напугать. Зато на мир он смотрел с добротой в глазах, которой у людей не встречается, а бывает на иконах.

— Пока нет. И не с этими, — Максим кивнул себе за спину.

— А сами, без них? — спросил Костя Строев, хорошист, которого воспитывала бабушка и после школы покупала ему за хорошую учёбу пиво.

— Потом, ребят, потом.

— Ну-у-у...

— Что за нытьё, бойцы?! Отставить! — выпалил Максим. — Становись! Равняйся! Смирно!

Мальчики построились быстро, как бусины на натянутой нити.

— Знайте, я ваш командир и не оставлю вас никогда и в обиду не дам. Вы мои сыновья. Завтра начинаем строевую подготовку. Устроим парад ко Дню Победы. Передайте всем!

20 человек. К 11 в тир на стрельбы — 5 дней подряд по 15 человек. Рукопашный бой на заснеженном стадионе — 30. Итого с его увольнением ничего не изменилось.

Новым было только то, что зарплату Максим уже не получал и ещё, находясь дома, он стал много лежать.

Он представлял себя умирающим, закатывал глаза и придавал лицу торжественность. Воображение, пока не приходил сон, рисовало драмы, в которых Максима сотнями пуль поражали милиция, бандиты или Моссад. За что и так часто его расстреливали, Максим думать не хотел.

Лишь перед 23 февраля его озарило, как сделать красиво и взаправду. Лидеру КПРФ он не сказал, что собирался купить сегодня в оружейном магазине макет автомата Калашникова, точь-в-точь, как боевой, и завтра с ним штурмовать администрацию. Час назад он ясно представлял то, как, оставив позади себя знамённые колонны, в одиночку бросится к зданию, на бегу клацая затворной рамой, и крича истины о развале армии, о расхищении русских недр и прочее, сколько успеет. А потом школьники будут стоять над ним, расстрелянным, и запоминать его, а поодаль красный стыд будет просвечивать сквозь забрала омовских касок.

О том, что одновременно с ним могут пострадать старики и дети, он до встречи с лидером не думал.

Отпустив мальчиков, Максим вернулся домой. До вечера он закатывал глаза и потягивался на диване, изображая агонию, но бестолково, без удовольствия. Здоровое тело хотело ходить, а сердце биться и гулять.

В кармане томилось выходное пособие, полученное сегодня в школе. Смешные, но настоящие деньги.

Уяснив, что никакие неги не помогут в деле героизма, Максим встал и пошёл. В бар.

Кому сказать, никто бы не поверил, что ни в одном баре он ещё ни разу не был. Также у него имелась другая тайна, которая будила его по ночам и душила. Максим ещё никогда не проникал в женщину. На нём от страха потели трусы, когда он представлял свой запоздалый сексуальный дебют.

Лишь одно приключение случилось в жизни Максима, и то оно не касалось женщин и сексуальным его можно было считать очень прилизательно. Однажды с другими контрактниками, хорошими парнями, он пил вино на берегу речки. Стемнело, вино кончалось, и на речку пришёл неизвестный. Он разделся идти купаться, и в это время кто-то из товарищей Максима сказал: «А давайте над ним надругаемся». Все были пьяны и товарищ, конечно, пошутил. Даже не пошутил, а сказал ерунду. Даже не ерунду, а не известно что и зачем. Тем не менее, сказанное было настолько парадоксальным и от этого сильным, что все встали и пошли. Неизвестный, увидев их пятерых и голых, купаться не стал, а побежал. Его бросились догонять, и Максим тоже. Так как он, Максим, бежал превосходно, то сразу выбился в лидеры. Он видел перед собой беглеца, и злился, что не может догнать. Конечно, о надругательстве не было бы и речи, и получишь догнать — пришлось бы сразу отпустить. В итоге погоня длилась настолько долго, что природа сменилась городом.

Уже появились дома и автомобили, а беглец не сдавался. Закончилось тем, что Максим упал и в кровь свёз об асфальт бок. Труссы его остались сушиться на берегу.

Впрочем, пожелай он кому рассказать о своём горьком целомудрии, за неимением друзей не получилось бы и этого. Где бы их взять, когда в родном городе не жил 12 лет.

В баре Максим напился с быстротой, от которой растерялся сам. Что делать дальше? Он купил сигарет и, не будучи курильщиком, смачно затянулся прямо за столиком. Его тело наполнилось чем-то лишним, и особенно желудок. Быстрее, чтобы полегчало, он решил выпить ещё, и чтобы наверняка — взял не рюмку, а стакан.

— Дамы и господа! Полночь! Наступил День защитника Отечества! — произнёс в микрофон диджей. — Для всех присутствующих мужчин — Кристина!

Максим осмотрелся вокруг и увидел много людей, и даже за его столиком сидело два человека разных полов. Перед собой он обнаружил пепельницу с пятью бычками.

Мало того. В баре оказалась сцена, и на ней воочию снился сон. Настоящая живая девушка танцевала и оголяла себя до самой вопиющей правды.

Для того, чтобы выглядеть перед соседями трезвым, Максим приосанился и сделал лицо мрачным и всезнающим. Он стал внимательно наблюдать за танцем, но у него вдруг закрылся левый глаз. Усилием брови Максим поднял ослабевшее веко, однако тут же закрылся глаз правый.

Максим стукнул по столу кулаком и вытаращил глаза с таким усилием, что подался вперёд.

Теперь срочно требовалось дать знак девушке, что она не зря старается, что вот он, Максим, здесь. Ведь было темно, и она могла просто не видеть его. Он набрал воздуха и хотел крикнуть что-нибудь вроде «милая, красавица, посмотри сюда на своё счастье!», но получилось короче:

— Ээ!

Девушка, не услышав его, закончила танец, и ушла со сцены.

— А сейчас в честь праздника встречайте! Образец мужественности — Крис!

На сцену поднялся богатырь в кольчуге и с мечом в руках. Другой одежды на нём заметно не было, кроме серебристых стрингов, которые, если богатырь поворачивался спиной, исчезали между его ягодичами. Грянула гитарная музыка на мотив «Дубинушки».

Взбешённый Максим поднялся с места, но тут стол бросился ему под ноги и опрокинул на себя. После минутной борьбы Максим снова встал, однако другой стол напал на него сзади. Пришлось применить бросок через бедро и положить нападающего кверху ножками, сделав его беспомощным, как черепаху.

Победив обоих, Максим сунул руки в карманы своих просторных камуфляжных штанов и демонстративно встал ноги врозь — ну кто ещё? В карманах ему попало что-то холодное и очень родное. Гранаты. Он поднял их над головой и стал танцевать под «Дубинушку», высоко задирая ноги и топая.

Третьего нападающего, более сноровистого, чем столы, Максим увидел лишь искоса. Им оказался стриптизёр.

Совершенно трезвую боль Максим почувствовал в правой руке, которая загнулась за спину, будто хотела почесать между лопатками. Шею обвило что-то скользкое, и левая рука, выронив гранату, стала хватать воздух, как слоновий хобот.

Далее почти по воздуху и с рукой впереди, подобно волшебному прорицателю, Максим быстро шёл сквозь неведомые ему коридоры, в которых встречались официантки с подносами и люди в поварских колпаках.

— Я офицер! — рычал он утробно, откуда-то из желудка. — Руки убери от офицера!

— Молодец. Я тоже из таких, — пыхтел ему в ухо стриптизёр.

— Что ж ты, позорник, пляшешь?! — рычал Максим.

— От радости, — отвечал тот.

— Слышь! Отпусти меня, брат! Гранаты всё равно учебные!

— Да нужен ты мне! — усмехнулся стриптизёр.

Через железную, покрытую изнутри инеем, дверь он выпихнул Максима в февральскую ночь.

— С праздником! — сказал стриптизёр на прощанье.

Дублёнка осталась в гардеробе, и поэтому Максим бежал по морозу во весь дух, как тогда без трусов.

«Х-хватит дурачиться!.. — бормотал он, извергая изо рта горячий пьяный пар и хрипя. — Пора жить, как все...х-х-х... идти работать... х-х-х... хоть ох-храником... х-хоть кем... женюсь, не х-хрен делать...»

Впереди показался дом. Родительский дом. У Максима были родители! Больше никого, только они. Это счастье! Да, он великовозрастный сын-неудачник, бежит к родителям, но это тоже счастье!

Подъезд.

Лестница.

Первый этаж, второй.

Надо на третий.

Дверь.

«От чего так в России берёзы шумят?..» — прозвучал из чехла телефон. В спальне подъезде музыка загремела, как в баре.

— Да! — ответил Максим, не посмотрев на имя.

— С праздником, дорогой Максим Сергеевич! — раздался в трубке голос ротного.

О, ротный. Великий мужик. Рассказать про него — не пересказать. Хотя тоже сократили, даже на полгода раньше, чем Максима.

— Андрей Александрыч! — ахнул Максим. — С праздником!

У ротного было за святое правило называть сослуживцев по имени-отчеству, за что и его величали так же.

— Как жизнь? — спросил ротный.

— Да нормально, — улыбаясь, ответил Максим.

— Работаешь?

— Сейчас нет.

— Вот и я! Осточертело всё! Хоть стреляйся.

— То же самое...

— Слушай, Максим Сергеевич! Я не только поздравить звоню. Ты ведь у нас до того, как встал на замполита, был хорошим взрывником?

— Ну.

— Слушай. Я ищу человека, которому мог бы доверять, как себе. Вот и звоню. Давай начнём, а? Всё подряд, как на войне!

Максим замер. Он понимал, что ротный пьяный, оттого и говорит сейчас по телефону о таких вещах откровенно. Однако Максим знал и то, что ротный, сколько бы ни выпил, обманывать не будет.

— Что молчишь, Максим Сергеевич?

— Я думаю.

20.02.2011 года

ИРИНА ГОРБАНЬ

Донецкая область,
г. Макеевка

Я счастьем грешна

В легком платье, всегда босая,
Над обрывом, лицом к ветрам,
Словно вызов себе бросая,
Прихожу сюда по утрам.

Легкой дымкой в туманах тают
Птичьи стаи и слышен крик:
– Не святая живешь, не святая!
– Да, грешна... голос мой поник...

Оглянулась... пуста дорога,
Под ногами – густой чабрец.
Это совесть сказала строго
Строгость эту внушал... отец...

Или ветер принес в ладонях
Поцелуй через толщу лет?...
Только сердце давно не стонет.
Не святая... прощенья нет...

А трава мне щекочет ноги.
Мне бы сделать себе венок.
У полыни листок – убогий,
Да чабрец от росы полег...

Чабреца бы вплести для цвета,
Горьким вкусом ладони жжет.
Мне давно бы спросить у ветра:
– Из полыни бывает мед?

Не дослушала птичьих песен,
Да – счастливая. Да – грешна...
И с надеждой, что мир чудесен,
По тропинке домой ушла.

Тепла заветные надежды

Отвернулась. Походкой усталой
Ты уходишь, холодная, прочь.
До последнего дня отлистала
Календарь, чередуя: день-ночь.

Не зима завернула за Угол, –
Королева холодных дорог,
Зверь в лесу твоим взглядом напуган,
Что надменен и чуточку строг.

Что-то всё – осторожно, уныло
Тихим утром холодной поры...
В сотый раз туча землю умыла,
В сотый раз – ветра буйный порыв.

Только верба с ольхой довольны,
Им ли грустные песни скрипеть?
Не дуэтом и, даже, не сольно
Хор весенний, тепла – круговерть.

Теплым соком наполнились кроны,
На подходе зеленый листок,
Малый луч превратился в огромный,
Разогрел от зимовья восток.

Бокал зелёнки

С постоянной периодичностью
Или временным непостоянством
Я звала тебя яркой личностью,
Ты от гордости – долго пьянствовал.

Допивая бокал до истины,
Ты не спрашивал, плакать надо ли...
Мы, дорогу в "обратно" выставив,
Поднимались и снова падали...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Я подставляю ладони-лодочки,
А в глазах – две слезы осколками.
Кто-то скажет: “Налить бы водочки...”
Я в бессилии душу скомкаю.

Бесконечности знак – не вымысел.
Перекрестки дорог – не найдены...
Я мечту, как ребенка выносив,
Заливаю зеленкой
Ссадины...

Обронила весна изумруд

Зацепилась весна за март
Рыхлым снегом, ручьем звенящим.
Я люблю этот яркий старт
И забег его настоящий!

Чтобы ветки берез – в соку,
А проталины - в изумруде,
Чтобы лошади – на скаку,
Новый выводок птиц в запруде.

Чтобы звон колокольный пел
И земля, как невеста, в белом,
И апрель чтобы к нам успел,
Облака разукрасив мелом.

Только в марте весна – в плену,
Разленилась в дожде и луже,
И туманную пелену
Обронила из тонких кружев.

Я к губам поднесу свирель,
Восторгаясь природой хрупкой,
Зазывать я пойду апрель,
В небе солнце встречать голубкой.

По капельке весну пою

Я считаю апрельские дни
По минутам. Куда торопиться?
Мы с весною сегодня одни
Наблюдаем за первой птицей.

Мы увидели стаю грачей,
Что стерню проверяли на зёрна,
Сквозь туман нити тонких лучей
Доставали до глади озёрной.

Ах, какая кругом красота!
Мы – подружки, весна! Ты мне рада?
Вдоль дороги растет краснотал,
Тонким хмелем увита ограда.

Я люблю этот верный союз.
Я и – ты, в одеянии строгом,
Ты играешь на радуге блюз,
Под дождем я иду по дорогам.

Я – босая. И дождик – родной.
Я к нему подбегаю поближе.
Столько капель и струек - одной!
Лужа теплая ноги мне лижет.

Ай, весна, за минутки держусь
И с восторгом встречаю рассветы.
Я тебе несерьезной кажусь?
Эхо вторит: “Подруженька, где ты?”

Разбудить черемуху

Отбуянил январь. Злые стужи
Унесли за февральские веси,
Воронья стаи больше не кружат,
И скворец в небе дарит нам песни.

Снова дождь отбивает карнизы,
Словно путник заблудший стучится,
Подоконник капелью унизан...
Прилетела весна-озорница.

За окном у черемухи платье
Износилось за давностью вёсен,
Обновить кружевами и гладью,
Стал бы возраст её несерьёзен.

Эх, подружка, простимся, пожалуй,
Не хватило тебя. Понимаю.
Кулаки я в надежде держала
За тебя. За цветение в мае.

Только, что это? Не наважденье?
Я заметила призрачный трепет.
Это новой весны зарожжденье,
Ветер кудри поплёкшие треплет.

Встрепенулась, подёрнула станом,
Покачнула надломленной веткой,
Потянулась, сказала устало:
– Я проснулась. Ты рада мне, детка?

Весенние голоса

Обойти хотела я весну,
Оказаться сразу в жарком лете,
И росу потрогать на рассвете.
Прошептал мне тихо теплый ветер:
– Дай-ка дождика тебе плесну.

А сорока села на сосну,
Закричала лесу и поляне:
– Пусть гроза с небес скорее грянет,
Яркой радугою не обманет
И в туманы пусть уйдет ко сну.

Только лучиком ручей блеснул
И унес с собою звон хрустальный,
Горизонт перечеркнул за далью,
Эхом звал туда, звенящей сталью,
Голосом, напомнившим весну.

Только я сегодня не усну,
А послушаю скворца на ветке,
Под березой встречу дождик редкий
И при случае скажу соседке:
– А давай с тобой встречать весну!

Тут по небу кто-то полоснул
Ярким светом, молнией лучистой,
Гром небесный, силою неистов.
И, посыпав звонкое монисто,
Он принес красавицу весну.

Осторожная душа

Осторожно в ночи ступаю.
Выключатель найти – нет силы.
В черной комнате я – слепая,
Ноги паника подкосила.

-Что ты, ужас, со мною сделал?
Вся душа моя - сплошь осколки.
Шаг вперед. Испугалось тело
Душу спрятали, тряпкой скомкав.

Широко глазищи раскрыты,
Но в глазницах – пустыня - неба
Дикий страх, до икоты сытой,
Вот бы свечки огарок мне бы...

Закричать не могу - нет силы.
Я к глазам поднесла ладони,
Но не плакала, не просила...
Только сердце от страха стонет...

Я – сама. Я – наощупь,
тихо...

Дверь найду для души. Не сложно.
Кто сказал, что душа – трусиха?
Просто чуточку – осторожна.

Я слышу... краски

А бывают поля цвета радуги
Или небо зеленого цвета?
От Днестра и до северной Ладogi
И кружева вся природа одета.

А бывают леса бирюзовые,
А березы небесного цвета?
И пустыни с большими бизонами,
Ледники, что лучами согреты?

Знаю точно: бывает! Встречается!
Лунный свет на реке теплой ночью,
Ранним утром туманы качаются
И гроза рвет пол-облака в клочья.

Ранним утром и призрачным вечером
Я люблю ромашковым ситцем,
Мне звенит колокольчик доверчиво.
Это – правда, иль всё это снится?

Я скажу, не таясь, – верьте на слово:
Красоту всю художники пишут.
Акварелью, гуашью и маАслами
Тонкой кистью. Я всё это слышу...

Поднимите меня, крылья

Заскулила душа, завывала,
На пол бросилась вместе с телом,
Где-то крылья свои забыла,-
Высоко полетать хотела...

Беспощадные половицы -
Кровь пятном на полу осталась.
Воедино бы с песней слиться,
Только силы осталось – малость.

– Отчего я лежу нагая?-
Тело молча спросило душу.
– Вольной птицей быть предлагаю.
Испугалось? – Нет! Я не струшу!

И посыпались перья с неба,
Боль застыла в лопатках колом.

Я спою свою песню. Мне бы
Только душу поднять над полом.

Черных масок – пусты глазницы,
Не спасают остатки платья...
Лица... Лица... Чужие лица...
Я кричу: “Не умею лгать я!..”

И, расправив большие крылья,
Поднялась над землёю смело.
Не дышу больше серой пылью,
Я стихами теперь запела!

Время песочное

Дань моде, веку, для красоты –
На стенке. Точные
Висят старинные часы...
А где песочные?

Кто их забросит в старый стол,
Ну? Кто осмелится?
Послышался... песочный стон,
А мне – не верится.

Песчинок мелких пересып –
Времени свечение.
Мои песочные часы –
Струи течение.

Не между пальцев – за стеклом
Не растеряются.
Случится маленький наклон –
Всё поменяется.

Остановить забег времён?
Легко решаемо!
Я не припомню тех имён,
Кто так пошаливал.

В руке – старинные часы,
На стенке – точные.
Перевернула пересып:
– Вперёд, песочные!

И быстрый грации полет

Вихрем волшебным, движением быстрым
Ты ворвалась в яркий свет ветерком,
Взглядом таинственным, голосом чистым,
Взмахом руки, что до боли знаком.
– И- раз- два-три, раз-два-три, – ты шептала,

Словно полёт мотылька под луной,
Милый цветок в волосах краснотала
Шаль покрывала воздушной волной.

Ножки совсем не касаются пола,
Ты – в облаках, ты – на гребне волны,
Только вуаль нежно падает долу,
Танцы красавицы чувства полны.

Иль торжество, или жесткие муки
Ты передать своим взглядом спешишь,
Гордо волшебные белые руки
Вскинула к небу... Молчанье хранишь...

Танец окончен и сцена – пустая,
Только вуаль неподвижно лежит,
Зал рукоплещет, все зрители встали.
И краснотал в твоей ручке... дрожит...

По земле...

Я хожу по земле осторожно,
На носочках, на вдохе ветров,
Загоняя занозы под кожу,
Сухостой приношу для костров.

Черной меткой на девственном теле,
Те костры догорают в степи,
Соловьи надо мною запели,
Словно мертвой водицы испив.

Постепенно рубцуются шрамы,
(Кто полил их живою водой?),
Всё зовут меня старые храмы,
Но упорно иду не домой...

Покидают последние силы,
Но в душе не ждала палача,
Помню, тихо о чем-то просила,
А в руке догорала свеча...

И, не смея взглянуть на иконы,
(Руки воск обжигал до кости)...
До земли совершала поклоны
И просила: “Прости...”
– Ты прости...

Но глаза – шаловливо искрятся,
Горечь трав обжигает язык...
То елеем иконы слезятся,
Дух свободы – рыдать не привык.

Вороны

Узники праздников – канули в прошлое –
Хвоей опавшей, уставшими розами,
Взором увядшим и пошлыми позами,
Выпаив горошиной неосторожною,
В крошево прошлого брошенной, брошенной...

Заметены и порошей, и мётлами,
Спорными, сорными, вздорными взмётами,

Стены и праздники – стёртые, старые,
Встречами мечены – пары усталые,

Эхом картавящим – хриплым и сорванным –
С карканьем – в стороны – вороны, вороны...

Так, натянув одеяло на голову,
Сонным младенцем я, с памятью голою,
Прячась от ахов и охов непрошенных,
Страхов ночных и судеб перекошенных –
Малой горошиной – брошена, брошена...

Слезы

Не предсказанные мысли,
Не угаданные жесты,
Привидения нависли
Стародавних происшествий.

Позабывтый жизни Обрис,
До поры уснувший в “ножнах”,
Изготовившейся коброй
Ловит шаг неосторожный...

Мне и жаль тебя тревожить,
И испытывать на прочность,
Повороты вспять – итожить –
Слёзы, слёзы – среди ночи.

Твой смешной, недоуменный
Вид. Растерянная поза...
Хриплым бой часов настенных,
Еще горше – слёзы, слёзы...

Ты

... Ты – тот, кого нет.

Ты – тот, кто везде и всегда. Кто слышит мой шепот с другой планеты.

Ты – молчун, знающий много слов. Ты – тот, который “собирает” из слов, как из кубиков.

Ты – вечное дитя, поучающее взрослых.

Ты – тот, кто уронил Луну, когда шатался по ночному небу. Тот, кто в крошечной тьме – ищет ночь.

... Пройдоха из пройдох, увлекающий в опасное.

Ты – тот, кто стоит на краю обрыва в раздумье - прыгнуть? Тот, кто, прыгнув, полетит вверх.

Ты – тот, кто не наигрался... Тот, кто играет океанами и континентами.

Ты – упрямец, ищущий затерянную Атлантиду.

...Ты – тот, кто всегда воевал и никого не убил. Тот, кто не берет пленных. Тот, кто взял в плен только одну.

Ты – тот, кто не даётся.

Ты – дикий, нежный зверь невиданной породы; такой дикий, что только я тебя не боюсь, такой нежный, что я – боюсь тебя.

... Ты – тот, кто слышит закаты и рассветы.

Кто видел, как лист возвращается на ветку...

Ты – тот, кто диктует рифам и волне. Кто танцует в одиночку под пение реки.

Ты – тот, кто не оставляет следов на песке. Ты – играющий с синими крабами и считающий песчинки на берегу. Ты – тот, кто повторяет за мной эхом. Повтори!

... Ты – тот, кто достает загадки из нагрудного кармашка. Ты – счастливый сумасшедший, обманувший весь свет!

Тот, кто похоронил Коломбину и плясал на могиле с тоской в обнимку.

Ты – тот, кто не боится быть слабым. Кто не отвел глаз, когда играл с одиночеством в “кто кого переглядит”.

Ты, носящий в себе боль, как раненый в бою – осколок.

... Ты – тот, кому дождь назначает свидания по четвергам.

Ты – умеющий петь колыбельную самому себе.

Ты – тот, кто так близко, что не дотянуться.

Тот, о ком можно писать бесконечно...

Ты – тот, кому так трудно сказать “прощай”.

...Здравствуй!

“Записки...” (полушутка)

Жасмины зевали в графине
Возлюбленной Жозефины,
Вдруг – алым угаром пиона –
Записка – Наполеона.
НА ПОЛЕ – каком? – “ОНОМ” –
Так нервно, и так знакомо,
Приказано ей с тоской,
Чтоб запах хранила СВОЙ.

У игры – отголосок давний,
“Путать след” – это так забавно...
Ты, знаю, умеешь тоже
Читать “письмена” по коже,
И запах любимых пачулей,
Уж точно теперь “почуешь”...
А сегодня – для развлечения –
Вся пропахла имбирным печеньем!
Нет мне дела – что скажут люди –
Принесу себя, как на блюде.

Иллюзии

Мои иллюзии смеялись надо мной:
Хватали за подол, кривляясь,
Крутили пальцем у виска, то удаляясь,
То снова возвращаясь с победой злой.

И, не умея их остановить,
Я только брови подняла в недоуменье –
Чего им нужно от меня? Затменье
Кончилось. И некого винить.

Нелепица моих промашек видна давно.
“Сняла я грим” – спектакль не состоится...
Вольно же вам, иллюзии, глумиться,
Пора ваш список спрятать “под сукно”.

Ведь не одну звезду прожгла я взором,
Слезами по счетам – платила без укора,
Не дожидаясь милости презумпций,

В готовые гробы опрятно уложила
Всё то, чем я так – детски дорожила –
Пустых надежд, и снов, и слов безумства...

Прогулка

В твоём кармане – тепло,
Там наши руки – сплело,
И поцелуи – вкусны,

Заботы – спят до весны,
Снежинок – чистая простынь,
И так легко нам и просто,
Как дети, падали в снег,
Мы там оставили – смех,
Двух наших спин отпечатки,
Флажок забытой перчатки...

Простецкое

Отломилась веточка облепихи – знать,
была лишней,
Так хотелось улететь с ветром тихим – да
не вышло,

По дороге пыль клубами – на полынь, да –
на ромашки,
Слишком смело я жила – и поныне –
нараспашку!

Любовалась на закат – ой ты, Боже, –
как он розов,
Бесшабашная любовь – это что же? –
“вышла прозой”...

И смеялась над собой – всё равно я –
не остыну,
И ожоги не страшны – уж давно мне –
взглядов “в спину”.

Портрет

Повинуясь ветрам Вселенной –
Словно нет мне привычной дела,
Со своим непослушным телом
Я стояла усталой пленной,

В волосах заблудился запах:
Старых снов и духов горчаших,
Ветра, пойманного у трапа,
И медвежьей тяжелой чащи,

На дорогу, ступив без страха,
В отступлении – нет резона –
Прочитаю в небесных знаках
Неразгаданный глаз Скорпиона.

А в моих – утонула жалость,
К пустоте безнадежно-сытых,
И дрожанье звезды – алой –
Отражалось – в моих – открытых.

Вспоминая август

Закат перелился в небес хрусталь,
У августа руки упали устало,
Мне как-то тем летом всего было мало –
И звёзд, и тех ягод с куста...

Я будто не слышала и не вникала,
Когда свой секретик, как прежде,
Мне девочка-Муза в сиротской одежде
Тихонько на ухо шептала,

И верите – нет ли – упрямо и строго,
Хоть я зажимала уши,
И глухо твердила: “Зачем мне, не трогай!” –
Она повторяла – “Слушай...”

*Травинка, выпавшая из венка...
(Суламита)*

Ты, чья кожа пахнет солнцем –
Лучезарная царица
Виноградного владенья,

Опалённая загаром,
Чья рука теребит бусы
Самодельные на шее?

Детской прелестью молочной,
И своим созревшим сердцем –
Ты пленила Соломона...

Обольстительная дива,
Ты, босой своей ногою
Попирающая троны,

Знала – только отдавая,
Не скрывая, пусть всем насмех,
Получаешь ты сторицей.

У любви “на побегушках”
Век не будет Суламита!

Итог

Простуженный ноябрь, такой не
романтичный,
Чихающий дождём, закутав горло в шарф,
Несущий только сплин, а не цветок в
петличке,
Рассказывал мне быль и тяжело дышал.

Он сетовал на мир – что в жизни солнца нету,
Подагра доняла, и грош – всему итог!
И что сыра постель – лучами не согрета,
И злобно комкал вдруг свой носовой платок.

И в этом ноябре, таком не романтичном,
Рассматривая мир из “ложи” своих бед,
Я поняла, что жизнь приравнивать к
привычке –
Быть гостьей неудобной в собственной
судьбе.

Нет названия

Бессловесною невольницей
К сердцу “приковал”,
На прощанье, как покойницу –
В лоб поцеловал,
Мне твоя смешная ласковость
Надрывает грудь,
Понимаю, что напрасно я
Повторяю “Будь”,
Не гляди с обидной строгостью –
Я и так боюсь,
Оттого, что тебя много так –
Захлебнусь – и пусть!

Ирисы

Ирисы – желтые, ирисы – синие,
Нежные, влажные, первоначальные,
Точные линии в солнечном инее,
Желтый – капризный, синий – печальный,
Ирисы – ветреные, ирисы – странные,
Переплетения – детские, страстные,
Свежие, тонкие, смело-беспечные –
Недолговечные, недолговечные...

Их – не подумай трогать руками –
Только – губами,
Только – глазами...

Проговорилась...

Проговорилась я одна, как будто “спяну” –
Как шутовские ордена, считай – изъязыны...
В твою судьбу – глухая дверь –
так манит-манит,
Меж нами безымянный зверь – непониманий.

И – указующим перстом – с седьмого неба –
 Определён всё тот же дом – Адаму с Евой,
 Впотьмах краснела неспроста – звезда над
 нами,
 И сферы, словно поезда, сшибались лбами...

Неумелый заговор

Как ребёнка, мечту – выношу,
 Отлюблю за года – небыти,
 Отобью, отмолю – выпрошу,
 Если есть ты, и где б – не был ты!

Я тебя удивлю – нежностью,
 И меня не держите – без толку,
 Чтоб навеки забыл – преждее,
 Только ты подожди – несколько...

Заблудился ты – эка невидаль,
 Всё равно отыщу – выпрошу,
 Невесомым волос – неводом
 Из обиды, из бед – вытащу!

Белоснежным крахмальным – кружевом
 Заслону ото всех – ужасов,
 Потому, что один – нужен ты,
 Мой потерянный, мой – суженый.

Жмурки

Глаза завязал мне туго,
 Сказал: "И кружись на месте",
 Не ведала я испуга –
 И думала, мы – вместе,
 В затишье – искала звуки,
 Смешно пустоту ловила,
 А рядом – в карманы – руки –
 Смотрел ты, как я "кружила".

Кружилась и вдруг – упала,
 Как будто весь мир качнулся,
 Не видела – но знала –
 Что ты только – усмехнулся,
 Я вдруг угодила в "темень" –
 Кромешному – нет предела,
 И только – иглою в темя –
 Навязчивое – предал.

Руками мокрыми трогал –
 бесстыжий туман-потешник,
 Звала и тебя, и Бога –
 Ответил лишь – пересмешник,
 По-пояс – трава густая,
 Земли чистота – ближе,
 И я на колени встала,
 Устало. А ты стал – ниже.

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

г. Липецк

* * *

...Что он забудет сделать для неё?..
 Помыть посуду?
 Подарить бриллианты?..
 Сменить на башмачки её пуанты?..
 Сорвать с подушки вывеску "Ничё"?..
 ...На разных островах, кругом вода...
 - Ау-у!.. Ты дышишь?..
 - Нет... Просрочен воздух...

- Я... подарю, ты слышишь?!..
 - Поздно... Поздно.
 Уже успели, "щедрые", подать...

* * *

...Я покупаю ткани, как... цветы.
 Мотивы переливисты, азартны,
 Бликуют!.. Драгоценны и каратны,
 Спасают от "дешёвой" суеты...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Пока отрез доносится до дома,
Он обретает имя и сюжет...
Ну, вот, долой проёмы этажей,
И... всё. Неинтересно, незнакомо...
В шкафу темно, без солнечных лучей,
А платья так капризны, так... забыты,
Так неуместны в закоулках быта,
Где свет затих, и луч ничей... ничей.
...Совсем немного ткани пошуршат,
Пытаясь вдохновить на перемены...
Я одеваю робу,
Воздух сжат,
Глаза закрыты,
Мысли бренны, бренны...

* * *

...Я просто не отвечу на звонок.
И, пусть дамоклов меч
Лупцует память,
И, пусть клинок предтеч
Успел изранить...
Я знаю. Есть всему и Бог и срок...

...Так просто не ответить на звонок,
Как жать, где горло,
Как под дых ногами,
Как рвать, где гордо
Шито кружевами...
Не знаю. Есть у времени порог?..

...Не просто. Ни решений, ни... звонка.
Иллюзии –
Продвинутые в средствах,
Мир сузили –
Раздвинули, как в детстве!..
И... деточка,
Как веточка,
Легка...

Ловцы цветов

Тыловишь, не живыми, лепестки...
Соцветия, впустую тратя сочность,
Проигрывают времени на прочность,
Утрачивают запахов манки...

И кажется, что это есть предел,
Что на живое права нет и мочи-
Сомнения, и прочее... и прочее...
...Вот он опять, сухой, прошелестел!..

Со временем всё гуще сухоцвет,
А пыль вжилась и в трещинки и в
спайки...
...Роятся лепестки сухие, стайкой,
И нет цветов и... клумбы тоже нет.

У трёх дорог...

Стихи... Вы перестали объявлять
Привычные для уха, остановки...
Я, слепышом,
Одна, без подготовки,
У трёх дорог, и места не узнать...

Пока мой крест мог в сердце уместиться,
Пока мой хлыст не жёг на теле след,
Я, мотылём,
Карабкалась на свет,
Но, умудрялась жить в тени эрзаца...

...У трёх дорог, не растерять бы пыл,
Не повернуть назад, к кирпичным стенам,
Не в тот проём,
По ложным, мёртвым схемам...
Не перепутать "есть", "казался", "был"...

Пора читать знакомого Булгакова...

...Пора читать знакомого Булгакова...
Он явствует очередной урок
Без эпатажа, но так ярко, знаково,
Канвою между выученных строк...
Слова сверкают свежее огранкою –
Взрослея, ум смакует в строчках толк...
Вновь Маргарита, с ведьминой повадкой,
Нетленно на пол ставит каблучок...
Придирчива к манерному и светскому,
Пожертвовала, предпочла – побег...
...Мистификатор, взяв наивность детскую,
Дарует ключ к загадке – "человек"...

Мальвины дети

...Не родились ещё на свете Барби,
И все дела бросались на "потом",
Нам заменяли ласковые мальвы,
Как стрекозе из басни, стол и дом...

Семья из мальвы – “рАзовые” люди,
 Бутон-головка, шлейф из лепестков...
 “..Цветы не рвите!..” – нас соседки судят,
 Но...как не рвать?.. Принцесс нет без голов...
 Мир умещался в спичечной коробке,
 А жизни измерялись по часам...
 ...Мы звали в гости божию коровку,
 А ей хотелось к деткам. В небеса...

Махровый сорт

...Сирень. Я помню – детское цветенье,
 Там все цветы невиданных сортов...
 ...Я, бабушка с процессией котов,
 Разглядываем, нюхаем в смятенье,
 Мы ищем в гроздьях пятый лепесток,
 И нету грандиознее мгновенья!..
 Лишь в детстве – бесконечен счастьем срок...
 А бабушка сорта припоминала...
 Но, сложен путь сиренью родства,
 И только там, где гуще кружева,
 Она махровым сорт обозначала...
 ...Я до сих пор ищу его черты,
 Как символ дома, детского причала,
 Где двери никогда не заперты...

Тюльпаны

Тюльпанов,
 Хочу тюльпанов!..
 Бабульки стоят, рядком,
 На выходе универсама,
 Торгуют заветным цветком...
 Наивным, отчаянно ярким,
 Как будто в последний раз...
 Но, ценность цветка для подарка
 Сомнительна... Жалок запас
 Лощёности и превосходства...
 Коснёшься – дождём лепестки,
 И стебель – безглавым уродством,
 Смешным воплощеньем тоски...

...Купила бы, денег не жалко,
 Да... что то знакомое в них –
 Таких быстротечно живых,
 Таких кратковременно жарких..

* * *

...Я ищу его отсутствие везде –
 В листопаде, в первоцветах желторотых,
 В пассажирах, по дороге на работу,
 Даже в вилах, что так часто по воде...
 Нет... Здесь листья собирали с красных клёнов,
 Здесь подснежники дышали нам в лицо...
 Где же отыскать, в конце концов,
 Место без фантомов окрылённых?..
 Тихо... Только призраки шуршат,
 А луна, как солнце, в пол-окошка...
 ...Может, это только понарошку,
 Но, мне кажется, что пусто, где... душа

* * *

Я сыта...
 Простота, соблазняющих жизнью,
 полезных метод,
 Отбивает порыв доводить это “чудо” до рта...
 Сомкнут рот...

Я горда,
 Чтобы так проболтаться о жёсткой своей
 наготе,
 О своём нездоровье, о боли, когда
 Сны не те...

...Господа,
 Или выйдите вон, или... как-то останьтесь
 со мной навсегда...

* * *

...Ах, это фальшивое затишье перед бурей –
 Мёртвая царевна с мёртвым яблоком в руках...
 Что то вдруг бабахнет, да со всей
 вселенской дури,
 Бах!.. По одиночеству. По синим жилам...
 Бах!..
 По ресницам выцветшим, по выстраданной
 проседи,
 По лицу, от времени белее полотна,
 По, разъевшей женское, привязке к стуже
 космоса –
 Первоцветом, вербами, травой!.. Жизнь,
 весна...

* * *

...Совсем чужой... И не принадлежал
Ни памятью, ни папертью, ни плетью...
Никто своих детей с ним не рожал,
Не он здесь будет в первый вторник смерти...
Та-а-ак, пассажир, с раздутым вещмешком
Холодным ветром... Взгляд дамасской стали
Причём и... до смешного ни при чём...
...Присели "на дорожку"... Хватит. Встали.

Ночь

Я весны, по-прежнему, хочу...
Только вот не этой, понарошечной,
С дефицитом неба, с солнцем
крошечным...
Не застану – строк наворочу...

Преданно надеюсь на зарю...
Не запрячу руки дням за пазуху,
Не замажу губы клеєм в засуху,
Жизнь за крест не поблагодарю...

...Тонко так поёт за стенкой ночь,
Слуха нет и голос тихий, слабенький...
Злоупотребляю на ночь сладеньким,
Вот и легче... Вот, и память прочь...

Запахи

...В старом ящичке, послевкусиєм,
Тусклым светом пустых пузырьков,

Рядом с жилкой с отколотой
бусиной –
Сложный запах застывших духов...

* * *

...Беснился ветер, хрипом жадных чаек,
И водоросли бились в волнорез!..
Солёный всплеск, невинен и нечаян,
Несмело полз волне наперерез...

...Съедал пространство острый привкус
страсти,
Тяжёлых роз, жасминовых кустов...
Стучал браслет о тонкое запястье
Танцующей мулатки... Ночь цветов.

* * *

...Тсссс... Щелчок. Со свиданием,
Яркий глянец неоновых брызг!..
Отголоски, звонки, расстояния...
Новый запах, предвестьем завис...

Запятая

...Он обронил: "Любить Нельзя Забыть",
Она старела, ставя запятую...
Туда, нет.. не туда.. не то.. Впустую
И время шло и руки стали стыть...
...Потом сдалась, от правды не уйти,
По русскому – похвальный лист, со школы.
Чиркнула после чувства, перед болью,
И... через жизнь, от позднего "прости"...

Женщинам ракового корпуса

...Вот, только... как порог переступить?..
За крепкой дверью – зона ада с раем... Там сейф – огнеупорен, несгораем, хранящий
фитиля основу-нить.

...А, как же, добровольно, в этот сейф?..
А, рядом – полуангелы и зомби, руками машут, синими от тромбов... Чего мне ждать
здесь, слушать?

Что там... смерть?..
...В просторной, чистой комнате – светло. На тумбочках цветы и пачки с соком.
И женщины, больные разным сроком, не могут отдышаться, им... смешно!.. Какой-то
анекдот из прошлой жизни, собрал их вместе на одну кровать... И, ну, смешные байки
вспоминать!.. При чём тут ангиомы с аневризмой...
Та, что у стенки – дочку выдаёт... Хороший парень. Только б... отпустили.

“..Та-а-а, бабоньки, всё чисто?.. Нету пыли?..” – хитрит Сестра, зашла на анекдот...
 “Анюта!.. Твой пришёл!.. Внизу... Скорей.” Платок поправит, блеском тронет губы...
 Муж. До болезни – пил, был “душегубом”... Как подменили!.. Нянчит дочерей...
 ...У каждой – свой порог, как посмотреть... И жизнь, пока не выбрана до крохи,
 Так мАстерски подделывает сроки!..

Я выдохнула... Может – “сказки”, смерть?..

Масть

...Сразу, без упрёка и без страха
 Выдавал и выдавал и выдавал!..
 Речью и распахнутой рубахой –
 КЮзыри, тузы, десяток шквал...
 Взгляды и слова с таки-и-им подтекстом,
 У другой бы, сердце – тигр в броске!..
 Нет. Все эти избранные средства
 Только отдавали дань тоске...
 ...Тот, другой, кто инеем, как манной
 Вскармливал её голодный рот,
 Тот, кто обрабатывал ей раны
 Солью... и шёл, кошкой, в чёрный ход –
 Мастью был краплён призывно странной...
 ...Женщины. Их чёрт не разберёт...

Карандаш. Начало

...Как капризна, больна акварель.
 Есть в фарфоровых бликах тревожно
 неспешная бледность...
 Лёгкость платья... Духов ускользящих,
 беглость.
 След разбавленной пеной волны. Ветер,
 ранящий мел...
 Масло рубит пространство с плеча.
 Безнаказанно, как на показ, выставляя
 границы...
 Обостряя и так ненормально контрастные,
 лица,
 Тонким лезвием шпателя, будто осколком
 меча...
 ...Новый день. И искрящийся холст
 Не нарушит молчания времени, после
 потери...

Карандаш, всем своим начинаниям
 искренне верен.
 Карандаш беспристрастен, и правильно...
 праведно прост...

Колючка

...За то, что не плела тяжёлых кос,
 На детской, обнажённой голове...
 За то, что, если был какой вопрос,
 То, чаще... в середину, вглубь, к себе...
 За то, что был всегда не понят взгляд,
 Который... нет, не в небо, дальше, в суть...
 За то, что всё молчал, когда был рад,
 Боясь, вот это, странное, вспугнуть...
 За то, что вроде... близко, а не здесь.
 За то, что стал огонь привычно стыть...
 ...За эту фантастическую смесь
 Любил!.. Борюсь с привычкой – не любить...

На берегу Соляриса

Малюсенькими краешками крылышек,
 Тонюсенькими кончиками усиков,
 Я пробую случайный мелкий сколышек
 Энергии от сумерек до Сумраков*...
 Чуть больше – проберёт до самых косточек,
 Давлением земного притяжения.
 С хронической привычкой осторожничать,
 Я выживаю, жертвой ощущения...
 ...В кунсткамере с усиленными стёклами,
 В пространстве, начинённом Баха фугами,
 Я разговариваю с выцветшими мёртвыми,
 Чтобы хотеть живым помочь, с испугами...

НАТАЛИ РИВАРА

г. Москва

*И будут капельки дождя
горчить...*

И будут капельки дождя горчить,
скамейки в парке стенами казаться...
Мы понимаем, нас – не разлучить,
Но как, когда и где нам повстречаться?

Пускай сердца свой обретут покой,
Поверят! С Верой – лучше не играть,
Ни в прятки, ни в особый тот настрой,
Что властной страстью может в нас
взорваться,
Испепелить, исчёркать встреч порыв
И отдалить, не дав нам разобраться...
Я жду и верю, что любовь – прорыв
В судьбе – особой: жизни не бояться!

* * *

Самое одинокое на свете -
Это солнце!
Отдаёт... Ничего себе не желая:
До того безрассудно,
что не знает и края.
Не умеет, не может
остановиться:
Оно – не делится,
Оно – не скупится,
Засыпает дарАми!
И сколько б его не заслоняли
Ветров – тучи-тени,
Посланники катаклизмов,
испарений,
Оно проходит препятствия
Лучами-снопами
И рассеивает все тучи
В их жадном горе-угаре.
Но так велик его дар –
делиться,
Что никто не может

К нему приблизиться:
Все сгорают в сиянии жара,
На мгновения уподобляясь ему,
Становясь – объектом пожара!
Так и царит на небосводе!
А когда заходит за горизонты,
Всё без него так горюет,
Что темнеет, опустошается будто.
И ночь непроглядная
Свой срок дрожит от страха,
Вот не хватает у неё
Своего запаха – концентрата.
Так и есть!
И рассекают ночь
Лучи восходящие
и не остаётся по ней памяти:
Только солнце во всей красоте сияющее!

Минута Анны Карениной...

Паровоз,
надвигаясь парАми,
шумом – пы́хал и шИкал – всем
перед станцией,
пусть замедля скорость,
не отрешал страстей
Анны,
стоящей у края
и молящей: "Скорей! Пощади!
Не оставь мне сомнений –
в правильности! Жизнь забери!
Не в угоду злющему люду,
осуждающему меня,
оттого, что решила, Вронский,
открыто любить тебя...
Не оттого,
что жалею
о спокойном прошлом... Нет!
А о том,
как любовь в тебе
остыла от бед,
хоть пожертвовала я всем!

Не пускают! Не могут!
 Не любят!
 Лгут! Завидуют и грозят!
 Я всего-то хотела – чуда,
 рассыпь роз и любви – сад!
 Получила я всё, что хотела...
 Но неАдолго! Не до конца!
 Потому – не сумела
 “честной” быть, дойти до венца!
 И стою я сейчас у края,
 и в прогалы вагонов гляжу...
 Нет вопросов больше к жизни:
 без обожания, без любви
 жить не хочу!
 Не могу! Не хочу! И не буду!
 Так сильна моя страсть...
 Миг! И я – ринусь!
 Я-БОЛЬШЕ-НЕ БУДУ!
 Не зови!
 Кончилась для меня твоя власть!”

Тень наряда –
 в прогал нырнула-порхнула.
 Под колёсами хруст,
 паровоз – на секунды –
 дёрнулся –
 вот те крест –
 и ударил по тормозам,
 зашипели ещё шибче пары...
 Не смотри!
 И ни крика, ни всхлипа больше.
 Тело?
 Ещё не остыло!
 Но оно теперь – без Души!

Улыбка Моны Лизы

Так улыбаются – цену постигшие –
 силою внутренней – так взбодрённые!
 Так улыбаются – любить умеющие,
 неотреченно – понимающе!
 Одномоментно – отдать всё могущие...
 И снова начать... без страдания...
 Так улыбаются – любящие и влюблённые...
 Времени тайны все разгадавшие!

Аромат Разговора

Скажи!
 Когда-нибудь ты впивал
 аромат разговора?
 Таинственных слов возникающий ряд?..

И Ликованье! Как Взора!
 Коротких глотков
 междусмысленно... и вздох!
 И капель печальных раздора?
 А если согласием дышит настрой
 наших душ устремленных,
 откуда тогда такой непокой
 в нотах зовущих?
 Смешливых мгновений летучий ряд –
 как птиц возвышенье!
 И тут же притихший, поникший враз
 тон веселенья...
 Все токи и искры, и сполохи слов
 летящих, снующих
 усилены запахом - состоянием –
 душ расцветающих!
 Душ цветущих – Весной и Надеждой –
 в сияньи Любви недоступной!
 Где встречи воочью – предвидятся!
 А мы так вот рады сейчас
 предоставленному случаю!
 Красивой Амфоры мягкий овал,
 как речь до ночи текущая...
 В Амфоре – аромат и стон –
 разговора – душ разлученных!
 Созвучья запомним! И сохраним!
 Закроем надёжной пробкою.
 До тех времён,
 когда вместе всё отворим...
 И надышимся всласть
 этих моментов
 мечтой заполученною!

Про море?

Море разлитое
 Море осиянное
 Глубиной тягучей
 Как правило – цвета тучи
 В солнечных разбегах
 Ветра потехах.
 К берегу пологому –
 шёлковыми всплесками...
 К берегу крутому –
 подобострастной волною
 лижет, убажует,
 берег принижает...
 Море солнца свет вбирает,
 бликами вспеняет
 Барашками игривыми
 Воли вод волнуемость
 всемогущую, великую.

Бессонница моя!

Бессонница – блаженство – ночью
послушать тишь у тишины!
И без помехи – но воочью –
штрихи тончайшие слышны...

Талантов звуки зазывные,
мешающие так мне жить:
пульсирующие... живые –
от них свободно не быть!

Теперь ещё и слов рожденье;
моделей ворох! Как мне стать
всесильной – это нетерпенье
из мысли легкой воплощать?

А столько дружб возникших рядом!
Так много интереса вдруг!
Мой друг, бессонница, обрядом
высвечивай неизвестного испуг!

И я с тобой уже смирилась!
Таблеток глупости – не пью!
Приди! Смотри! Ты Удивилась?
Одна с тобой всю ночь не сплю!

А диалога вовсе нет

Уже упали на ладони
признаний искренних черты.
Там нашей нежности каноны,
тобой они утверждены.

И нет неясностей меж нами.
А диалога вовсе нет.
Мы – мыслями на расстоянье –
даём любви своей обет.

Наш диалог!

Дорогой Господин!
В молчании
происходит... наш диалог!
Я к тебе – с озвучанием
мыслей и строк!
Дорогой Господин,
в устремлении
моих надежд и любви

меня не покидают
сомнения:
“Ты по-прежнему один?”
Дорогой господин!
Ответом –
ну, побалуй меня!
Награди лучиком света
нового счастливого дня.
Укроти во мне:
боль ползучую –
заглатывает жизнь она,
как змея;
удивление неминуемое;
желание видеть тебя.
Дорогой Господин!
Ни единожды не солгав,
ты отворачиваешься,
чтобы не обжечься
об меня.
Дорогой Господин!
Вершитель снов моих
и судьбы,
отзовись, откликнись,
хоть пальчиком пошевели.
Живая и задорная –
таких – не было возле тебя –
разговорчивая в меру, упорная.
Погляди – на меня!
Господин дорогой!
Четвертой или милуй...
Но не молчи...
За тебя... вокруг меня –
день и ночь –
вся тишина... кричит...

*Посвящение Чарли Чаплину
в день его рождения*

*Великий Чарли Чаплин
(16 апреля 1889 - 25 декабря 1977)*

Чарли Чаплина беда
что был образ – хоть куда!
Въелся! Вгрызся!
Поселился!
И внедрил – навсегда!
Узнаваем и любим!
ОН такой – всегда – ОДИН!
Всех пропорций одеянье –
с ростом, цветом –
мерой сил –

ОН надеждою соединил:
котелок, ботинки, трость...
ОН везде, повсюду, – ГОСТЬ!
Всех поклонников виденье –
так ТЕБЯ всегда хранил...
Эксцентричность. Подношенья.
Неожиданность паденья,
подзатыльников раздача
и “пирожных в морду” сдача...
Но одно проникновенье
и всех ФИЛЬМОВ – завершенья,
философия ошибки,
одиночество улыбки
добрых полных смеха глаз,
закрывающих от нас,
боль незавершенного
или не свершенного,
и дороги перспектива...
Уходил всегда ТЫ мило:
и игриво, и красиво,
будто даже
по-английски...
На Американской перспективе
Киностудий
был прогресс:
без эксцесса – нет успеха!
Пожелаем ВАМ в веках
расставаться так: “ПОКА!”

Другой порыв

Как будто небо изменило цвету:
и вместо выси голубой –
размыло акварелью света –
в оттенки серости сырой...
Бегут-несут потоком ветра
всклопоченные в пену облака;
и черноточинками ночи
проглядывают пятна для дождя...
В такое время мысль одна тревожит:
нельзя прилюдно память доставать!
Всё то, что злое, прожитое,
что жизнь поворотило вспять...
Другой порыв настигнет всё бывшее,
разгонит туч припрятанный мотив,
И возвратит: и небо голубое
и впечатлений новых взрыв!

Дверь судьбы

В Триединство Царства Муки
“Ждать”, “Не Знать” и “Догонять”

Мы попали от Разлуки:
Дверь Судьбы с Петель
не Снять...

Приоткрыть её, быть может,
Мы чуть-чуть уже смогли...
И тоска пока не гложет.
Нежностью своей полны.

Телефон – наш Друг – спасенье,
Ухом мы прильнем к тебе:
Каждый День, как Воскресение!
Мысль и Тон – Наедине!

Руки нежно трубку держат.
Ухом слышим сердца стук.
Расстоянием повержен
Одиночества угрюмый звук.

Но не знали Мы - С Начала
Будем Жизнью Дорожить!
Дней у Нас ещё Немало...
Просим Зло – повременить!

Наберемся Мы Терпенья –
Вместе с трепетом минут
Все Судьбы хитросплетенья
Сами нас оставят вдрук.

Мы почувствуем Свободу!
Счастье – вот Мечта – Вдвоем –
сложим новую мы “Оду”
И Друг Друга обретем!

Дверь Судьба сама откроет...
Ей захочется вполне
Ознакомить нас с тем Раем –
Ждущим Здесь Нас – на Земле!

Дождь

Стальные струи летнего дождя
с землей сойдясь, рождают звуки...
Из туч серебряных вода лилась
с сознанием бесконечности тягучей.
Понес поток оркестр певучих строк,
что приосанившись, нестрога,
многоголосым бушевал созвучьем нот –
длиннот пузырчатый тянувшимся к порогу.
И с дразги взбитой пыли – сбита спесь:
теперь не скоро с ветром взмоют в воздух –
нас обнадёживает дождика поток –

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

он сам себя остановить не сможет!
Он смое! Иль ненадолго покрое!

И унесет, отхлынувши, вода,
следы больные, грязные, чужие...
И освежив асфальт, – позволит вновь –
протОренную сделать всю дорогу!

И если тот асфальт – не та дорога в жизнь,
которою душа проходит понемногу,
то благодарностью останется во мне
воспоминание о дожде,
шутя проделавшем свою нелегкую работу!

Капельки жемчугов

Я люблю тебя!
Но мне хочется,
чтоб об этом
ты просто знал!
И твоё одиночество
не зазналось
от слов и похвал.
Я рассыпала капельки,
оброненных походя,
жемчугов:
они ведь, непрошенными,
неспрошенными
ворвались к тебе под Кровь.
Они ласково приютили
все посылы мыслей твоих
и не замутили – святые! –
ни родники, ни силу
притязаний своих...
Но не хочется
им оставаться изгоями:
неподкупны они!
Ни зги впереди им не видно,
и нет им покоя –
от одиночества и красоты:
огорошены постоянным молчанием,
закУпоренным твоим;
и не знают – можно ли утверждать им
отчаянно или нечаянно –
что надежду – свою – творим!
Но – как бы там ни было,
без разрешения и неосторожно так,
берегут лишь мечту свою,
чтоб не разрушил
печалью
природы ветряк.

Сердцем - зорче!

Жёлтою луна бывает редко
и огромной – низко над Землей.
Если видишь – глаз нацелен метко,
сердцем – зорче! Горести любой
отступает непонятный привкус,
если веришь – вот ещё чуть-чуть:
музыки в объятьях – дивный искус –
как надежды лучик... Вот и путь!

Посвящение Анне Ахматовой (1 из триптиха об Анне Ахматовой)

Подвал Памяти

А. Ахматова

Дано тебе запеть те песни...
Тебе, кто в жизни так страдал
(болел и ждал, терпел, терял):
как с винограда полной кисти
потоком близким опадал.

А в предрекании успеха
отметить чёрное крыло,
которое – потухшим смехом –
с тобою следовать должно.

Своим неУмолчным твореньям –
так явно видевшей стезю –
пройдёшь достойнейшей вещуньей,
не опустив свою главу.

Под чёрным саваном подвала
всю память снежно сохранив,
ты щедро в жизнь любовь кидала,
врачуя всех: родных, чужих.

Когда вчиталась в твои строки,
впервые ощутив родство...
Я поняла, как одиноки
сердца, творящие добро!

Любовно прикасаясь к строчкам,
в каких увидела тебя,
я не склоняюсь, – на носочки
приподнимусь, тебя храня.

И зная всё пережитое,
сочувствие тебе дарю.
Учусь! Стихи читая снова,
глаза от строк не отведу...

*К Анне Ахматовой!**(2 из триптиха об Анне Ахматовой)*

Мы знаем и мы изучали
по дням, минутам шаг и след.
Но сколько б мы ни приникали –
один убийственный ответ:

не может женщина с дарАми
от Господа свою судьбу
марать ничтожными делами!
Лишь сохранив свою мечту,

в той позе неги и стремлений,
которыми горит душа.
А дань? – она в стихотворении:
ты подкрепляла, не дыша.

Ты всё могла проклясть за ужас,
когда не скрыться, замерев;
со всех сторон орали в уши,
надеясь, ты умрёшь, не спев.

Но словом ты остановила
и мракобесья бред и тлен;
и палачам не предложила
торжествовать победы плен.

Легко! – не видно ведь за позой
или спокойствием лица, –
какие одолела грозы,
ходя по хаткам, не спеша.

Архивы жгла, теряла прозу –
воспоминания тех лет –
когда дорогу устлала розы
и был открыт путь в Высший Свет.

Подруги сохраняли в тайне
стихов твоих бесследный дым;
их были велики желанья
не дать пропасть стихам твоим.

Сейчас, благословляя время,
не давшее тебе уйти
без осознанья, что Творенья
всё ж смогут в каждый дом войти!

Все жертвы, боль и одоленья
остались в памяти людской...
Ты ими учишь нас презренью
к обидам, пошлости. Покой?!

Нашла успокоенье...
И, провожаема слезой, –
не подлежит душа забвенью!
Ни мысль, ни слово!
Бог – с Тобой!

*Анна и Два Геня**(3 из триптиха об Анне Ахматовой)*

Россиянка! Иностранка!
А Париж хранит тебя!
Твоя молодость – вне страха!
Чувствами обожжена!

Явных нет отличий! Право
выбрать и решить самой...
Модильяни с Николаем?
Кому стать тогда женой?

Здесь – художник, там – художник...
Не разнятся их слова...
Знаешь языки... И что же?
Выбирать душа могла.

Легкой тенью, мостовую
Модильяни проходил...
“Н” – печатною строкою
уже душу оживил.

А стихи: Верлен, Лафарг,
Малларме и ты сама,
Модильяни, Николай!
Какой пир – как каравай,

хлеб для Духа и Души.
Ты постой, ты не спеши...
Ты прислушайся в тиши...
И сама себе скажи:

“С кем ты хочешь жизнь прожить?”
Будущее – ворожит:
Николаю – ты женой!
Модильяни – Музой Той!

Он по памяти напишет
чУдных линий нежный взмах.
В них – судьбу твою предвидит –
одиночество впотъмах...

Он шестнадцать подарил.
Выжил – только лишь один:

в самокрутках в Петрограде
те пятнадцать стоят в дым.

И исчезнут те подарки...
Но они опорой яркой
согревают, – аж до жил:
он ведь чувство в них вложил!

Память – верная порука!
Всё душа снести смогла...
И разлуку. Гибель Друга.
Наваждений череда!

Всех живых и мертвых даже, –
чаровница! Без числа
их любовь и поклоненье
жизнь твою потом спасла...

Не погибли бы Архивы...
Было б видно, – вся любовь
их наполняла силой;
сохраняла от оков!

Модильяни с Николаем,
милых гениев чета. –
гибель ранняя! Но Анна!
Ты – хранительница – Муза – Та!

Ну, осчастливь... однажды!

Колечками задора
клубится разговор:
и всё по уговору
одной из двух сторон.

Не озвучаньем сильным,
а тайной наших рук.
Мелодиям умильным
внимаем. Этот звук...

Он сердце наполняет
работой. Непокой?
Без слов он нам вещает:
мотив сердец иной.

Неясности шуршащей
и не дающей спать:
“Как сделать говорящим
невидимый наш взгляд?”

И если между нами
маршруты и следы –
не значит – ждём цунами.
Не будет и беды.

И непохоже вовсе
на всё, что было раньше.
И мы теперь всеильны.
Ну, осчастливь... Однажды!

ЕВА ТАЛАЯ

г. Харьков

Суть важных слов

Вольный стих, Душа слагает строки,
Память преподносит снова чудеса,
И наше время срывает сроки,
Все те сроки, что пророчат небеса.

И суть важных слов мы понимаем,
Хоть к фальши нас все учат привыкать,

Неверия храм мы покидаем,
Чтобы жизни круг собою замыкать.

За мудростью уже не к небесам,
А просто черпаем с потока,
Оставим предрассудки гордецам,
Нам жизнь дана из вечного истока.

Я знаю, я пришла сюда не зря,
И вы не зря прочли все эти строки,

Смотрите... Мир... и новая заря...
И пройден путь, усвоены уроки.

И за мудростью идем к Душе,
Ей внятн стих вселенского потока,
И сказано все важное уже,
И важному научены пророком!

Святой Землей, уже цветут сады,
Мы воскрешаемся от зимней спячки,
И нам последние деньки даны,
Понять излечить Души болячки!

Настанет миг...
и твой ответ сложится.
Ты Храм воздвиг?
И смог ли совестью гордиться?

(03.05.11)

В жасминовом цвети

Спускаясь в сумрак ночи,
Вверяя снам свои мечты,
Ну, что же ты мне напорожил,
Именем какой назвал звезды?

Весной благоухает сад,
В ночи нас призывает,
Обещает прелестей усад,
Любви нектаром наполняет!

Если бы только мы могли,
В саду найти друг друга!
Но услышать мне твои шаги,
Судьба не позволяет строго...

Спускаюсь в сумрак ночи,
Жду, в жасминовом цвети.
И образ твой дороже прочих,
Жди и ты... я к тебе приду.

Я обещаю...
Обещаю...
Цветет жасмин...
И я мечтаю...
Цветок жасмина...
Востока сладость...
Вот ночь разлита...
Жди... моя радость...

05.05.11

За любовь ты не проси прощенья

Теперь я помню,
Я не забыла...
Как трудно камню -
Знать все что было!

За любовь ты не проси прощенья,
Тебя не в силах упрекнуть,
У судьбы не легкое решенье,
И прошедших дней нельзя вернуть.

Как не вернуть моих горячих слез,
Что согревали холод ночи,
И орошали пески моих грез,
Меня грусть на день короче...

Как не унять озноб моей души,
Что днем под солнцем замерзая,
Ждала, надеясь, что вернешься ты,
Но день и ночь уходят... тая...

Так променяла свои дни тоске,
Ей, уступив и жизни пламя,
Затухло... погребено в песке,
Прошло... забыто даже имя...

Ты не проси прощенья за любовь,
Я знаю, ты мое знаменье,
Живу, и долог день теперь любой!
Исполнено предназначенье!!!

И бусы те, что ты мне подарил,
Я порвала, отдав пустыне,
И мне собрать их не хватило сил,
Нас нет... А бусы там и ныне...

В ДЕЛАХ ВЕЛИКИХ -
ЛЮБОВЬ СЕБЯ ЯВИЛА.
ВЕЛИКОЕ ДАЛА -
БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА!

13.05.11

Королек, птичка певчая...

Уронило сердце уголек,
От потухшего внутри пожара.
И словно птичке Королек,
Вонзился в сердце шип, как жало!

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Не уныло плачет и поет,
Спасать себя, увы, не смеет,
У смелой птички Королек
В последний раз и песня греет!

И пусть поет в последний раз,
И песни этой нет прекрасней!
Колючие шипы у роз,
И в этом сила розы красной!

Зажжется в сердце огонек,
Любви - источник бесконечный,
И малой птичке Королек,
Добавит жара в ритм сердечный!

14.05.11

И грех... и жизнь... и чудеса...

И грех... и жизнь... и чудеса...
Мир уходит к праистокам,
Над нами те же небеса,
Что освещали путь пророкам.

Увоен алчности урок,
И тихо догорают свечи,
И храмы нынче на замок
Закрыты, под покровом ночи...

И звезды наши, дом родной,
Для нас свет жизни посылают,
И совесть жметя на покой,
К Душе, и с ней страдают...

Не слышно шелестит перо,
На крыльях Ангела родного,
Но за окном серым-серо,
И серых ангелов там много!

А руки просят ремесло,
Далекий путь зовет... дороги...
Потоком стольких унесло,
Достаточно давать зарюки!

За шансом грех не постоять,
И все любить на этом свете,
И всех душой своей обнять,
Родит Земля, родятся дети!!!

И грех... и жизнь... и чудеса...
И вольный стих всего потока,
Наполнит ветром паруса -
Уж заждалась тебя Итака!!!

19.05.11

Ворон... Ангел...

Реальность...
Где черный ворон тербит крыло...
Фатальность...
Густым туманом все заволочло...
Ментальность...
Свое все растерял давным-давно...
Случайность...
И вот, света луч в твоё окно...

Слеза...
немая, на плохо выбритой щеке,
Мольба...
и слабо терпкий вкус в твоём вине,
Судьба...
прочь прогоняет ворона к реке...
Душа...
соль, растворенная в мужской слезе.

Не жди...
когда совсем не будет слез молчать.
Гони...
и воронью ты не позволяй кричать,
Верни...
к душе своей способность воскрешать,
Пойми...
уж лучше жить, чем тихо исчезать.

Слеза... немая, на плохо выбритой щеке,
И шепот Ангела... "Спаси... Как страшно мне".

...Придумай для меня иную суть,
Позволь назад тебя вернуть...

23.05.11

Летний дождь!

Сегодня летний дождь по крышам капал,
И, шлепая по лужам, танцевал,
Роняя капли, он от счастья плакал,
И отраженье неба ревновал!

Заглядывал под зонтики игриво,
Прохладой страстно щеки целовал,
Кто без зонта все прячутся учтиво,
Хоть хулиган и их зачаровал.

Капли, гром, и блещет молния, ручьи,
Разыгрался летний заводила!

Струны пригодились – солнышка лучи,
Радуга для счастья озарила!

И солнце с ним на пару Ча-Ча-Ча,
Рубаху в танце промочило,
И вновь сквозь тучи светит сгоряча,
Вот басы у грома притушило.

По лужам дети припустили стрекача,
Мамины слова они забыли.
Промоклость ног страшна ли с горяча?
Юные сердца забыть решили!

А летний дождь к прохожим приставал,
И свежестью спешил в квартиры,
К палитре летних красок добавлял,
И в Душах рисовал картины!

О, этот летний дождь моя награда!
Душу промочив, к тебе иду.
Лей поливай, жалеть меня не надо,
Я счастлива, что есть, и что живу!

...Сегодня я уж испытала счастье,
Под эту музыку дождя.
Разучилась горевать в ненастье!
Я счастье нахожу любя!..

25.05.11

В моих глазах!

Блеск моих глаз и вдохновенье,
Ты сам не знаешь, что тебя манит.
Так знай, во взгляде пробужденье,
В них сердце Мира, а не магнит.

04.06.11

И ты понять себя не сможешь.
Да и возможно ли понять меня?
Тысяч ночей, без сна положишь,
Что б дать ответ и оправдать себя.

Мои глаза – миров явленье,
И в них все подчинено ЛЮБВИ,
Надежде, свято пробужденье,
Добру и вере, ты это пойми!

В МОИХ ГЛАЗАХ

Любовь – надежды все твои...
Ты растворился,
Чтобы себя вновь обрести!

(27.05.11)

Две буквы, между плюс, равно Любовь...

Нечаянно цветы собрало лето,
И сад пышнеет скромной красотой,
Умчались, словно потерялись где-то,
Часы, минуты – пронеслись гурьбой.

И солнце улыбается сквозь ветки,
Пеной в небе тают облака,
На дереве взрослеют наши метки,
Любовь всегда! На целые века!

Две буквы, между плюс, и равно Любовь,
Беззаветные были денёчки!
И нам хочется вернуться туда вновь,
Да только время уже ставит точки!

И та девчонка, с русою косой,
Спешит к другому на свиданье,
Мои свиданья уже в жизни той,
Шрамом на коре напоминанье...

Вот с осени махнуть бы в лето!
А летом обольстить бы мне весну!
Мне найти бы счастье в Мире где-то,
И подарить ему свою мечту!

А счастье здесь, сейчас с тобою,
И только здесь Любовь жива!
Не стоит жить с тоской былою,
Любовь всегда с тобой была!

Подари

Давай поверим в нужные слова...
Давай в Любовь поверим, в созиданье...
Поверим в то, что нам приносят облака,
И вновь уносят, на большие расстояния!

Подари мне что-нибудь своё,
Подари мне что-нибудь такое,
Чтобы даже имя мне твоё,
Счастье даровало неземное!

Подари желание любить,
И душе желание стремиться,
Подари желание мне жить,
И слезою счастья раствориться!

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Подари мне то, что я ждала,
В небеса смотря с мольбою,
И тебе до капли отдала,
Не смирившись со своей судьбою.

Подари мне то, что не отнять,
То, что не забрало бы забвенье,
То, что может боль мою унять,
Даровать для сердца утешенье!

Подари мне что-нибудь своё,
Я не назову это словами,
Подари, и забери моё,
Все, что я дарю тебе стихами.

Подари мне...
подари мне что-нибудь...
своё!

10.06.11

Рассветная заря

Я знаю, что в рассветную зарю,
Луч солнышка тебе лишь подарю,
И на закате вечером согрею,
Печаль любую отвести сумею.
Ты должен знать, что все на этом свете,

Даровано Любовью на рассвете.
С рождением дня, рождается Любовь,
И с каждым днем так, вновь и вновь.

Каждый день с рассвета до заката,
За Жизнь – Любовь, одна лишь только плата!
Любовь, в которой только свет звезды,
Той, что озаряет мир твоей мечты.
Любовь, которая с собой звала,
Та, которая давала и брала!
Любовь, что не сомкнула глаз в ночи,
Ведь рассвет сильнее пламенем свечи!

Ты научись терять и находить,
Ты научись прийти и уходить,
Когда с Любовью сможешь день начать,
С Любовью же свой день и завершать!
Я знаю, что в рассветную зарю,
Что потеряла, я снова обрету!
И тебя уже никак не потерять.
Солнце не заставить больше не сиять!

И в этой жизни буду я твоя,
Пока со мной жива мечта моя.
И ты в рассветную свою зарю,
Конечно, будешь знать – Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

21.06.11

Ева Талая

ДОЧЬ ЭЛИТЫ

(роман)

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

* * *

В зале совещаний шли бурные дебаты. Депутаты горсовета не могли прийти к единому мнению и громко спорили друг с другом. Анатолий Викторович устало вытер со лба проступивший пот и постучал ручкой по столу.

— Товарищи, тише, прошу спокойствия! — он налил себе стакан минералки и залпом выпил, потом продолжил. — Городские фонды не безразмерны, и я понимаю, что найти оптимальный вариант распределения очень трудно. Я предлагаю перенести этот вопрос на неделю, в комиссии горсовета продолжить работу над поправками, в конце недели заслушаем отчет и новую редакцию документа.

Зал снова наполнился шумом.

— Ну и жара сегодня, — шепотом сказал соседу Анатолий Викторович. — На рыбалку бы!

Кондиционеры не справлялись с жарой, остудить большой зал и всех разгоряченных в нем не хватало мощности. Заседание объявили закрытым. И все разошлись по своим кабинетам, спасаясь от полуденной жары.

Это лето выдалось особенно жарким и невыносимо душным, в городе жара ощущалась сильнее. Солнце плавало асфальт, а Анатолий Викторович смотрел из окна своего кабинета на площадь, где горожане суетились каждый по своему делу, и улыбался. Его забавляла эта суета, люди сновали как муравьи, под тяжестью своих ежедневных забот, а ему была доверена забота о них. Эти самые люди год назад выбрали его мэром города, а теперь ругают за все беды в их жизни. Как будто, в этом виноват кто-то кроме них!

Зазвонил селекторный аппарат:

— Да, слушаю.

— Вам звонит дочь, — сообщила секретарь.

Он нажал на кнопку:

— Папа я не могу к тебе дозвониться! — без приветствия начала дочь, — у меня неприятности, я снова разбила машину!

— Что опять с тобой стряслось, ты цела?

- Ничего не случилось, я въехала в стоящий впереди мерс, он затормозил у меня прямо перед носом!
- Ты где сейчас?
- На штрафной площадке, где же еще!
- Езжай домой к матери, я все улажу. Я найму тебе водителя, пока ты еще не убила себя, ты абсолютно не умеешь водить!
- Спасибо папочка! — ласково сказала дочка.
- Чиновник отключил связь и устало сел в кресло. Набрал номер ГАИ, стал улаживать новую проблему.
- Карина, — позвал секретаршу после того как распорядился решить проблему.
- Вошла молоденькая девушка, приятной наружности, симпатичное личико, длинные черные волосы покрывали плечи, в то время как ее одежда почти ничего не скрывала.
- Вызовите машину, экономистов завтра с утра ко мне, и приготовьте конференц-зал.
- Хорошо, это все? — покорно спросила секретарь.
- На сегодня все. Все приемы — завтра после совещания.

День прошел в заботах. Вечером глава семьи был доставлен домой, отпуская водителя, он с сожалением посмотрел на разбитое авто дочери, стоявшее возле гаража:

- Василий, подыщи мне достойного паренька, мне нужен водитель для дочки. Она абсолютно не умеет ездить, боюсь, что рано или поздно это плохо кончится.
- У меня есть один паренек на примете, профессионал, был в спецназе, хороший кадр, проверенный, — ответил водитель.
- Приведи его завтра ко мне утром.
- Нет проблем, как скажете.

Анатолий Викторович вошел в дом, его никто не вышел встречать. Дом, его гордость, его крепость — двухэтажный особняк в пригороде, обнесенная полутораметровым забором крепость, с охраной, подземным гаражом и бассейном на задворках. Убранство дома — как в лучших домах Европы. В конце концов, все это он делал для своей семьи!

Устало снял с плеч пиджак, и словно полетчало, снять галстук было еще приятнее, дома можно и расслабиться. По шикарной лестнице к нему на встречу спускалась дочь:

- Пап ты уже дома, класс!
- Да родная, я дома, как тут все?
- Все окей! Спасибо папуль, что забрал мою развалюху, — сказала дочь, обнимая отца.
- А ничего, что эта развалюха куплена месяц назад с «нуля»? — удивленно спросил отец.

В свои двадцать два года Иннеса вела себя с отцом как маленькая девочка, отец любил и баловал ее. Не стесняясь, она расцеловала отца в обе щеки:

- Он чуть не убил меня! — стала жаловаться Иннес, не давая отцу первому начать ее ругать.
- Иннес, когда ты перестанешь вести себя так легкомысленно? Ты не исправима, это уже третья машина!

— Я легкомысленна? А что ты хочешь видеть меня матроной в синих чулках? — возмутилась дочь.

Отец улыбнулся. Его гордость, длинноногая красавица дочка, открытый и непосредственный человек, он обожал ее, как и любой родитель свое дитя. Заводная девчушка превратилась в своенравную девушку с характером, конечно, она не блистала красотой, но-по-своему, была интересна и обаятельна. Совсем не похожая на мать. Как мать не пыталась обучить ее женским хитростям, Иннес не тратила время на переодевания и косметику. Сама естественность, вечно в кроссовках, джинсах и футболках. Непослушные каштановые волосы, собраны всегда в пучок, без челки. Но выгодно подчеркивались ее огромные серо-голубые глаза. Эту девочку не беспокоило, что скажут о ней люди, ее открытость странным образом уживалась со сложным характером пацанки. Да и как можно прожить ныне без характера, ведь стало модным среди молодежи, самоутверждаться.

— Завтра я поговорю с твоим будущим водителем.

— Папуль, спасибо! — запрыгала от радости Иннес, — только я тебя прошу: не бери ворчливого старикашку, как твой дядя Вася.

— Хорошо, я уберегу ни в чем не повинного старикашку от сердечного удара, — пошутил отец.

Дочь горячо обняла отца, и они вместе вошли в гостиную.

Позже вернулась хозяйка дома. Нетрудно догадаться в каком настроении вернулась мать Иннесы, видя во дворе дома разбитое авто дочери. Иннеса поспешила встретить маму в гостиной и, с виноватым видом, поздоровалась:

— Приветик, мам! — нежно целуя маму, она уже ожидала строгий вопрос матери.

— Ну и что, снова? Я больше не хочу видеть тебя за рулем! И никаких возражений! — строго заключила мать.

— Мам, ну почему ты сразу так? Я же только учусь.

— Знаешь, дорогая моя, мне нужна здоровая дочь и спокойная жизнь! В третий раз, это уже слишком! Когда ты уже станешь серьезной леди?

— Знаю, знаю, мамуль, ну, не начинай опять мне внушать, что я должна делать как должно и как нужно, карьера, семья и все подобное. Я понимаю, и думаю над этим всем. Но в жизни же есть и недолжные направления, в которых люди тоже чувствуют себя счастливыми.

— Это, например, в каких направлениях можно еще быть счастливыми?

— Напрасно и бездарно прожигая жизнь? — не дожидаясь ответа, сказала Светлана Игоревна, мама Инессы.

— Вот спасибо тебе, мама! Конечно, я бездарность и полный отстой, — обиделась дочь.

— Я этого не говорила!

— А что же ты сказала? Каждый раз, как я делаю что-то не так, твой мир рушится, а мой, по-твоему, должен просто исчезнуть, — с явной досадой Иннес направилась прочь из комнаты. — Я пойду в тренажерку спущу пар, покачаю мышцы, раз уж мозгов у меня, по-твоему, все равно нет!

— Анатолий! Ты слышал? — возмущенно спросила супруга Светлана.

— Света, — обратился только что вошедший в комнату отец семейства, — я все уже уладил, не волнуйся, завтра я нанимаю Инне водителя.

— Это не решит всех наших проблем. В ее возрасте девушки ведут себя как подобает...

— Света, не начинай! Ты знаешь, я не люблю всех этих разговоров. В ее возрасте становятся матерями и, между прочим, половина молодежи ее возраста становятся пьяницами и наркоманами!

— Толя, ну что ты говоришь?! — возмутилась Светлана. И окончив разговор на эту тему, стала интересоваться у супруга, как прошел его день.

Обычно Инна была послушной дочерью своим родителям, но при всем уважении к матери большее предпочтение отдавала отцу, впрочем, и он ее баловал. И, как водится в подобных ситуациях, родители частенько вздорили между собой по поводу воспитания своего ребенка. К двадцати двум годам трения на эту тему приобретали обвинительный характер, и упреки в неправильности методов звучали все чаще. Мать со всей своей материнской нежностью любила свою дочь, и возлагала на нее большие надежды, отец же никогда не пытался реализовать в дочери свои амбиции. Тем более, что не позволял своей любимице испытывать нужду хоть в чем-либо, любой каприз, любая просьба или прихоть неукоснительно исполнялась. В какой-то момент материнское влияние перестало быть главным, и любимая девочка стала строптиво реагировать на любую строгость матери. Светлана Игоревна очень умная и образованная женщина, мудрая и по характеру строгая, с трудом пыталась создавать хоть какое-то подобие гармонии в семье, и наладить контакт с дочерью. Светлана относилась к тем женщинам, которых всегда хочется назвать на Вы — элегантная, представительная, она была достойной супругой своего мужа политика, и в своем кругу была уважаема всеми. Ее изящество и грация удивляли своей естественностью, прирожденная леди, ей абсолютно не стоило труда быть для друзей и недругов эталоном женственности, изящества и мудрости. Но всему этому ей никак не удавалось научить свою дочь. Иннеса отвергала всякие попытки сделать из нее светскую львицу. Она была открыта и прямолинейна, импульсивна и эмоциональна.

Выждав положенную паузу, Светлана пошла в тренажерный зал, что находился рядом с небольшим бассейном в дальнем крыле дома, чтобы поговорить с дочерью.

— Звонила твоя крестная, — обратилась она к дочери, выключая пультом звук на музыкальном центре, — ты бы поехала к ней завтра.

Иннеса крутила педали велотренажера, пытаясь не сбивать дыхание, она знала, что мама все равно не оставит ее в покое.

— Хорошо, мам, я завтра заеду к ней.

Матери, конечно же, был нужен лишь предлог заговорить с дочерью, поэтому она сразу перешла к тому, ради чего, собственно говоря, и пришла сюда.

— Я, наверное, не дождусь, когда ты станешь настоящей леди, ты же девушка, а ведешь себя как мальчишка. Почему все, что ты делаешь, так или иначе доводит меня до истерии? Я переживаю за тебя!

— Алле! — кокетливо ответила Инна. — А папуль, ты! Приветик. Я уже собиралась тебе звонить.

— Как настроение? — спросил с другого конца провода отец.

— Отличное! Собираюсь ехать к Тамиле, мама вчера настоятельно мне приказала явиться к ней!

— Ты уже виделась со своим водителем?

— Нет, а что, ты уже нанял его?

— Странно, он с утра уже возле машины, и согласился приступить к работе прямо с сегодняшнего дня. Я даю тебе свою машину, пока твоя в ремонте. Так что сходи, разыщи его, и можешь ехать. Присмотрись к нему, а потом скажешь мне, как он тебе понравился.

— Хорошо, папуль!

— Тамиле привет от меня передашь. Хорошо?

— Передам обязательно!

Иннеса теперь знала, что ей нужно делать, а значит, не придется скучать и придумывать себе занятие, пока родителей не будет дома. Она надела любимые джинсы, футболку, бейсболку со стразами и очки в огромной оправе. Во дворе дома пахло только что скошенной травой, садовник поливал газон возле парадной, и Иннеса еле сдержалась, чтобы ни подлезть под струю воды, но взяв себя в руки, направилась к гаражу.

В беседке, возле гаража, молодой человек только прикурил сигарету, но, увидев, что девушка направляется в его сторону, тут же затушил ее и принял положение «смирно». Сравнявшись с ним, Иннеса невольно улыбнулась, такой официальный и дисциплинированный вид парня ее позабавил. Серьезность это было не по ней, и она поспешила исправить ситуацию.

— Вольно! — молодой человек, наконец-то улыбнулся ей в ответ, — Я Иннеса, а вы...?

— Андрей, — представился ей молодой человек, — ваш водитель.

— Это я уже поняла. — Иннеса старалась быть как можно более любезной, и рассматривала новый объект в своей жизни не стесняясь. Он показался ей довольно симпатичным, а главное не старый, хоть и с военной выправкой. А глаза такие живые, мудрые что ли, ей так, по крайней мере, показалось: «Хоть бы не стал меня поучать! — подумалось Иннесе — А то я знаю таких...» Он ей понравился, что-то в нем было такое, что невозможно объяснить, но очень легко почувствовать. Иннеса всегда доверяла своим чувствам. Мама в таких случаях ласково смотрела на нее и повторяла, что нельзя быть такой доверчивой и доверять своим чувствам, нужно всегда здраво мыслить и разумно думать. Но, как только Иннеса начинала думать разумно, объект ее анализа искажался до неузнаваемости, и потом уже невозможно было вспомнить первых ощущений. В конце концов Иннеса научилась и не думать и не чувствовать, а сдерживаться от любого рода анализа других людей и прибегала к этому крайне редко.

— Давай только без всяких «Вы», а то я сразу старею от этого, — попросила она.

— Хорошо, я больше не буду, обидно будет, если так случится, — сдержанно ответил Андрей.

— Как? — не поняла Иннес.

— Ну, если ты состаришься, обидно будет, — пояснил ей парень.

Иннес хихикнула в ответ и направилась к автомобилю, Андрей с сожалением выбросил затушенную сигарету в урну и пошел следом.

«Вот и элитный ребенок, — подумал Андрей, — нужно быть по внимательнее, а то за все грехи меня виноватым сделают».

Андрей легко и профессионально завел машину и выехал за ворота элитного дома. Иннеса присмотрелась к нему и поняла, что в этом «красавчике», было что-то такое, что смущало ее и заставляло чувствовать себя не в своей тарелке. Высокий, темноволосый, зеленые глаза под строгой бровью, уверенный, сильные руки, правильные черты лица, такие мужественные. Широкие плечи, атлетическое сложение, Иннес почувствовала себя такой хрупкой рядом с ним. Такой незащищенной и маленькой она чувствовала себя только в объятиях отца, а тут — чужой, взрослый дяденька. Он был уверен, спокоен и не суетлив.

— Сколько тебе лет? — спросила у него Иннеса.

— Тридцать шесть, — серьезно ответил Андрей и внимательно посмотрел на девушку, пока свет на светофоре был красным.

Иннеса в уме высчитала разницу в возрасте, не так уж много, как она думала, он выглядел чуть постарше, как ей показалось. Взгляд зеленых глаз заставил ее внутренне съежиться. От этого ей стало некомфортно.

— Ты красивая! — сказал ей Андрей прямо.

— Что? — удивилась Иннеса, — Ты бы лучше за дорогой смотрел!

— Я смотрю, не переживай, просто все замечаю сразу.

Иннеса не знала что ответить, хорошо, что нужно было объяснять, куда ехать дальше, и тема разговора сменилась.

— Ох уж эти элитные районы! — возмутился водитель, вставая в длинную пробку на дороге.

— Что ты имеешь против элиты? — слукавила Иннеса.

— Да ничего, — не торопясь стал объяснять он, объезжая автомобили, — накупят себе авто, и потом на них даже в магазин за полквартала ездят. Пешеходам уже ходить негде, дышать в городе стало нечем, в центре просто показ фешенебельности, один круче другого.

— Это что, зависть? — съязвила Иннеса.

— Да нет, не зависть, ребенок ты еще! — Андрей улыбнулся, ожидая взрыва эмоций, но Иннеса спокойно на это отреагировала, будто и впрямь считала себя еще ребенком.

— Да уж не знаю, что и лучше! — ответила она.

— В каком смысле? — переспросил Андрей.

— Лучше быть ребенком, чем пытаться найти виноватых во всех грехах человеческих. И причитать над нелегкой судьбой своей.

— Ну, и кто по-твоему виноват?

— А кто еще может быть виноват в грехах человеческих! Человек конечно!

— Логично, — согласился Андрей.

— Мама говорила, что они с папой жили в полуподвальном помещении, одна стена которого круглый год была мокрая от влаги, вода проступала из земли за стеной их комнаты. Когда родилась я, мама, что-

бы я не росла в таких условиях, хотела уйти от папы. Отец пообещал ей, что у них все будет, и выполнил свое обещание.

Затор на дороге закончился, и они некоторое время ехали молча. Каждый думал о своем; Андрей боялся, что обидел ее своими рассуждениями об элите, а Иннеса думала, что Андрей в чем-то все же прав, и пыталась придумать аргумент весомее, чтобы он больше не думал о ней как об избалованной дочке влиятельных родителей.

— Твой отец молодец, раз уж он смог выплыть в этом водовороте. Мой отец так и умер не доказав миру, что он тоже что-то значит. Он всегда не любил чиновников и постоянно вступал в борьбу за справедливость, за что и поплатился. Благодаря ему, я понял, что в жизни не всегда нужно до смерти доказывать свою правоту и значимость, возможно, мир еще не готов к твоей силе. А если серьезно, то есть сила, которую, возможно, нельзя побороть в жизни, и уж если и приручить ее тоже не удалось, то нужно научиться сосуществовать с ней в мире.

— Это правильно, — вздохнула Иннеса.

— Да чего тебе-то горевать! Какие у тебя могут быть проблемы?

— Думаешь, у меня их нет, проблемы есть у всех! С чего ты взял, что мы живем без проблем, не все же можно купить за деньги — счастье так уж точно!

Андрей улыбался, но молчал, Иннеса не знала что сказать, и в голову не приходило ни одно печальное событие, чтобы привести в пример.

— А что для тебя счастье? — спросил Андрей.

— Как что! — удивилась Инна, — это когда ты... — в голову не лезла ни одна мысль, — это когда ты сам себя понимаешь и никому ничего не нужно доказывать, когда ничего не имеет значения, только жизнь!

— Как это? — засмеялся Андрей.

— Молча! Что здесь смешного?

— Не обижайся, я не смеюсь, просто привык, что все говорят о счастье и перечисляют материальные вещи, которые, по их мнению, могли бы их осчастливить, а ты сказала так много слов, и ничего что нужно другим, не нужно тебе! Это хорошо!

— Что хорошо? — не унималась Иннеса.

— Я боялся, что ты избалованная папина дочка. Хорошо, что ты не похожа на тех гламурненьких девчонок, губки бантиком, попки краником.

— Мне нужно все, как и всем другим, только я боюсь во всем этом материальном мире потерять себя. Вот мама мне постоянно говорит, что я должна быть достойной дочерью, а мне кажется, что она имеет в виду достойной всего того барахла, которым мама с папой себя окружили, чтобы ни дай бог не выпасть из списков тех, которые, как ты сказал, смогли выплыть.

— Да не думай ты про это, ты не в худшем положении, что бы переживать о жизни! Делай, что говорят родители, и не пропадешь.

— Я не хочу делать то, что мне говорят, я и сама могу! — возмущенно сказала Иннеса.

— А как же, можешь!

— Не веришь?

— Верю, верю...

— Ты нарочно соглашаешься со мной, чтобы позлить меня, а сам думаешь иначе!

— Даже не думал!

— Все ясно, ты просто самоуверенный болван!

— Э, э, что за грубости?

Андрей не стал больше злить Иннесу, молча крутил руль и жал на педали, Иннес тоже молчала.

— Не хотел тебя обидеть, просто сказал, что думал.

— Ага, все мы говорим, что думаем, а потом выясняется, что не об этом мы все думаем!

— Это точно, на тебя посмотришь, и все мысли мои не о том, что говорю.

Иннес удивленно уставилась на водителя и не могла поверить своим ушам. Она вдруг почувствовала себя настоящей женщиной и ей захотелось доказать что он ошибается на ее счет. «Везет мужчинам, они хоть подражаться могут, если что не так, а тут сиди и думай что сказать, леди!» — думала Иннес, и ей совсем расхотелось разговаривать с этим мужчиной. Вот теперь задача, что сказать отцу, когда спросит о водителе. Создавалось впечатление, что он ее проверял. Ну и пусть, думала Инна, раз уж такой умный, пусть поломает голову.

— Твои друзья, наверное, не раз попадали на твои колючки? Что ж ты такая колючая?

— Ты не знаешь меня. И судя по всему, и не узнаешь, у тебя какие-то солдафонские мерки! — Иннеса поняла, что болтнула лишнее, по тому, как напряглись мышцы лица Андрея, и он резко затормозил при парковке.

— Прошу пани! Место назначения.

— Жди меня здесь, — резко сказала Иннеса, не желая смягчить ситуацию, и хлопнула дверью.

«Ну и штучка, — подумал Андрей, — дремлющий вулкан! С ней опасно быть рядом! А я люблю опасности!»

«Странный тип! — подумала Иннес, — Я вообще не понимаю, о чем он думает».

Его взгляд ей в спину прожигал ее насквозь, но она так и не оглянулась. Боясь, что оступиться или споткнется, уверенно продефилировала к входу в салон красоты.

* * *

Иннес часто приходила сюда, в салон красоты «Лика», ее крестная мать была владелицей этого заведения, и посещения ее салона были обязательными. Мама Иннесы проводила здесь время куда больше и всегда просила свою компаньонку и подругу повлиять на стиль дочери и сделать из нее красавицу. Крестная всегда с улыбкой успокаивала Светлану и говорила ей, чтобы та не переживала, что всему свое время и утенок все равно, рано или поздно, станет лебедем. Иннесе никак не хотелось расстраивать мать, но и оперяться тоже не хотелось, поэтому она приходила сюда не столько для того, чтобы воспользоваться услуга-

ми салона сколько поговорить по душам с Тамилой, ее крестной, ибо считала ее своей подругой и второй матерью.

Тамила имела много общего с ее мамой, они были подругами детства, но если в матери была сконцентрирована элегантность, то в Тамиле гламурность, она была роскошной женщиной, и в ее жизни не было места простоте и наивности. Но при всем этом она была очень мудрой женщиной и очень хорошо понимала Иннесу.

Иннеса зашла в кабинет Тамилы, ее все называли только по имени, отчества ее крестная не любила, и с радостью обняла свою вторую маму, прижимаясь к ее пышной груди. От нее всегда пахло шикарными духами, Иннеса любила вдыхать аромат ее духов, они были более сладкими, чем у ее матери, и Тамила всегда была одета ярко, что было неприемлемо для ее мамы.

— Здравствуй, девочка моя! — тепло поприветствовала ее крестная.

— Здравствуй, Томочка, — женщины поцеловались.

— Что-то ты давно не была у своей мамы Томы! Что ж такое, совсем меня забыла?

— Нет, ну что ты! — запротестовала Иннеса.

— Если бы мать не заставила, то и не пришла бы!

— Пришла бы обязательно! — заверила ее девушка.

— Ну, будем делать из тебя красавицу?

— Куда ж мне деться, ты же знаешь, мама от меня не отстанет! Делаю из меня красавицу, а я обещаю быть послушной.

— Что-то ты сегодня сговорчивая очень. Что такое? Ты влюбилась?

— Что ж ты думаешь, чуть что — сразу влюбилась?

— Да! Только любовь способна преобразить девушку, женщину и сделать ее красавицей и без услуг моего салона! Это единственное средство вечной молодости, и разглаживания морщин!

Иннеса улыбнулась в знак согласия, и позволила себя увлечь в водоворот приятных и не очень приятных процедур, которые должны были помочь и без того молодой и красивой девушке стать более уверенной в себе!

Иногда Иннесе казалось, что все эти массажи и маски, маникюры и педикюры были придуманы как мучение, некоторые клиентки Тамилы так привыкали ко всем этим манипуляциям, что словно зомби раз за разом приходили сюда, оставляя кругленькую сумму денег, только бы не выпасть из списков постоянных клиентов элитного заведения. Возгласы типа: «Тамила, я погибаю, моя прическа и руки выдают мой возраст», — всегда вызывали у Инны смех. Словно можно макияжем, прической и маникюром обмануть хоть одного мужчину. Мужчины, правда, тоже были клиентами этого салона, к ним было особенное отношение, всегда все процедуры вне очереди, словно у них больше работы, нежели у женщин. Или само пребывание здесь компрометировало их. Холеные, лощеные, интересно было наблюдать, как они деловито всегда спешат и торопятся. Были и такие, которые приводили сюда странного вида женщин, и ожидали когда из «куколки» появится «бабочка». Иннеса обожала такие дни, и всегда оставалась в салоне, чтобы увидеть конечный результат работы над такими счастливицами. Ей очень нравилось наблюдать за неподдельными эмоциями этих женщин, все они были более искренними и по настоящему счастливыми,

как ей казалось. Тамила всегда шепотом ей говорила что-то вроде: «Видишь, не бывает не красивых женщин, бывают либо ленивые, либо невезучие, которым не попался настоящий мужчина!»

— Ты сегодня какая-то растерянная, — сказала Тамила Иннесе.

Они сидели в баре салона за чашкой капучино, Иннеса любовалась на себя. Ее уговорили на стрижку и на макияж и на маникюр, и на маски и на массажи, словом — полный комплект процедур, и главное, что сегодня ей все это понравилось. Иннеса тайком радовалась, что все это время Андрей сидел и ждал ее, а ей хотелось, чтобы он думал о ней, и сама уже весь день не прекращала думать о нем ни на минуту. В этот самый момент открывается входная дверь и на пороге появляется Андрей. Он не сразу увидел Иннесу, потому что сперва даже не узнал ее в милой очаровательной девушке, которая смотрела на него большими серыми глазами из-под косой челки. Она была очаровательна.

— Иннес, я могу на полчаса отлучиться со своего поста, время обеденное, нужно бы подкрепиться?

Тамила удивленно приподняла бровь и на ее лице появилась загадочная улыбка.

Иннеса тем временем, что бы не задерживать Андрея, отпустила его на час, пообедать, и, понимая, что Тамила будет задавать вопросы, поспешила сразу прекратить этот разговор:

— Даже не начинай! Это просто мой водитель.

— А я и не начинаю... — смеясь, ответила крестная.

— Тамила! — Иннес невольно смутилась, глядя в глаза своей второй матери.

— О, наша девочка взрослеет!

— Ты как всегда все преувеличиваешь.

— Ты только не забывайся, — предупредила ее Тамила, — он не твоего круга. Светлана с ума сойдет, я уже о Толе просто молчу.

Иннеса промолчала, она любила свою крестную и не хотела огорчать ее. Но слова Тамилы ее расстроили и подняли в ее душе волну протеста. «Ну, впрямь общество тамплиеров какое-то!» — злилась Иннеса. Слова — «не твоего круга» вызывали в ней стойкое сопротивление духа, как у маленького ребенка, чем больше говоришь «нет», тем больше хочется сделать все наоборот!

Через час, очаровательная и красивая, Иннеса вышла к машине.

— Супер! — только и сказал Андрей, когда она села в автомобиль.

— Нравится? — спросила смущенная девушка.

— Да, — подтвердил Андрей, — настоящая леди снаружи и пацанка в душе!

— Пацанка??? — возмутилась Иннес.

— Не обижайся, я говорю что думаю, и не со зла.

— Ты всегда такой прямой?

— Да, всегда!

По дороге домой ехали молча, каждый выжидал чего-то, но так и не решился признаться, что это молчание было в тягость.

Дома Иннесу встретила мама, ее счастливое лицо говорило о том, что дочь наконец-то угодила матери. Светлана с огромным удовольствием и гордостью рассматривала свою дочурку, надо же, как преобразилась

она всего за один вечер. Надо полагать, начало положено, и теперь она не будет видеть Иннесу в вечных джинсах и футболках. Матери показалось, что у дочери даже взгляд стал другим, походка и осанка изменились. Светлана Игоревна была довольна результатом стараний своей подруги Тамилы и не находила слов чтобы выразить сейчас свои чувства.

— Да ты у меня просто красавица! — воскликнула мать.

— Ой, мам, не начинай, это всего лишь я, хоть и с дурацкой прической и макияжем! — возразила дочка.

— Ты и сама знаешь, что я права, в конце концов, хоть ты и упрямая, но не глупая же!

— Ну да, мне вот только что сказали, что как меня не наряди, в душе я пацанка, а это значит что я смешная во всем этом.

— Боже, кто мог сказать такую чушь?!

— Андрей. — просто, без объяснений, ответила Иннеса.

— Кто он? Враг или друг? — поинтересовалась мать.

— Какое это имеет значение?

— Большое значение. Одна и та же фраза сказанная другом или врагом имеет различное значение.

— Он ни друг, ни враг, он водитель, — явно расстроенная ответила дочка.

— Угу, — многозначительно улыbnулась Светлана, — значит мужчина. Великолпно!

— Мам, что в этом великолепного?

— Ну, ты что, совсем ничего не смыслишь во флирте?

— Я думала, что флиртуют только женщины.

— Дорогая моя, мужчины флиртуют еще чаще женщин. Это им просто необходимо для поддержания тонуса и уверенности в своем обаянии. И уж поверь. Если мужчина говорит на такую красавицу как ты — пацанка, это нужно принимать за комплимент. Только одно вызывает сожаление: что этот мужчина тебе не ровня.

— О Боже, вы что, сговорились? — явно раздражительно заговорила Иннеса, — Тамилла мне сказала почти те же слова!

— Правильно сказала! Этот мужчина хотел видеть, какая ты на самом деле, и пытался раскрыть тебя, зацепить, спровоцировать...

— Неужели без всего этого нельзя!

Иннеса направилась в свою комнату, чтобы переодеться, и мама шла за ней, явно не желая заканчивать на этом разговор. Светлана понимала, что ее девочка ступила во взрослую жизнь, и пока сама не набьет себе кучу «шишек», многое, что говорит ей мать, на веру принимать не будет, но для матери было важно сказать и научить.

Иннеса присела к трельяжу и стала снимать с себя украшения, снимать макияж с лица, мама стояла позади, сосредоточенно подбирая нужные слова.

— Мам, я устала, тебе не нужно позвонить Тамиле случайно?

— Не гони меня, мне интересно, что ты рассказываешь. Мы давно не говорили с тобой по душам.

— Всегда говоришь только ты, а я просто или не соглашаюсь с тобой, или просто не могу вставить и слова.

— Здесь другое, — возразила мать, — женщины всегда должны находить время, чтобы поговорить о мужчинах.

— Мам, я тебя умоляю! О чем говорить? Мой водитель сказал слово, и ты из этого раздуваешь целую историю. Смотри, еще папе расскажи, чтобы он этого беднягу сразу уволил.

— Если бы это было не так важно для тебя, ты бы так не сопротивлялась!

«Ну почему родители, так или иначе, всегда оказываются правы! — подумала Иннеса, — почему всегда им так хочется показать, что их дети не понимают что-то очень важное, такое очевидное для них, и такое непонятное для нас?» — Иннеса умоляющим взглядом уставилась на маму.

— Вот видишь! Ты плохо знаешь мужчин. Ты должна научиться быть женщиной, чтобы пользоваться своим преимуществом, и держать весь процесс под контролем. Нужно пообщаться с этим Андреем, и посмотреть, что за фрукт такой. Это же надо! Как ему за один вечер удалось добиться того, на что я уже потратила кучу времени.

— Мама! Это всего лишь водитель.

— Вот это и плохо, хотя тебе повезло с тем, что простые люди всегда искреннее, мужчина нашего круга никогда бы не стал раскрывать себя и говорить правду.

— В чем мое везение, выслушивать всякий бред?

Мама лукаво улыбнулась:

— Я не поверю, что тебе не понравилось то, что он сказал.

Иннеса немного смутилась, мама, как всегда, была права, и весь этот разговор, затеяла, чтобы добиться своего и показать ей, что она «всевидящее око!»

— Хорошо, — сказала мать, довольная результатом разговора, — давай мы с тобой поговорим о званом вечере, а потом я позвоню Тамиле, и поговорю с твоим водителем. Завтра мы едем в «Вилари» выбирать тебе платье, хочу, чтобы Тамила была с нами. И потом, ты помнишь, что случилось в прошлый раз?

— Помню, — сказала Иннеса, вспоминая свой предыдущий неудачный выход в свет, — если Юрий Федотович снова будет ухаживать за мной, я не смогу сдержаться и снова все испорчу!

— Что плохого было в его ухаживаниях? Так требует этикет, за каждой девушкой без пары должен присматривать свободный мужчина.

— Мама, да он мне в отцы годиться, он же старый! — возмутилась Иннеса.

— Семнадцать лет разницы в возрасте, разве это много? — удивилась мама, — вот раньше...

— Не говори мне, что было раньше, — перебила дочка маму, — для меня важно, что сейчас и теперь, и я не хочу притворяться, что мне приятно общество этого человека, он мне противен.

— Хочешь ты того или нет, но он очень влиятельный человек, и ты будешь стараться вести себя подобающим образом. И постарайся сдерживать свой норев, не показывать свою дикость. И в этот раз будь любезной и учливой, не нужно ставь человека в неловкое положение.

— Я не хочу, чтобы он трогал меня руками и приглашал на танец, держал меня под локоток и слюнявил губы, глядя на меня!

Неожиданно для Иннесы мама звонко рассмеялась:

— О Боже, ты тоже это заметила? — смеясь, спросила мама.

— Да это заметили все! Он вел себя, как кот перед сметаной!

— Ну и лицо у него было, когда ты оттолкнула его и демонстративно вышла из зала!

— Шутишь? А каково было мне!

— Иннеска, ох и тяжело тебе будет с твоим характером! Впереди еще так много будет подобных Юриев Федотовичей, что, в конце концов, ты или научишься управлять ими, или они будут управлять тобой!

— Еще чего! — возмутилась дочь.

— Если ты будешь слушать, чему я тебя учу, все будет хорошо.

— Мам, я постоянно слушаю тебя! Даже когда я не согласна с тобой, я знаю что ты права, мне нужно самой научиться быть собой, я не могу жить всегда только твоими подсказками. Разве ты не ошибалась и не училась на своих ошибках?

— Ошибалась, — серьезно сказала мать, — и училась... Именно поэтому хочу уберечь тебя от ненужных, лишних ошибок, потому что все еще помню, как больно падать и как трудно подниматься.

— Мамуль, я люблю тебя.

Иннеса подошла к матери и обняла ее, сердце затронули мамини слова, и Иннеса почувствовала, что есть еще что-то, о чем спросить никогда не решиться, но это незримо присутствовало всякий раз, как у мамы был такой особенный взгляд и разговор прерывался на полуслове.

Вечером за ужином, обсуждая предстоящий званый вечер, родители на пару расхваливали дочку, и восхищались ее новым имиджем. Отец очень сентиментально произнес фразу: «Девочка моя, совсем уже стала взрослая!» — на что Иннеса чуть не расплакалась, не потому, что она чувствовала себя все еще маленькой или повзрослевшей, а потому, что родители, казалось, совсем не понимают ее. Ведь уже давно их маленькая девочка стала взрослая, а они не желают это замечать!

После ужина посыльный принес огромный букет цветов и три пригласительных на званый ужин. Светлана Игоревна удивилась, читая на карточке имя дочери, букет предназначался ей:

— Иннес, сойди вниз, тебе послание и букет! — позвала дочку Светлана, загадочно улыбаясь, — Интересно, от кого букет? — добавила она уже для мужа.

— Букет от Юры, — спокойно сказал отец семейства, — Ты, кстати, поговорила с Инкой?

— Я поговорила с Инной! — с упреком сказала, жена, — Но ты, пожалуйста, держи меня в курсе событий, чтобы я успела среагировать. И я прошу тебя, не перегибай палку, это же все же твоя дочь, она не политик, а просто молодая взбалмошная девушка.

— Свет, ну что ж ты думаешь, я брошу свою дочурку под танки! Все под контролем, поверь мне. Мне не нравится все эти финтифлюшки! — раздражительно сказала Светлана, дергая бант на букете, которым был привязан игрушка-медвежонок с открыткой в руках.

Иннеса, тем временам, подошла к родителям и с интересом посмотрела на букет:

— Ого! Какой шик! — отвязала подарок-игрушку и прочла открытку.

«Милая Иннес! Эти розы — малое из того, что достойно твоей очаровательной улыбки. Прими их в знак моего восхищения тобой и не сочти за настойчивость мое желание украсить твой мир цветами и вниманием. До скорой встречи на вечере.

Твой Ю. Ф.»

— Пап, ты, конечно, знаешь от кого этот букет! — возмущенно и с надеждой на участие в этом деле спросила Иннеса у отца.

— Откуда мне знать, — смеясь, ответил отец, — и что у тебя такой несчастный вид, ты не рада этой красоте?

— О, ужас, ты еще спрашиваешь! Это же от «Ю. Ф.», у него даже имя непроизносимое, не говоря уже о нем!

— Не будь капризной, мужчины не любят капризных женщин! Учись у матери вести себя подобающим образом в таких ситуациях. Она тебе расскажет, как нужно обходиться с заинтересованным тобой мужчиной. И не драматизируй, не все так печально, внимание Юрия к нашей семье сейчас очень кстати.

— Его внимание не к семье, а ко мне! — возразила дочка, — Ты хочешь меня заставить терпеть его?

— Ты пойми, от него многое зависит, будь немного любезнее с ним и все, что я прошу от тебя, его финансовая поддержка нужна нам сейчас.

— Конечно же, мы ему обязаны, так же как и он обязан поддержкой тебе. Рука руку моет! Но я-то здесь причем? Любезничай с ним сам!

— Иннес, — остановила ее мать, — прекрати грубить отцу, мы поговорим с тобой позже.

— Конечно, мама, хорошо, мама, как скажешь, мама! Я делаю это только ради вас с папой, потому, что лиши вас всех этих привилегий, и жизнь для вас окончится, вы не можете увидеть, как это все противно со стороны.

— Не смей так разговаривать с нами! — предупредила ее мать.

Девушка демонстративно, не желая усугублять ссору, направилась в свою комнату, оставив на столе осиротевшие розы. Поднимаясь по лестнице, она бросила сверху несчастного игрушку-медвежонка и разорвала открытку. Разорванные части открытки летели с верха лестницы как опавшие листья, отец с матерью переглянулись, но промолчали.

— Светлана, поговори с ней, пожалуйста, — попросил Анатолий, — мне неприятно думать, что она видит в нас своих врагов. Объясни, что это ради ее же блага.

— Толя, я поговорю. Но и ты мне обещаю, что попридержишь Юрин пыл, это не тот человек для нашей дочери, ты должен дать понять ему это.

— Света, как ты себе это представляешь?

— Я не знаю, в конце концов, ты у нас дипломат и политик, придумай, как правильно его отвадить.

— Света, он не худшая партия для нас.

Светлана потеряла дар речи и не могла найти нужных слов возражения. Она не могла поверить, что Анатолий говорит это серьезно.

— Анатолий... — испуганно вымолвила Светлана.

— Что? Что, Света, что ты смотришь на меня так, словно я превратился в жабу! — раздраженно сказал муж.

— Когда ты стал таким, что даже родная дочь, твоя любимица стала простой пешкой в твоих «играх»?

— Света, ты знаешь, что это за игры такие, и если не я сделаю первый шах и мат, то с поля вылетим мы, и что ты тогда мне скажешь!

— Я не хочу больше слышать это! — сказала Светлана и удалилась, в след за дочерью.

«Почему она всегда, заставляет меня чувствовать себя виноватым!» — подумал Анатолий Викторович, и подошел к бару налить себе коньяку. Приятный напиток согрел горло, и Анатолий устало сел в кресло, в гордом одиночестве, сегодня вечер обещал быть долгим. В такие дни он долго ждет, пока Светлана уснет, и лишь потом идет спать, чтобы избежать долгих разговоров на ночь. А с дочерью все намного проще, завтра он оплатит ей счет за великолепное платье, и она перестанет на него дуться, и он еще раз попросит ее быть пайнкой девочкой!

Светлана не пошла к дочери, впервые в жизни она не знала, что ей сказать. Поведение мужа ввергло ее в отчаяние. Ее мысли раздваивались, и сейчас она понимала, что по-настоящему начинает ненавидеть свою роль женщины политика. Как ей быть и женой, и матерью, и политиком и дипломатом? И что самое страшное, в этот вечер она поняла, что не хочет такой судьбы для своей дочери.

За стеной Иннесе было ничуть не легче, она рыдала в подушку и злилась на весь белый свет, что так не справедлив к ней. Чувствуя себя заложницей создавшегося положения, при одной только мысли о Юрии Федотовиче ее бросало в дрожь. Неужели ее отцу был угоден этот спектакль, в котором ей отводилась такая неприятная роль?

Спускались сумерки, Иннеса любила чувствовать момент, когда день тихонько уходит прочь, а ночь несмело занимает его место. В этот миг особенно магическим казалось солнце, теряющее свою ослепительность, и магия ночи привораживала своей бархатной истомой. Вдоволь наплакавшись, Иннеса чувствовала как ее сердце стало черствее и боль уже не так его мучила, в конце концов пришло состояние полного безчувствия — она ничего не чувствовала и ни о чем не думала. На ночном столике лежала книга, которую она читала, это был женский роман, о любви и страсти, о любовных перипетиях. Иннеса помимо воли улыбнулась, ее почему-то позабавило все, о чем она прочла в этой книге, такого не бывает в жизни, подумалось ей. Она взяла книгу в руки, на обложке милая девушка почти утопала в объятиях красавца мужчины, вокруг цветочки, милые облака и горизонт с закатом. Иннес со злостью бросила книгу в угол комнаты:

— Так не бывает!

И с этими словами девушка погрузилась в сон. Ей снилось синее небо, синее платье, цветы и небо с закатом...

* * *

Потом было утро следующего дня, и следующего... Заботы и приготовления к званому вечеру. Было куплено платье, и в суете приготовлений все избегали разговоров о недавней ссоре. К этому вечеру готовились основательно и очень тщательно, на нем будет присутствовать вся элита города и многие из влиятельных кругов столицы. Уж если так нервничали особы приглашенные, то как должны были нервничать организаторы этого праздника.

Для Иннесы было выбрано темно-красное платье, атлас, шифон, кружево и вышивка. Лиф был украшен вышивкой со стразами, в обрамлении французского кружева, силуэт платья незамысловатый, мягко струящаяся юбка почти в пол, спереди передний подол чуть приподнят, чтобы было видно эксклюзивные босоножки с такой же вышивкой, как на лифе платья. Отец подарил дочери к платью еще и агатовое кольцо, дивной ручной работы, а довершила образ Тамила. Она собственноручно сделала ей прическу и макияж. Получилось очень элегантно. Мама Иннесы выбрала платье серебристо-серого цвета, рядом с отцом во фраке они смотрелись превосходно.

У Тамилы в салоне прошли последние подготовительные процедуры. Тамила окинула оценивающим взглядом обеих женщин, и осталась довольна своей работой. Где-то там, у входа, верно, ждал Андрей готовый отвезти юную Золушку на бал. Мама Иннесы все это время очень пристально наблюдала за водителем и дочерью, в конце концов, просто привыкла к молодому человеку, который всегда был вежлив и никогда не причинял никаких неудобств. Светлана видела, что он не глуп, и дальше положенной дистанции не заходил, в то время как ее дочь, все больше и больше оставалась безучастной ко всему происходящему, словно ей было все равно, что с ней происходит.

Иннеса пристально рассматривала себя в зеркале, с отражения на нее смотрела не знакомая ей девушка. Ничего в отражении не напоминало ее саму, чужой взгляд, чужая внешность, шик и блеск, и ей уже скорее хотелось вернуться из плена этой красавицы и стать собой. Зато мамыны глаза блестели от счастья и гордости. «Представляю, что будет твориться с папой!» — подумала Иннеса. Но, самое большое впечатление на нее произвели ни Тамилыны похвалы, и не мамин блеск глаз, даже не папин восторг при виде своей дочери в образе принцессы, а восторженный взгляд Андрея, который просто оторопел при виде Иннесы, выходящей из салона. В салоне автомобиля они то и дело встречались взглядами в зеркале заднего вида, Андрей словно что-то хотел сказать ей, но не решался. Иннеса прислушалась к ощущениям: «Почему я так странно себя чувствую? — подумала девушка, — Еще минут пять назад я хотела сорвать с себя все это, а теперь, под взглядом Андрея, я совсем другая, приняла роль этого образа и корчу из себя красавицу, моргаю ресничками и держу спинку ровно. Неужели платье и все остальное так на меня действует?»

Мама словно угадала мысли дочери:

— Ты молодец, очень хорошо смотришься и держишься в этом наряде, если и дальше все так пойдет, думаю, ты будешь безупречна.

— Спасибо, мам. Мне кажется, что если я сейчас надену костюм клоуна, то сразу смогу выйти на арену и смешить людей. Прямо перевоплощение какое-то!

Андрей едва заметно улыбнулся, но не подал вида. Наверное, представил Иннесу в клоунском костюме, даже Иннесу это позабавило, и она заулыбалась. Светлане Игоревне не понравились подобные мысли, и остаток дороги она читала Иннесе нравоучения и поучала, как расположить к себе человека.

— Мама, мне это ничего не потребуется, ведь со мной будет Юрий Федотович, а он, как человек сверхпритягательный, все это сделает за меня. Смог же он покорить отца, а уж всех остальных это ему не составит труда.

— Я очень надеюсь, что у него как у организатора всего этого действия, будет слишком мало времени на тебя и на обращение всех присутствующих твоих фанов.

— Я тоже очень на это надеюсь, — согласилась Иннеса, — вот пусть папа и создает ему пару на вечер.

— Иннеса, я очень тебя прошу, пожалуйста, молчи и придержи свой характер. Хотя бы на сегодня. Обещай мне.

Иннеса промолчала, только поймала на себе пристальный взгляд Андрея.

Мама продолжала:

— Время озорства закончилось, настало время думать о будущем и вести себя подобающим образом. Я не могу поверить, что ты у меня такая красавица и умница, я так долго ждала этого момента.

Иннес была прекрасна, Андрей не мог сосредоточиться на дороге, такие глобальные перемены в девушке заставили усомниться в его первой оценке. Неужели он ошибся на ее счет, принял за пацанку настоящую леди с изящными манерами и царственной осанкой, по крайней мере, сейчас она была такой. Ее лицо и глаза манили, невозможно было удержаться, чтобы не смотреть на нее. Андрей даже рассердился сам на себя: «Вот дурак, размечтался, она же с другой планеты! Так что веди, молча, свой луноход и не засматривайся на марсианок!» Андрей понимал, что когда он шутит сам с собой, это ни к чему хорошему обычно не приводит, ему только не хватает неприятностей на новой работе. Но как же она прекрасна, думал он, глядя в зеркало и встречаясь взглядами.

На подъезде к ресторану уже столпились вип-авто, медленно вереница шикарных автомобилей продвигалась к месту назначения. Одетые эксклюзивно люди не торопясь выходили из авто и направлялись к входу в большой и просторный зал самого фешенебельного ресторана в городе. Иллюминация возле входа, строгий контроль всех, кто находился в пределах сотни метров, охранники, лакеи, все как в приличных домах. «Не хватает красной дорожки и папарацци», — подумала Иннеса, хотя фотограф все же присутствовал, и велась съемка на видео. Девушка расстроено вздохнула. Подошла их очередь останавливаться у входа, лакей открыл дверь для Светланы Игоревны, а Андрей поспешил выйти и открыть дверь для Иннесы, на что тут же отреагировала Светлана Игоревна, бросив на него гневный взгляд. Андрей подал руку Иннесе и прошептал:

— Держись девочка моя, ты сильная.

Иннеса была несказанно благодарна его поддержке, именно в эту минуту она так нуждалась в ней. Но ничего не смогла ответить, откуда ни возьмись, ее, практически из рук Андрея, перехватил Юрий Федотович.

— Ты ли это, Инночка? — громко сказал подошедший мужчина.

Иннеса мгновенно, помимо воли, сравнила его с Андреем, конечно, Андрей был вне сравнения! Юрий был на голову ниже ее водителя, и старше немного, образ жизни отразился на его фигуре — коренастый, немного сутулый, с залысиной в полголовы. Он взял Иннесу за руку, вторая рука девушки все еще была в ладони Андрея. Ладонь Андрея была теплой и уверенной, а ладонь Юрия влажной и неприятно холодной. Она с сожалением выдернула руку из руки своего водителя и посмотрела ему в глаза, словно умоляя ее не отпускать. Андрей, едва заметно, подморгнул ей. Секунду, и Иннеса усилием воли взяла себя в руки — гордая осанка, холодный взгляд, самодовольная улыбка, она вернула холодность рук Юрию Федотовичу обратно, одним только взглядом.

— Ты очаровательна! — полушепотом сказал Юрий Иннесе, подводя ее к матери, в эту минуту к ним присоединился отец.

Глаза отца слезились от гордости за свою дочку, такой красавицей он ее еще не видел. Жемчужина в шикарной оправе! Даже ему сейчас, абсолютно неуместной, показалась фигура Юрия рядом с дочерью. Но эта мысль мгновенно была отправлена на задворки сознания и вычеркнута как ненужная. Он гордо предложил руку своим женщинам. Светлана взяла мужа под руку, а Иннеса шла по другую руку отца на полшага позади своих родителей. Очень хорошо, что Юрий остался встречать вновь прибывающих гостей, и чета высокопоставленных гостей проследовала в холл вестибюля без его сопровождения, чему очень сильно порадовалась Иннеса.

В какой-то момент, автомобили перестали прибывать к входу, и все присутствующие столпились в холле, ведя светские беседы. Отца постоянно отвлекали какие-то люди, некоторых Инна знала, некоторых видела впервые, но ее, кажется, знали все. Мама, как и подобает жене, была по левую руку мужа, мило улыбалась, говорила дежурные фразы, и глаз не спускала с дочери. Иннеса ничего не говорила, иногда кивала в знак приветствия, и даже не улыбалась, чувствуя себя, как жук в террариуме.

— Ты прекрасна! — услышала она все тот же голос. Это Юрий Федотович стоял чуть позади нее и, почти дыша в шею, говорил комплименты.

— Спасибо! — ответила Иннеса, с очаровательной улыбкой, на которую только могла быть способна.

Казалось, глаза всех присутствующих были обращены к ним, Иннеса почувствовала, как пересохло у нее в горле. Юрий понял, что девушка растерялась, и поддержал ее под локоток. Иннеса заметила, как напрыглась ее мама, и нервно теревит кольцо на пальце. Это кольцо папа подарил маме в день рождения дочери, мама никогда не снимала его. «Боже, о чем я думаю! — удивилась девушка, — Как в такую минуту я могу думать о мамином кольце?»

Светлана Игоревна боялась, что ее дочь выкинет какой-нибудь фокус, как в прошлый раз, когда оттолкнула Юрия и демонстративно ушла. Но, похоже, в этот раз, ее Иннеса не собиралась огорчать никого, хотя сама была весьма огорчена. Иннеса старалась не думать вообще ни о чем, ей вообще не хотелось присутствовать здесь. «Буду думать, что это не я и не со мной все здесь происходит! — подумала девушка. — Я только вижу это, это все не на самом деле...»

С такими мыслями она стала внимательно рассматривать все вокруг, и понемногу прониклась всеобщим настроением притворства. К ней подошла мама и тихо, шепотом, сказала:

— Вот, умница! Ты же хотела в детстве стать актрисой? Вот и будь ею сегодня.

Иннеса ничего не ответила.

Все присутствующие ждали начала официальной части, но Юрий Федотович видно не спешил, так ему хотелось привлечь внимание к себе и к своей спутнице. И это понимала Иннеса, замечая любопытные взгляды, она теряла терпение.

— Что тебя смущает? — спросил ее Юрий.

— Ты! — с улыбкой ответила Инна, и хотела высвободиться от его хватки, но он еще цепче сжал ей локоть и подвел к импозантной женщине:

— Ольга Марковна, разрешите представить вам мою очаровательную спутницу, Иннес! Иннес, это наша фея моды, королева модных салонов и показов, Ольга.

— Очень приятно, — механически ответила Иннеса.

— Юра, у тебя очаровательная спутница, я уже давно заприметила ее из всех присутствующих. Инночка, вы просто чудо, ваши родители могут гордиться вами — и она любезно послала свою улыбку в сторону родителей Инны, на что те, в свою очередь, ответили уважительным кивком головы.

— Спасибо.

— Вам нужно обязательно попробовать себя в модельном бизнесе.

Иннеса улыбалась, комизм ситуации был в том, что они уже раньше встречались и были знакомы. Когда Иннесе было четырнадцать лет, они с матерью бывали в гостях у Ольги Марковны, тогда еще только начинавшей свой бизнес. Женщины мечтали, что бы их дочери подружались и стали подругами. Но избалованная дочка Ольги сказала своей матери, что Светлане Игоревне не повезло, что у нее такая некрасивая дочка, а Иннес все это случайно услышала. И этого хватило, чтобы больше не было желания даже видеть это семейство. Теперь дочь Ольги — девушка со скандальной репутацией, вечная невеста, потому как уже три ее брака закончились разводом. И конечно она тоже была здесь, едва о ней вспомнили, как она тут же появилась за мамочкиной спиной и с черной завистью во взгляде уставилась на Иннесу. С этой минуты Иннесе стало нравиться пребывание здесь. «Ну что ж, поиграем!» — бросила вызов сама себе Иннес и постаралась сделать так, что все кто ее знал и не знал, обязательно обратили на нее внимание. Ей нравились восторженные взгляды мужчин и завистливые взгляды женщин.

После начала официальной части, едва девушка успела отдохнуть от надоевшего ей спутника, хозяина вечера, он снова оказался рядом

с ней. За одним столом с ними сидели и родители, Иннес блистала. Она очень органично вписывалась во всеобщую картину, была очень красивая и с достоинством исполняла свою роль королевы вечера. Видя такие перемены в дочери, Светлана не могла поверить собственным глазам, Анатолий Викторович тоже не мог налюбоваться своей красавицей:

— Видишь, Света, — тихо сказал он своей жене, — породу видно сразу. Манеры приходят с молоком матери. Она просто молодчина!

— Да Толя, Инночка сегодня удивительна, я не узнаю в ней нашу дочь.

— Юрий мне обещал сегодня, представить ее всем кому следует, теперь наша дочурка полноценный член «элитного клуба».

— Толя, — улыбалась Светлана, — Неужели, то, что она твоя дочь не достаточное основание быть полноценной!?

— Света, сегодня я мэр, завтра я не мэр, а дочке нужно возвращаться в обществе, иметь репутацию, быть на виду.

— Я бы на твоём месте так сильно не доверяла бы Юрию, он не тот человек, поверь мне. Посмотри, разве Иннес сейчас счастлива?

— Света, прекрати говорить глупости!

Официальная часть вечера подошла к концу, когда удалили всех журналистов и операторов, народ в зале повеселел, атмосфера стала менее официальной, пришли музыканты, многие из присутствующих покинули свои места, остальные же напротив, расслабились и получали удовольствие от происходящего. Шампанское, вино, сделали свое, и светский раут достиг своего апогея.

Юрий Федотович стал еще более настойчив в своем внимании к Иннесе:

— Солнышко мое, — любезно и ласково, держа Иннес за руку, сказал Юрий, — спасибо тебе. Ты была очаровательной хозяйкой бала.

— Не преувеличивай.

— Нет, правда. Я обещал твоему отцу сделать все возможное для тебя сегодня. И я старался, как мог. И мне трудно сдерживаться рядом с тобой, чтобы не проявлять всех своих эмоций.

— Уж постарайся, пожалуйста, а то и я не могу отвечать за свои эмоции.

— Но, — смеясь, продолжил Юрий, — ты не сможешь отказать мне в танце.

Инна позволила себя пригласить на танец, о чем через минуту уже жалела, ей неприятны были прикосновения этого человека, его слишком близкое дыхание и несоблюдение дистанции, и вообще его присутствие было невыносимым. После танца, Иннес почти залпом выпила бокал шампанского, на что тут же удостоилась неодобрительного взгляда матери. Но шампанское пила не только она, Юрий тоже позволил себе расслабиться. Он уже не сдерживался, и девушка едва сдерживала себя от грубости, отец словно не замечал этого, мать взволнованно наблюдала за разворачиванием событий.

— Я могу у ног твоих положить весь мир, если только захочешь, — говорил захмелевший Юрий, — ты только скажи!

Иннес попыталась уйти, но он властно сдержал ее попытку.

— Отпусти, — ледяным тоном произнесла девушка.

— Не отпущу! — твердо заявил Юрий. — Ну что не так?

— Все не так! — раздражительно сказала Иннеса. — Отпусти!

На помощь подоспела мама. Светлана, видя, что ситуация выходит из-под контроля, поспешила увести дочку от греха подальше.

— Юрий, ты мне позволишь увести Иннесу на минуту, я хочу представить ее своей давней приятельнице.

Конечно, он не мог отказать просьбе Светланы и с особым неудовольствием позволил Иннесе уйти с матерью.

— О, мам, как ты вовремя! — взмолилась Иннеса.

— Да, моя дорогая, зачем же еще нужны матери! — пыталась шутить Светлана.

Женщины направились в женскую комнату, где Иннеса молча, но с умоляющим взглядом, обняла маму.

— Спасибо, моя хорошая, спасибо, что ты так старалась.

— Мам, не заставляй меня возвращаться туда.

— Хорошо, я не хочу рисковать, езжай домой, найди Андрея, он отвезет тебя, а я вернусь с отцом.

— Спасибо, мам!

Иннес с облегчением выскользнула из ресторана, на улице была ночь. Она направилась в сторону парковки, и из группы мужчин, водителей автомобилей, к ней навстречу вышел Андрей.

— Я сейчас подгоню авто, жди там.

Андрей подал авто, открыл перед ней дверцу, помог сесть, и тихонько, не спеша и не задавая вопросов, выехал на улицы ночного города. Некоторое время ехали молча, Иннеса заметила, что он не везет ее домой, а возит ее кругами по ночному городу.

— Спасибо! — поблагодарила его за понимание девушка, — отвези меня к моей подруге, — попросила она его и назвала адрес.

— А твои не заругают?

— Я позвоню маме позже.

— Вижу, что тебе не хочется домой. Понимаю. Ты сегодня особенная, я просто очарован тобой, — начал было Андрей, но Иннеса с умоляющим взглядом пресекла его.

— Андрей, прошу, не надо...

Дважды повторять не нужно было, Андрей чувствовал состояние девушки, ему хотелось как-то помочь ей, развеселить, снять напряжение, но он не знал, как к ней найти подход. Она всячески от него закрывалась.

У подъезда подруги Иннеса поблагодарила еще раз:

— Спасибо! Тебе, наверное, уже нужно домой, поздно ведь. Ты езжай, а я вернусь домой на такси.

— Нет, я буду здесь, хоть до утра. Я не могу бросить тебя одну в городе, не убедившись, что ты вернулась домой, целая и невредимая.

Иннеса улыбнулась, была приятна его забота:

— Ничего со мной не случится, можешь ехать домой.

— Желаю приятно провести время у подруги, — пожелал ей Андрей, давая понять, что он никуда не собирается уезжать.

— Слушай, у тебя что, нет семьи, личной жизни?

— Сегодня нет!

Иннеса вошла в подъезд, и Андрей устроился на сиденье поспать полчаса, пока девушки наговорятся и посплетничают.

Алина, подруга Иннесы, уже собиралась спать, сворачивая страницы интернета, когда в дверь позвонили. Открыв дверь, Алина от восторга воскликнула:

— Обалдеть! Инка, это ты что ли? С ума сойти! Супер! Принцесса, королева красоты, не меньше! Черт возьми, ты ж просто обалденная!

У подруги, в самом деле, не хватало слов описать то, что она увидела. Такой она свою подругу не видела никогда.

— Ну, рассказывай, откуда ты такая красивая нарисовалась?

— Привет Алин, дай хоть войти, а потом уже расспрашивай.

Иннеса только теперь почувствовала, как сильно она устала, и как сильно напряжены ее нервы. Алина была ей близкой подругой, хоть мама постоянно твердила ей, что она не их поля ягода. Ей так приятно было прийти в дом, где ее принимают такой, как она есть, и ничего от нее не требуют. Ведь чем больше требуют от родного человека, тем меньше оставляют ему счастья. Очень бережно нужно обращаться с желаниями и мечтами близких вам людей, возможно, незначительное неодобрение и крылья сломаны... Вот именно такой сейчас чувствовала себя Иннес — птицей со сломанными крыльями.

Алина не унималась, разглядывала свою подругу и осыпала ее восторженными комплиментами. Иннес терпеливо ждала, когда иссякнет поток слов и эмоций, и когда Алина наконец-то позволит ей сказать хоть слово.

Ее подруга была очень симпатичной девушкой, таким красавицам идеальная внешность, словно по мановению волшебной палочки доброй феи, дарится при рождении. Таким девушкам легко дается популярность и везение в обществе сверстников, а, следовательно, и более легкое отношение к проблемам житейским, ибо они не требуют от них нечеловеческих усилий для их решения. Алина была именно такой девушкой, всегда веселая, улыбчивая, никогда не теряющая присутствие духа и оптимизма. Бог не обделил ее ни красотой, ни умом, и только эти два качества ее характера, иногда соревнуясь между собой, создавали ей проблемы.

Когда между двух слов в потоке произносимых Алиной возгласов можно было вставить хотя бы звук, Иннес обняла подругу за плечи, и слегка ее тряхнула:

— Ну, спокойно, все расскажу, не тарихти как погремушка!

— Иннеска, ты же просто модель! Наоми отдыхает! — выдохнула последнюю фразу девушка.

— У меня сегодня был выход в свет! И мне нужно было покорить все общество снобов и злопыхателей.

— Да ты их порвала на молекулы! Это же надо, сменить кроссовки на шпильки, и стала королевной! — с белой завистью сказала подруга,

— Ну кто бы сказал, что я увижу тебя в таком виде, не поверила бы никогда! Ну, ты рассказывай! Пойдем на кухню, хочешь кофе? Или может, — подруга подмигнула Иннесе, — водочки?

— Ты что! — запротестовала Иннес, — Я и так словно пьяная.

— Это звездная болезнь, я знаю. Небось, все офигели от тебя?

Девушки уселись на кухне пить свой ночной кофе, и пока Алина успокаивала эмоции, выкуривая сигарету, Иннеса вкратце рассказала ей события вечера:

— Что самое ужасное, — заключила свой рассказ Иннеса, — мне понравилось все это действие и притворство. Я чувствовала власть над Юрием Федотовичем, понимала, что у меня есть возможность испортить некоторым людям жизнь, стоило только попросить об этом его. Я была словно в чужом теле, чужие мысли в голове. Как думаешь, что это?

— Это значит, что ты поумнела! Я давно говорила тебе, пора брать жизнь в свои руки.

Иннеса подошла к окну, там внизу Андрей покорно ждал ее. Вот интересно, если она до утра будет у Алины, он будет ждать ее?

— А он вообще онемел, когда увидел меня.

— Кто? — не поняла Алина.

— Водитель мой, — разъяснила ей Иннеса, — вот тот очаровашка, что курит возле папиной машины.

— Ух ты! Так, так! Ну-ка колись, ты что, в водителя влюбилась?

— Ты что! Нет, конечно! Хотя он милый, и очень ... — она не могла подобрать нужных слов, — мужественный что ли.

— Познакомь меня с ним! — потребовала хитрая Алина.

— Еще чего!

— Вот, видишь! Я же говорю, что ты запала на него!

— У меня нет сил, что бы спорить с тобой!

— И не нужно спорить, у меня глаз наметан. Ой, Иннеска, — Алина по матерински обняла подругу, — наша Инка влюбилась!

Оправдываться не было смысла.

— Стою тут с тобой, в окно поглядываю, а мне завтра на кастинг, нужно быть как огурчик, свежей и полной сил.

— Ты что, собралась все-таки? Модель ты наша!

— А что? Разве я хуже всех тех крокодилиц?

— Может, мне с тобой пойти?

— Да ну! Твой отец и меня прибьет вместе с тобой! Ладно мне нужно становиться знаменитой, а тебе зачем, ты же и так уже звезда! Вон как прихорошилась и все у ног твоих!

— Ты что, завидуешь?

— Ой, больно надо!

Инна любя прижала к себе свою подругу, пытаясь ее успокоить немного.

— Звезда балета! — пошутила она, и подруги захихикали.

— Ох, и отобью же я у тебя твоего водителя! — не унималась Алина.

— Только попробуй, любвеобильная ты наша! Пойду я, нехорошо заставлять мужчину долго ждать, а то и так лишила его сна и отдыха за последнюю неделю.

— Неужели было дело? — спросила о пикантном Алина.

— Ты что, совсем уже с ума сошла!

— А что? — возмутилась подруга, — я бы не тянула с этим.

— Давай уже, иди, огурчик, спать! А то завтра не понравишься Кутюрье! И не думай идти без меня!

— Инка, ты чё, впрямь собралась со мной?

— А то! — убедительно заверила Иннеса, — думаешь, нет шанса?

— Шанса? Да ты себя видела сегодня?

— Ну, тогда до завтра, я заеду за тобой.

Подруги распрощались у дверей, и Иннеса вернулась к Андрею, который почти что уснул в машине, ожидая ее. Иннеса улыбалась, рассматривая его через стекло, потом легонько пробарабанила по стеклу, чтобы разбудить его. Андрей мгновенно среагировал, вышел открыть ей дверь, и когда она садилась в автомобиль, накинул ей на плечи свою куртку. Иннеса уселась и укуталась в нее как в одеяло. От куртки пахло сигаретами, бензином, мужской туалетной водой. Ей показался очень приятным этот запах. Это всколыхнуло в ее душе волну приятных ощущений, женское сердечко забилося трепетно и часто. Она украдкой вдохнула аромат, и спрятала улыбку, хотя Андрей и так все понял. Ему так хотелось обнять эту девочку, но он побоялся испортить этот невинный момент счастья.

Андрей упорно молчал, Иннесе же так не хватало его слов и внимания, ее глаза блестели удивительным светом шалости и озорства. Но это никак не действовало на Андрея, здраво и зрело мыслящего, по крайней мере, в этом он хотел сам себя убедить, каждый раз цепляясь взглядом за оголенное плечо, или коленку, или удивительно нежный локон волос у шеи девушки, ее удивительно нежные губы, ложбинку груди...

Эта ночь показалась Иннесе самой длинной и загадочной в ее жизни, потому что она совсем не могла понять своих чувств и себя. Наверное, так часто случается с теми, кто не задумывается над тем, как и зачем живет, поэтому все, что происходит с ними в жизни, напоминает суету и метание из крайности в крайность. Она так сильно хотела нравиться родителям, так долго старалась жить по схеме, которую навязывали ей. Утешало одно — она по-настоящему никогда не поддавалась всеобщей стандартизации сознания и всегда любила, забравшись в укромный уголок, отправляясь в укромный уголок памяти и долго думать и мечтать над тем, что когда-то было заброшено в память, на дальнюю полку, как ненужное.

Глаза слипались от усталости, а завтра ведь предстояло свершить переворот в сознании и жизни, доказать самой себе и всем, что она может и хочет идти своим путем. Между сном и явью Иннеса видела голубую свою мечту, которая шла ей навстречу в прекрасном сине-голубом платье. Громкий сигнал автомобиля мгновенно вернул ее из мира сна. Очевидно, Андрей устал, или засмотрелся на нее спящую и чуть не попал в аварийную ситуацию.

— Прости, если напугал.

— Ничего, я даже не успела понять, что происходит.

— Вот так обычно и бывает, что даже не успеваешь понять, что случилось.

— Наверное, страшно умереть, не успев понять, что ты умер.

— С чего ты взяла? — улыбаясь, ответил Андрей. — Так даже лучше!

— Да ладно! А как же исповедь и все такое...

— Глупости, иногда и «здрате» смерти не успеваешь сказать, а уже на небесах!

От этого разговора Иннесе стало еще холоднее, Андрей поправил на ней куртку, чувствуя под тканью теплое тело девушки, Андрей с трудом сумел сосредоточиться на главном — на дороге.

— Да ты не переживай, у тебя впереди долгая и счастливая жизнь!

Долгая и счастливая! Кто может это знать наверняка? Человек предполагает, а Бог располагает... Так было всегда и во все времена, пока живем, не ценим жизнь, но стоит прикоснуться к грани — мы, если повезет, выносим правильный урок ценностей.

КРУГИ НА ВОДЕ...

* * *

Утро следующего дня не предвещало ничего плохого. Светлана ждала дочь к завтраку, когда Иннес спустилась, второпях поцеловала маму:

— Мам, доброе утро, я сегодня ужасно тороплюсь и буду поздно, скажи папе пусть не переживает, и я сегодня Андрея попрошу отвезти меня.

— Я ждала, необходимо поговорить с тобой, — остановила ее мама.

— Я опоздаю на кастинг, давай вечером поговорим.

— Какой еще кастинг? — настороженно спросила мать.

— Ну, мама, не спрашивай, а то не получится задуманное.

— Ты мне это брось! Ты что удумала? Какой кастинг, тебе нужно уже давно в институт поступать!

— Я не хочу в институт, уже в мире и так достаточно несчастных инженеров, романтических юристов и маниакально-депрессивных управленцев!

— Да, миру не хватает распутных девиц раскидывающих ноги по подиуму!

— Да, мама, да! Этого миру не хватает! Потому что это не то, что «должно».

— Ты сума сошла! Что я скажу отцу?

— Ничего не говори, или скажи правду — его дочь будет манекенщицей!

— Ну-ка, выбрось это из головы!

В ответ Иннеса хлопнула дверью...

А все так хорошо начиналось, Светлана тяжело опустилась в кресло, чашка с кофе на блюде, что она держала, дребезжала, от волнения руки дрожали, и сердце бешено билось... Предчувствие чего-то очень нехорошего охладило душу, а чувства ее никогда не подводили.

На кастинг сошлось тысячу красавиц со всего города и его окрестностей, Иннесе с Алиной достались номерки за сотню...

— Нам к ночи не попасть внутрь! — причитала Алина.

Иннеса только вздыхала в ответ.

— В составе жури, кроме метра, еще и Алекс, Боже, как я его обожаю!

— Кто такой Алекс? — удивилась Иннеса.

— Ну, ты даешь! Звезда эстрады, любимчик публики, дитя шоу-бизнеса!

Иннеса только улыбнулась в ответ. Она не придавала значения шоу бизнесу, и шоу вообще до этого дня ее не интересовали. Судя по всему, теперь придется всему учиться у Алины.

В этот момент Иннеса, не веря своим глазам, увидела в холле Юрия Федотовича. И не успела предпринять попыток спрятаться за подругу, как он ее заметил. Он и еще один молодой человек направились к ней.

— Иннес, какая встреча! Прошлым вечером я был огорчен твоим бегством от меня!

Тем временем Алина словно увидела приведение, смотрела на спутника Юрия, и, не сводя с него взгляд, всем видом пыталась привлечь к себе внимание.

— Я должна была уйти, — ответила Иннес, поспешно пряча номерок места в очереди.

— Ты пришла на кастинг?

— Да, — смущаясь, призналась Иннеса.

Юрий без церемоний взял девушку за руку и увлек за собой. Алина едва поспежала за ними, естественно, не собираясь отставать ни на шаг. Он завел их в зал, где просматривались уже первые претендентки, и Алина почти взвизгнула, видя своего кумира — Алекса, с расстояния в пару метров. Они заняли свободные места, в то время как Юрий занял свободное место в жюри и стал о чем-то разговаривать с членами жюри. Алина же форсировала события и уже вовсю любезничала с другом Юрия. Иннеса плохо понимала, что происходит, в голове смешались все мысли, Алинино поведение выводило ее из себя, ей захотелось поскорее покинуть это место. Юрий подозвал Иннес к себе:

— Та симпатичная блондинка с тобой?

— Да, это моя подруга Алина.

— Вот и чудненько, — откровенно поглощая взглядом девушку сказал Юрий, — и ее тоже внесите в список конкурсанток, — уже членам жюри сказал Юрий.

Иннеса автоматически назвала имя подруги, раздражаясь от того, как смотрит на нее «звезда эстрады». Это заметил Юрий, и не двусмысленно дал понять юноше, что его работа только началась и следует внимательно смотреть на сцену, где девушки блистали талантами.

Когда вернулись к оставленной на минуту Алине, то увидели, как она нежно держит под руку приятеля Юрия, с которым он пришел сюда.

— Знакомься, — предложил Юрий Иннесе, — Станислав, продюсер Алекса и нашего конкурса.

— Очень приятно, — ответила Иннес, стараясь не замечать торжествующего взгляда подруги, — Иннеса, а это моя подруга Алина!

Юрий Федотович казался весьма довольным, несмотря на смущение Иннесы, он рвался в бой, очевидно, что он многое ожидал от этой встречи. И, прежде всего, радовался тому, что смог заполучить определенный лимит снисхождения от Иннесы. Он демонстративно снял с руки девушки наклейку с номером и бросил ее на пол:

— Это уже тебе не понадобится, я уже внес тебя и твою очаровательную подругу в список конкурсанток.

— О, спасибо Вам! — запрыгала от радости Алина, Иннеса же даже не кивнула головой в знак благодарности.

В этом мире уже давно ничего не делается даром. Слово дар чаще произносят со смыслом «подношения». Времена, когда даровали от чистого сердца и ничего не требовали в замен, ушли в Лету. И, наверное, уже их не вернуть. Хотя, как и все в этой жизни, зависит от наших помыслов и желаний. Естественный обмен — ты мне, я тебе... Иногда на чашу весов человек с легкостью сложит самое дорогое для него, лишь бы заполучить то самое заветное, но, как потом выясняется, такой неравноценный обмен никогда не приносит удовлетворения, только полную зависимость. И когда не остается того, что дорого и ценно в человеке, зачем тогда нужно заветное?

— Ну что ж, дорогие мои друзья, — перебивая размышления Иннесы, сказал Юрий, — я предлагаю сегодня продолжить день приятными неожиданностями, и коль я вас, дорогие девушки, избавил от стояния в очереди, то вы должны мне все это высвободившееся время. Станислав, предлагаю провести девушек в примерную к тебе, ты обязательно напишешь им пригласительные на сегодняшний концерт Алекса, и пока я буду решать организационные вопросы с администрацией, сделай так, чтобы девушки не скучали. И еще, — добавил Юрий, — позвони моему шеф-повару, пусть готовится к нашему приезду.

— Я не знаю, стоит ли нам отвлекать вас от работы, возможно у вас есть дела поважнее? — запротестовала Иннеса.

— Что может быть важнее! Разве мог я надеяться сегодня, что мне так негаданно повезет встретить тебя, Иннес, в таком месте, и так кстати! — неприятно улыбаясь, и не позволяя принять слова девушки в серьез, сказал Юрий.

— Инка, ты что, мы бы все равно весь день потратили на ожидание, раз уж так нам повезло, грех отказываться!

Иннеса укоризненно посмотрела на подругу, да что с нее взять, у нее на уме один гламур!

Что значит грех? Как найти определение тому, что по сути своей не имеет его. Грех — это противоестественное поведение человека, это преступление против Любви. Но во все времена люди определяли для себя сами, что есть для них естественность и Любовь. В столь юном возрасте молодые люди верят на слово, что есть грех, и так постепенно привыкают к чужим грехам, что, не ведая своих, оправдывают свою противоестественность правилами и укоряют себя за естественность, которая выходит за рамки этих правил!

Вся компания направилась в закулисную часть зала, Юрий через несколько минут отправился решать проблемы, а Станислав отошел позвонить шеф-повару.

— Алина! — набросилась на подругу Иннеса, — ты как маленькая, не понимаешь что ли, что в этом мире ничего просто так, даром, не делается?

— Не преувеличивай! А ты что думаешь, среди всех этих «тел», — огрызнулась Алина, — у нас будет шанс всплыть в десятку первых?

— В сотню! — поправила ее подруга.

— Вот именно! Сотню! А нас уже записали, если не будешь дурой, будешь, если не «мисс», так «вице-мисс»!

— Ты можешь делать, что тебе хочется, но я не иду с вами.

Алина перевела дух, она понимала, что Иннеса — ее билет в счастливое будущее, и не могла теперь позволить своей подруге все испортить.

— Я прошу тебя, ну, Инусечка, пожалуйста, сделай для меня исключение, не отказывайся от приглашения, я же не могу без тебя, они не правильно поймут. Это же Стас, он лучший продюсер шоу бизнеса.

— Боже, Алина, он лысый, на много тебя старше, и у него таких как ты полный вестибюль этого театра!!!

— И что из этого, но именно я в его гримерке! А не они!

— Хорошо, ради тебя я стерплю один день. Может, ты и права, это шанс, возможно Юрий уговорит моего отца отнестись к этому по другому, и мне не придется вечно его уговаривать разрешить мне участвовать в этом конкурсе.

Вернулся Станислав, Алина полностью заняла его собой, а Иннеса села в кресло в углу комнаты. Сказывалась бессонная ночь, клонило в сон, мысли о предстоящем объяснении с отцом удручали ее. Где-то в глубине сознания она сомневалась, не ошибается ли в выборе своего пути, не будет ли ошибкой ее решение... Наверняка рано или поздно каждый человек делает подобный важный выбор, и переживает на счет своего решения, но только решившись можно знать, к чему приведет выбранная дорога, потому как если не следовать по ней, то и к цели так и не приблизишься. Уж лучше пусть окольными путями, но следовать к мечте. А мечта у Иннесы была простая — доказать всем, что она способна ставить перед собой цели и добиваться их исполнения. А вот всем ли, или себе самой доказать — вот это было едва ли понятно!

Иннеса вышла к Андрею, он ждал ее.

Она молча села на сиденье и посмотрела ему в глаза. В этот момент ей меньше всего хотелось говорить о чем-то. Андрей тоже понимал, что сейчас в душе девушки происходило что-то невероятное. Это отражалось во взгляде ее красивых глаз!

— Ну как, красавица, приняли тебя?

— Угу, — кивнула Иннеса, — появился добрый дядя и все уладил, меня с Алиной уже зачислили в конкурсанти, думаю, и дальше все будет как по маслу. Нужно будет только придерживаться определенных правил.

— Знаю я эти правила! Я бы на твоём месте не стал в этом участвовать!

— Ты же не на моём месте!

Андрей взял ее за руку и заглянул в глаза. Девушка не казалась счастливой.

— Ты уверена, что тебе это нужно?

— Уверена, — ответила она, — не забирая руки, она смотрела в глаза парню, — я должна.

— Не говори глупостей, сама понимаешь, что в этом шоу-бизнесе ломают таких монстров, что ты просто букашка. И даже твой папа ничего не сможет сделать!

— Да причем тут папа! Я сама должна понимать!

— Ты зря все это затеяла! Я сейчас же отвезу тебя домой.

— Даже не смей! — запротестовала Иннеса, стараясь высвободить свою руку, но Андрей не пускал ее.

Девушка старалась высвободиться, но сильные руки Андрея удерживали ее без особого труда. В конце концов он не выдержал и прижал девушку к своей груди и успокоил ее долгим поцелуем.

От неожиданности Иннеса не сопротивлялась, в растерянности поддалась неожиданной ласке.

— Я не брошу тебя здесь, на растерзание этим стервятникам, — прошептал он.

— Отпусти, — услышал в ответ.

Иннеса вернулась в гримерку, там уже был и Алекс и Юрий, все ожидали ее. И веселая компания направилась достойно проводить время, как привыкли проводить время звезды. На выходе из театра Иннеса заметила, что Андрей не уехал, а последовал за их автомобилем. Сперва она злилась, а потом даже порадовалась тому, что он так верно следует за ней. Она мимо воли коснулась губ, вспоминая поцелуй, и сердце сбилось с ритма, она ловила себя на мысли, что придала этому большее значение, чем ей казалось.

Юрий был безмерно рад, что события разворачивались подобным образом, ему было важно добиться признания этой молодой и строптивой девушки, тем более что она была выгодной партией во всех отношениях. И ему не терпелось поскорее установить приемлемые правила игры, и при удобном случае он сразу заговорил об этом:

— Инночка, — глядя в глаза девушке, начал он, — ты понимаешь, что если захочешь, то я смогу организовать тебе победу не только в этом конкурсе, а и вообще во всех, которые только будут устраиваться в городе?

— И конечно, просто моего хотения мало, и нужно будет хорошо тебя об этом попросить?

— Правильно думаешь! Но я так же готов к тому, чтобы рисковать.

— Я не прошу пока ни о чем, потому как не знаю еще истинной причины твоей щедрости. И даже когда узнаю, я еще подумаю. Я же не мой отец, у меня нет с тобой никаких общих дел.

— Ты не пожалеешь о вложениях в наше общее дело! — с намеком предупредил Юрий.

— Что ты хочешь? — прямо спросила Иннеса.

— Все хочу, тебя хочу, и готов ради этого постараться, если у меня будут гарантии.

— Какие гарантии? — с усмешкой спросила девушка, возмущенная цинизмом собеседника.

— Я устраиваю все лучшим образом, а ты устраиваешь меня!

Иннеса почувствовала вызов в его словах. Она не хотела ничего отвечать ему сейчас.

Продолжение вечера было в концертном зале на концерте Алекса, и снова Андрей преданно следовал за Иннесой, со стороны наблюдая за происходящим. В этот день, приобщившись к обществу шоуменов, девушке начало нравиться ощущение избранности, когда перед ними были открыты все двери, в то время как все остальные довольствовались лишь созерцанием со стороны. Это был особый мир, со своими принципами и законами, казалось, все здесь подчинено иным правилам и устоям.

С каждой минутой приближалось время разговора с отцом. Юрий предложил отвезти ее домой, но, конечно, Андрей стоял и ждал ее.

— Я поеду на своей машине, меня ждет водитель.

Юрий удивился:

— Он что, весь день за нами колесил?

Иннеса промолчала, что ей было ему сказать.

— Хотя ему, конечно же, за это деньги платят.

Она позволила поцеловать ей руку на прощание, и поспешила в машину.

Андрей был молчалив, выглядел злым, и ему явно не понравилось, то, как Юрий целовал руку девушке.

— Что это за клоун?

— Это Юрий Федотович Шрамков! Акула еще та!

— Это тот, что весь игорный бизнес города держит под своим колпаком?

— Да и не только, все, что связано с развлечениями, это его прибыль!

— Ты не должна стремиться к такой компании!

— Это еще почему? — удивилась его требованию девушка.

Андрей ласково посмотрел на нее, в его взгляде было столько тепла и нежности:

— Ты не такая как они, солнышко!

— Такая или не такая, но я должна искать свое место в этом мире.

Мысли неслись со скоростью урагана, в голове девушки возникало больше вопросов, нежели ответов, ей были непонятны даже собственные мотивы и стремления. Этот водоворот уносил ее прочь от разумных выводов, а присутствие рядом Андрея делало ее вообще не способной думать. Она понимала, что этот мужчина все больше проникает в ее мысли, душу и сердце. И что самое ужасное — Андрей, кажется, видел это и тоже не мог сдерживать своих чувств.

Въехали во двор дома, было поздно, в окнах родительской комнаты свет не светился, домашние, казалось, уже спят:

— Спасибо тебе, что ты сегодня весь день был рядом и не выпускал меня из виду. Я сначала злилась, а потом даже обрадовалась, что у меня есть ты, и ты не бросил меня.

Вместо ответа Андрей ласково обнял девушку и поцеловал ее. И Иннеса в этот раз не сопротивлялась, да и поцелуй был не со страстью как в прошлый раз, а с нежностью. Он будто успокаивал ее, чувствуя, что она сейчас на грани срыва.

— Нужно идти. Наверное, не простой разговор будет у меня с отцом, а у меня уже и сил-то нет что-то доказывать.

— Ты не доказывай, сама ведь еще не разобралась! — сказал Андрей, заглядывая в глаза девушки.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю... — вздыхая ответил он, — когда человек уверен в том, что он делает, его глаза светятся внутренним огнем, и люди, видя этот огонь, верят ему. У тебя нет этого огонька...

— Он будет! Вот увидишь, будет обязательно, мне просто нужно во всем разобраться и понять, что делать дальше.

Андрей вышел из машины, открыл дверцу и еще раз обнял уставшую девушку. Все это время у окна родительской спальни стоял и наблюдал за происходящим отец Иннесы. Он со злостью допил свой коньяк из бокала и направился навстречу дочери.

Иннеса увидела отца, спускающегося по лестнице, и поняла, что пройти незамеченной ей не удастся.

— Привет, пап, — сказала дочка, с ужасом думая о том, что их невинный поцелуй с Андреем наверняка был им замечен.

— Ты сейчас пойдешь в свою комнату, а завтра утром я постараюсь выслушать тебя, и все, что ты мне скажешь, надеюсь, не сильно огорчит меня. В противном случае я вынужден буду предпринять меры и устранить свои промахи в твоём воспитании.

— Не поздно ли, пап, ты собрался меня воспитывать?

— Вон в свою комнату! — впервые в жизни заорал на свою дочь Анатолий Викторович.

Иннеса проследовала мимо отца без страха в глазах, и это очень не понравилось отцу. В душе девушки уверенно формировался протест.

— Я выбью дурь из твоей симпатичной головки! — сказал сам для себя отец семейства и направился в кухню, чтобы позвонить охраннику.

— Я вам позажимаюсь в машине, — продолжал свой монолог Анатолий, — дура малолетняя, и тот, козел, совсем головы не имеет.

Он позвонил охраннику, и когда тот пришел, без вступления начал давать ему распоряжения:

— Возьми ребят, и съезди за ним, и объясни этому козлу, что происходит с теми, кто зажимается с хозяйскими дочками! Больше его не пускать, чтобы духу его здесь больше не было! Машину в гараж, завтра Инку не выпускать, и никого не пускать к ней!

— Будет сделано, — утвердительно сказал парень очень крепкого телосложения, — насколько доходчиво объяснять пареньку политику партии?

— Чтобы запомнил на всю жизнь! — заорал раздосадованный папаша, — но так, что б помнил, а не последние мысли, сильно там не переусердствуйте! — добавил он.

Охранник поспешил выполнять поручение, а Анатолий налил себе еще коньяку и тут заметил в дверном проеме свою жену, которая стояла, молча прислонившись к дверному косяку. Анатолий не видел выражения ее лица и глаз из-за слабого освещения в гостиной, но внутренне был рад этому, сейчас ему не хотелось видеть приговора ее взгляда.

— Давно здесь стоишь? — спросил ее муж.

— Достаточно... — дрожащим голосом ответила жена.

— Иди спать! — заорал и на нее тоже Анатолий.

Светлана послушно ушла, сдерживая слезы и отчаяние, она остановилась у комнаты своей дочери и прислушалась. За дверью было тихо, ни слез, ни слов протеста, как это бывало раньше, ни звука. «Это плохой знак!» — подумала мать, сердцем чуя, что не к добру это все.

Иннеса лежала одетая, поперек кровати, и бессмысленно смотрела в потолок, и думать не было сил. В голове гудело от усталости, звуки концертных динамиков, казалось, еще звучали в ушах, но громче всего стучало ее сердце при мысли об Андрее. Она уснула тяжелым сном без сновидений, и ничего не предвещало беды.

Утром, приняв душ и уверенный вид, Иннеса спустилась в гостиную. Родители уже ждали ее там. Отец первым начал задавать вопросы, и долго выслушивал все, что рассказывала его дочь о своих решениях, о том, как она видит свое будущее. Как и предполагала Иннеса, он не стал дослушивать ее до конца, и тут же потребовал выбросить все из головы и полностью подчиниться его требованиям.

— Я не считаю твои требования пригодными для меня! Почему ты решил, что можешь все решать за меня?

— Потому что, как увидел я вчера, у тебя своих мозгов нет, ты способен только с мужичьем в машинах зажиматься! Да еще с кем, с водителем, которому я плачу деньги!

Иннеса почувствовала, как ее бросило в жар, аргументам не хватало слов, она задышалась от злости!

— На что я способна, лучше вам не знать! Я прошу вас, дорогие мои родители, не нужно провоцировать меня!

— С сегодняшнего дня ты под домашним арестом, а ты, Светлана, — обратился он к жене, — постарайся объяснить этой вертихвостке, своей дочери, как нужно вести себя приличным девушкам! Не для того я душу выкладываю на работе, чтобы дочка моя проституткой стала, под твоим неусыпным контролем!

Иннеса почувствовала, как земля уходит из-под ног, ее родной отец, которого она так любила и уважала, уничтожал ее. Его слова раскаленным железом жгли ее сердце, она посмотрела на мать, но не увидела в ее глазах поддержки, скорее наоборот — осуждение и полное согласие с отцом. Мать, казалось, не заметила, как побледнела дочка, каким удрученным стал ее взгляд, только и бросила в лицо своему мужу:

— Это ты разбаловал ее! Ты не позволял мне воспитывать ее как следует!

И родители перешли на выяснение отношений, в то время как у их дочери зеркальная гладь ее души покрывалась волнами, какими покрывается гладь озера от брошенного в него камня! И эти волны захлестывали здравый смысл, топили любовь и уважение к родителям, и больше не отражали безоблачных небес чистой души Иннесы.

Иннеса выбежала из дома, не зная, что ей предпринять. Стала искать глазами Андрея, но в группе стоявших у гаража мужчин его не оказалось. Ей было необходимо поговорить хоть с кем-нибудь, уйти из этого дома, раствориться в пространстве, умереть, исчезнуть...

Водитель отца, как-то странно на нее посмотрел, Иннеса заметила, что и другие мужчины не по-доброму смотрят на нее, начальник охраны ехидно ухмылялся.

— Где он? — истерически спросила девушка.

— Не ищи, его нет. Что вы там вчера сотворили? Твой отец распорядился его больше не пускать сюда, — ответил дядя Вася, водитель отца.

— Пришлось еще и рассказывать пареньку, что он не прав! — добавил начальник охраны.

И дядя Вася с укором посмотрел на девушку, взял ее за руку и отвел в сторону.

— Оставь парня в покое, ему и так досталось!

Иннеса лихорадочно соображала, и мысль о том, что ее отец отомстил Андрею за его вчерашнюю нежность к ней, пригвоздила ее к ме-

сту. Она вцепилась в руку мужчины, который пытался проводить ее в дом, и с очень уверенным блеском в глазах потребовала:

— Сейчас же отвезите меня к нему!

Очевидно, что ее блеск был тем самый, в который верят люди, дядя Вася послушно пошел к машине, хоть и понимал, что нарушает приказ своего работодателя, но иначе он поступить не мог, да и не хотел. Через четверть часа Иннеса ворвалась в квартиру Андрея и увидев его избитого до полусмерти, с искореженным лицом и перебинтованной ногой, лежащим в кровати, просто потеряла дар речи. Какая-то женщина кричала на нее и говорила обидные слова, Андрей с трудом мог говорить:

— Зачем ты привез ее сюда? — ругал он Виктора, своего приятеля и наставника, водителя отца Иннесы. — Да замолчи ты Наташка, не видишь ей и так не сладко, — просил он свою сестру, которая во всем винила Иннесу.

Иннеса плакала, безмолвно, без слов и стенаний. Не в силах видеть избитого Андрея, она вернулась в машину:

— Отвезите меня к управлению!

Водитель послушно завел двигатель и поехал к месту назначения, очевидно, что это была его последняя поездка в этой должности.

О чем думала сидящая рядом в слезах девушка, вздрагивающая всем телом и отважно старающаяся взять себя в руки? Даже выдавшему жизнь водителю мешали сейчас трезво мыслить эмоции.

— Не горячись, девочка! Погоди, потерпи, все образуется!

— Черта с два все образуется! — вспыхнула Иннеса, — я все сама устрою! Не буду сидеть и ждать!

Они приехали к офису Юрия, и Иннеса решительным шагом направилась к нему в кабинет, и застала его в дверях приемной.

— Я согласна! — сказала девушка, и все кто находился в комнате, недоуменно переглянулись.

Владимир Василик

ПОЧЕМУ ИСТИНА — В ПРАВОСЛАВИИ?

Человек — по своей природе существо, стремящееся к Абсолюту, к бесконечности. Он испытывает постоянное стремление к счастью и зачастую пытается насытить его в своих временных желаниях, земных страстях. Более возвышенные натуры ищут удовлетворения в работе, творчестве, искусстве. Но все это по большому счету не удовлетворяет человека. Никогда ему не сказать вместе с героем Гете «Остановись, мгновенье, ты прекрасно», если он не найдет своего успокоения в Боге. Как замечательно сказал блаженный Августин: «Ибо для Себя создал нас Бог и мятется сердце наше, пока не успокоится в Нем». Почему вокруг нас столько несчастных людей, столько пьяниц и наркоманов? Ответ парадоксален: они ищут Абсолют, не находя Бога, или не желая его найти. Свою жажду абсолютного они переносят на низменные предметы (например — на водку «Абсолют») и зачастую это служит причиной их гибели. Но Бог — источник истины, жизни и спасения. «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Иоанн. 11) говорит Христос.

Нет другого Имени, Которым можно спастись.

У человека, столкнувшегося с множеством различных религий, может возникнуть вопрос: какая же из них истинная, и где пребывает Бог? Тот же самый вопрос тысячу с небольшим лет тому назад встал перед святым князем Владимиром и его послами. Русь пребывала в язычестве или многобожии,

рядом с ней на востоке находились государства, принявшие иудаизм (Хазария), или ислам (Волжская Булгария), на Западе — католические Польша и Германия. Почему все же русские приняли православие от Византии? Решающим аргументом явилась красота церковная: «Когда мы были в Церкви, то не знали где находимся на небе или на земле. Знаем одно, что Бог пребывает с ними».

И действительно, идея красоты звучна русской славянской душе.

«Красота спасет мир», — пророчески говорил Ф. М. Достоевский.

Но в мире Божественном красота неотделима от истины, силы, добра и любви.

О движении человека к Божественному Совершенству прекрасно рассуждает святитель Григорий Нисский († ок. 394): «Душе свойственно движение к красоте. Кто очистит душу хотя бы немного, тот в природе ее во всей чистоте увидит любовь Бога к нам и намерение, какое Он имел при создании ее. Ибо он найдет, что с самой сущностью и природой человека сопряжены стремление к добру и совершенству, любовь к духовному и блаженному Образу, которого человек есть подобие. У добродетели один предел к совершенству — не иметь предела. Небезопасна остановка в этом движении, ибо всякое добро ограничивается только своей противоположностью. Как конец жизни есть начало смерти, так и остановка в пути добродетели — начало движения к пороку».

В мыслях святого отца значимо многое: во-первых — связывание Кра-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

соты с любовью, добром и совершенством. Во-вторых, движение к Богу должно быть бесконечным и безостановочным. Это постоянный рост, подобный профессиональному. Если специалист сказал себе, что он все знает и умеет, всего достиг, он кончился как профессионал. Точно также верующий человек подходит к краху, если он считает, что достиг совершенства. Во многом это объясняет смысл смирения — понимания своего несовершенства, являющегося мощным стимулом к дальнейшему развитию. В-третьих, условием Богопознания является чистота сердечная. Не случайно, в Евангелии от Матфея сказано: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 9). Характерен ответ святого отца древней Церкви Феофила Антиохийского (†180) на вопрос «Покажи мне своего Бога». «Я говорю тебе: покажи мне своего человека — не пьяница ли ты, не вор, не блудник...». Как это актуально сейчас: сколько люди нечистой и несправедливой жизни спрашивают христиан, часто глумливо и насмешливо: Где Бог ваш?

Хочется их спросить в ответ: а где вы сами? Вы давно себя потеряли, зарыли в куче вещей, утопили в морях алкоголя, распылили в табачных облаках! Постарайтесь найти себя и тогда вы, может быть, найдете Бога.

В-четвертых, человек потому может познавать Бога, что сам он создан по образу и подобию Божию. Подобное познается подобным. Именно потому человек — прибор, нацеленный на бесконечность, что таким он был создан. Другое дело, что человек создан так, что он может самонастраиваться — или на благую, или на дурную бесконечность.

Подведем итоги.

Итак, Богопознание становится возможным потому, что человек создан по образу Божию. Условиями Богопознания являются врожденное

стремление к Бесконечному, любовь к абсолютной Красоте, Добру и Благу, смирение и чистота сердечная.

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Великий философ и ученый Блез Паскаль однажды услышал внутренний голос, который он пережил как откровение: «Я — Бог Авраама, Исаака и Иакова, а не Бог философов и ученых». И это действительно так: Бог — не модель ученых, не конструкция философов, призванная объяснить строение и происхождение мира, а живое, личностное Существо, которое открывается человеку. «Не вы меня избрали, а Я вас избрал», — говорит Христос своим ученикам. Это фундаментально важно: не человек изобретает Бога для объяснения или прикрытия своих трудностей, а Бог создает человека, ведет его по жизни и открывается ему.

Существует два типа откровения — естественное и сверхъестественное. Естественное откровение связано с познанием Бога через окружающий мир, социальный и личный опыт человека. Красота мира, его гармоничность, целесообразность, наконец, самый факт его существования, говорят о Боге как о Творце, Который «все премудростью сотворил» (Пс. 103). Подобное откровение было и есть доступно всем людям, в том числе и язычникам и атеистам. Как прекрасно говорит апостол Павел: «Все, что возможно знать о Боге, явно для них. Ибо невидимое его, вечная сила и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1, 19-20). Это прекрасно понимали великие ученые, писатели и поэты.

Стоит вспомнить хотя бы великого русского ученого М.В. Ломоносова.

В «утреннем размышлении о величестве Божиим» он пишет:

Творец, покрытому мне тьмою
Пролей премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, Небесный Царь.

В «Вечернем размышлении» он говорит:

Неведом твари нам конец,
Скажите ж, сколь велик Творец.

Чувство восхищения перед богозданным миром, его красотой, глубиной, тайнами и поиск его Творца происходили и под гнетом государственного атеизма, зачастую в обстоятельствах чрезвычайных, в том числе во время Великой Отечественной войны.

Вспоминаются стихи простого русского солдата Андрея Зацепы, убитого в 1942 году, которые найдены были в его шинели:

Послушай, Бог, с Тобой ни разу в жизни
Еще не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
Что нет Тебя, и я, дурак, поверил,
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
Каким жестоким может быть обман.

Итак, красота и гармоничность мира приводит к богопознанию... Однако не только это, но и сам вопрос: откуда взялся окружающий мир и почему он существует, иными словами — вопрос о причине и бытии окружающего мира. Существует ли он сам по себе, или был Кем-то создан? Если мир существует сам по себе, то по идее он должен обладать вечностью

и неизменностью. Ни того, ни другого в существующей Вселенной мы не видим. Современная наука определяет возраст Вселенной в 15 миллиардов лет: число большое, но конечное. Мир находится в постоянном движении и изменении, поэтому он не может быть ни вечным, ни неизменным. Следовательно, его Кто-то создал.

Иногда задают вопрос: а кто создал Бога? Вопрос лишен смысла: Бог является Существом совершенным, а, следовательно, самодостаточным и поэтому не нуждается в каком-то творце для Себя.

Следующая возможность богопознания — созерцание путей Бога в истории, как во всемирной и российской, так и в судьбе отдельных людей. Достаточно вспомнить целый ряд событий в жизни нашего общего Отечества, чтобы понять: Божественный промысел действует в истории. Всего лишь один частный пример: в 1941 году внезапные октябрьские морозы остановили немецкие танки, готовившиеся после разгрома Западного фронта ринуться на незащищенную Москву. Конечно, далеко не сразу и далеко не все пути Промысла Божия становятся для нас понятны, и это естественно. Сам Бог говорит через пророка Исаию: «Мои мысли — не ваши мысли. Мои пути — не ваши пути». Божественный Промысел взаимодействует с волей человеческой и обладает удивительным свойством превращать человеческое зло в Божественное добро. Например, Великая Отечественная война явилась грандиозной трагедией для нашей страны, но, благодаря ей, высвободились нравственные силы нашего народа, произошло его духовное возрождение, восстановилась Русская Православная Церковь.

Еще один путь богопознания — созерцание души человеческой. О свидетельстве души замечательно сказал

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

раннехристианский писатель Тертуллиан: «Хотя душа и заключена в тело как в темницу, хотя и помрачена извращенными учениями, хотя и лишена бодрости благодаря страстям и похотям, однако, когда приходит в себя, как бы освобождаясь от опьянения или сна, или болезни, то произносит имя “Бог”. Все говорят: “Бог даст, Никто как Бог”. Душа свидетельствует о Нем как о судье, когда говорит: “Бог видит, вручаю Богу, Бог воздаст мне”. Вот свидетельство души, по природе христианки! Она конечно знает жилище Бога живого: от Него и оттуда она снизошла» (Апология. 17).

Вторая производная этого пути — знакомство с произведениями великих мыслителей, поэтов, писателей, художников, композиторов, ученых, которые искали Бога в своем творчестве.

Очень многие пришли к Православию благодаря чтению великих русских православных писателей и мыслителей — Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Ивана Шмелева, Ивана Ильина, знакомству с живописными шедеврами Сурикова и Нестерова, музыкой Мусоргского и Римского-Корсакова.

Временами эти способы богопознания соединяются. Великий немецкий философ Иммануил Кант говорил: «Две вещи говорят мне о Боге: звездное небо надо мной, нравственный императив (или нравственное чувство) во мне».

Все это можно причислить к естественному способу откровения. Но существует и другой — сверхъестественный, когда человеку является Сам Бог, или Его Ангелы, или Его святые. Священная история Ветхого и Нового Завета исполнена подобными видениями, начиная от беседы Бога с Адамом в раю, «лицом к лицу», и кончая пророческими видениями св. Иоанна Богослова о будущих судьбах мира. История Церкви также знает множе-

ство явлений Пресвятой Богородицы, Ангелов и святых, а преподобный Александр Свирский, подобно патриарху Аврааму, удостоился видения Самой Пресвятой Троицы. Однако сверхъестественное откровение может приходиться не только в виде видений, но и через невидимое внушение Божественной благодати.

Есть и пограничный способ между сверхъестественным и естественным откровением: это чтение священных книг. Прежде всего к ним относится Священное Писание или Библия, состоящая из книг Ветхого и Нового Завета. Ветхий Завет называется так потому, что он старше Нового, а также потому, что многие его предписания оказались отмененными пришествием Христа и заключением Им Нового Завета между Богом и людьми. Это не значит, что мы не должны ему внимать, ибо Христос «не нарушить пришел закон, но исполнить» (Мф. 5, 17). Ветхий Завет состоит из пяти книг Моисея (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), книг исторических, учительных, пророческих (особенно значимы книги пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила). Для православного человека особенно важна книга Псалтирь, или книга псалмов (то есть песнопений) благодаря ее пророческому значению, ведь по выражению блаженного Августина «в Псалтири молятся, скорбят и радуются сам Господь Иисус Христос и Его Церковь». Однако гораздо большим значением обладает Новый Завет. Он содержит четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), повествующие о жизни, проповеди, чудесах, смерти и воскресении Самого Господа нашего Иисуса Христа, затем — Деяния Апостолов — это история Первой Церкви, послания апостолов Иакова, Иоанна и Иуды, пятнадцать посланий святого апостола Павла и книга Апокалипсис или Откровение Иоанна Богослова.

Священное Писание, или Библия наряду со Священным Преданием является основным источником Божественного откровения. Библия является книгой по преимуществу церковной, ибо создана Церковью и для Церкви. То, что протестанты временами используют ее против Церкви — трагическое недоразумение и заблуждение. «Все Писание спасительно и боговдохновенно» (2 Тим. 3, 16) — говорит св. Апостол Павел. И именно в силу своего характера Библия должна читаться по-церковному, то есть с опорой на Священное Предание. Предание состоит из постановлений Соборов Церкви (прежде всего — вселенских), богослужебных текстов, изречений Святых Отцов (то есть — учителей и богословов Церкви, отмеченных святостью жизни), житий святых. Однако можно взглянуть и шире: Предание — духовная и молитвенная жизнь Церкви в целом. Именно в этой среде прочтение Священного Писания дает подлинные духовные плоды.

Временами сверхъестественное откровение следует за чтением Писания или предшествует ему. Описывая свое обращение, блаженный Августин пишет, что он услышал голос, говоривший ему: «Возьми и читай». Он взял книгу Посланий святого апостола Павла, раскрыл ее на первом попавшемся месте и эти слова перевернули его жизнь.

Возникает законный вопрос: достигается ли богопознание только силами человека, или является всецело делом Божественной благодати? Первая точка зрения опровергается Священным Писанием и опытом Церкви. Христос говорит: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день. (Иоанн. 6, 44). Однако, нельзя считать, как полагали некоторые протестанты, что Божественная благодать спасает человека

независимо от его воли: в таком случае непонятно, откуда берутся грешники и погибающие, ведь «Бог желает всем людям спастись и в познание истины придти» (Тит., 2, 4). Поэтому правильно было бы считать, что в богопознании соединяются Божественная и человеческая воля, при этом самое первое движение к спасению принадлежит человеку, которое подхватывается и многократно усиливаются Божественной благодатью. Само естественное богопознание невозможно без действия благодати. Другое дело, что она посылается как награда за доброе расположение воли человека и за его усилия (пусть и минимальные) в обращении к Богу. Лучшей иллюстрацией действия этой благодати являются уже приведенные стихи солдата Великой Отечественной Андрея Зацепы:

Сигнал. Ну что ж. Я должен отправляться
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать.
Не странно ль, что среди ада мне
Открылся свет и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать.
Вот только что я рад, что я Тебя узнал.

Воистину, действие этой благодати преобразует человека и дает ему дерзновение против смерти:

Иду, мой Бог, и вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.

Подведем итоги.

Почему среди всех религий истинно Православие? Потому что оно является христианством по преимуществу. Оно сохранило Христову веру во всей чистоте и неповрежденности, великую традицию, именуемую преданием, которая идет от апостолов, а в конечном счете — от Самого Христа.

Протестантизм совершил роковую ошибку в своем бунте против католицизма: отвергнув ложные начала в его предании, он не пришел к истинным.

Приняв тезис о том, что человек спасается одним Писанием, он отверг соборный разум в его истолковании и забыл, что, по слову апостола Петра, «никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2 Петр. 1, 20).

В результате, как замечательно пишет Алексей Степанович Хомяков, всякий протестантский профессор стал маленьким папой, непогрешимым в своих суждениях. Что касается католицизма, то протестантизм — его законное чадо. Догмат о непогрешимости папы является вершиной католицизма, как религии власти по преимуществу. Как справедливо заметил святитель Николай Велимирович, «католицизм представляет похоть власти, в то время как протестантизм — похоть ума». Только Православие смогло трезвенно и нетленно сохранить веру Христову в ее чистоте, в ее очищенной красоте.

Но тогда возникает следующий вопрос: почему среди всех религий истинно именно христианство? Ответ состоит в следующем: именно оно говорит о Боге, как о Любви. Иудаизм и ислам говорят о Боге как о Творце, как о Верховном Разуме и Праведном Судье, но только христианство учит о Нем, как о Любви. Именно Любовь является сущностью догмата о Троице: Любовь Отца рождает Вечную Премудрость — Сына и от Него исходит Вечная Жизнь — Святой Дух. Эта Любовь — жертвенная. Бог Сло-

ва, Единый от Святыя Троицы не колеблется воспринять природу своего творения, своего раба, чтобы умереть за него тяжелой, позорной смертью.

«Любовь Отца — распинающая, Любовь Сына — распинаемая. Любовь, торжествующая силою крестной» (Митрополит Филарет Московский). Всякий, наверно, согласится, что не ненависть, а любовь является основой жизни. Она движет и создает мир, созидает и украшает человека. «Любовь, что движет солнце и светила» (Данте Алигьери). Прошу, однако, читателя не смешивать это понятие с тем, что имеется под ним в современных СМИ и в массовом сознании. Христианское понятие любви неразрывно связано с чистотой, святостью, светом, разумом, мудростью, правдой. Ибо все эти совершенства сосредоточены в Боге, Который является абсолютным Совершенством, Абсолютом во всех смыслах. И этот Абсолют не замыкается в себе, но открывается человеку. Только религия Откровения и достойна называться истинной верой, когда Бог не является предметом умственных спекуляций, или мечтаний человека, но Сам открывается ему, как Другой, как Друг, как Собеседник.

Именно потому христианство и является истинной религией, что оно одновременно парадоксально и логично, что оно взывает и к уму, и к сердцу человека и стремится к его всецелому спасению.

Вадим Петров

КАТЫНСКОЕ ДЕЛО И ЗАПИСКА ШЕЛЕПИНА

Ранее нами была опубликована статья, посвященная детальному разбору некоторых обстоятельств, связанных с так называемым «Катынским делом» [1]. И вновь приходится возвращаться к этой теме, которая уже почти семьдесят лет портит отношения между нашей страной и Польшей. Напомним, что современные исследователи делятся на две большие группы. Представители одной из них утверждают, что расстрел польских военнопленных был осуществлен сотрудниками НКВД. Представители другой утверждают, что расстрел был осуществлен немцами. Иных серьезных версий, которые утверждали бы, что «Катынское дело» является результатом действий должностных лиц иных стран, например, Италии, Венгрии или Словакии, в доступных для изучения литературных источниках обнаружить не удалось.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из ключевых «доказательств», которыми оперируют приверженцы версии расстрела польских военнопленных в Катыни и других местах СССР в 1940 органами НКВД, так называемой «Записки Шелепина». Эта докладная записка, согласно ее тексту, адресована «Товарищу Хрущеву Н.С.» и подписана «Председатель Комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР А. Шелепин» [2]. Эта «Записка» датирована 3 марта 1959 года и находилась, если верить исследователям,

в «Закрытом пакете № 1» [3] вместе с «Запиской Берии Сталину от марта 1940 г.» и «Выпиской из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.» [4].

Возникает вопрос. Каким образом эти три упомянутых документа, два из которых датированы 1940 годом, а один — 1959 годом, то есть, с разницей в 19 лет, могли попасть в один «Закрытый пакет»? Теоретически, два документа, датированные 1940 годом могли попасть в «Закрытый пакет» после смерти И. В. Сталина. Вечером 5 марта 1953 года состоялось представительное заседание. Оно отражено в документе, имеющем следующий заголовок: «ПРОТОКОЛ СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР и ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 5 марта 1953 года» [5]. Это заседание началось в 20 часов и закончилось в 20 часов 40 минут того же дня [6]. Несмотря на то, что оно продолжалось только 40 минут, на нем было принято много важнейших решений. Среди них прозвучало и следующее. В конце заседания Г. М. Маленков сообщил, что «Бюро Президиума ЦК поручило т. т. Маленкову, Берии и Хрущеву [выделено мной. — В. Петров] принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок» [7]. Данное положение о трех лицах,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

«принимающих меры» в отношении бумаг И. В. Сталина явно прозвучало «мимоходом», как бы «между прочим». Очевидно, этот вопрос специально поставили в самый конец, чтобы он прозвучал именно таким образом, мимоходом, после всех сообщений о многочисленных кадровых перестановках, принятых на заседании. Но можно задуматься и о другом аспекте. Следует ли рассматривать данный тезис в качестве явного намека на тот факт, что «документы и бумаги товарища Сталина как действующие, так и архивные» в его собственных руках находились в беспорядке или же, переводя на язык совещания, «не в должном порядке»? Не имеем ли мы дело с попыткой деликатно и ненавязчиво, слегка лягнуть товарища Сталина. Автор статьи, А. Чернев, вполне обоснованно отмечает данную (кстати, одну из многих) особенность этого заседания. «И наконец, в-пятых, инициаторы акции не предполагали возвращения к власти своего недавнего кумира, решив привести “в должный порядок” “документы и бумаги товарища Сталина”» [8]. Точнее говоря, организаторы заседания должны были иметь стопроцентную гарантию того, что И. В. Сталин к власти уже никогда не вернется. А самой твердой гарантией такого рода в тех условиях могла быть только смерть Сталина. Важно отметить еще одно немаловажное обстоятельство. К протоколу было приложено постановление данного совместного заседания. «Оно опубликовано в «Правде» и других газетах 7 марта 1953 г. без указания даты проведения заседания с некоторыми сокращениями, исправлениями и редакционными изменениями. В частности, состав Президиума ЦК в публикации указан в количестве 10, а не 11 человек, так как из него был исключен И. В. Сталин. Были опущены пункты о посылке В. В. Кузнецова в Китай в качестве посла и представителя ЦК

КПСС, а также о приведении в порядок документов и бумаг И. В. Сталина» [9]. То есть, организаторы заседания по каким-то соображениям не стали доводить до широких масс информацию как о том, что «документы и бумаги товарища Сталина» необходимо приводить «в должный порядок», так и о том, что приводить их в порядок будут три определенных человека.

О порядке обращения с документами секретарей ЦК КПСС после их смерти, правда относящемся к 1970-м годам, удалось найти сведения у другого автора, Виктора Прибыткова. «В аппарате ЦК КПСС испокон веков было два самых главных архива — архив Политбюро и архив Секретариата. Иначе их называли так: 6-й сектор, 7-й сектор (по названию секторов общего отдела). Оба эти архива были из ряда “не для простых смертных”. Более того — вообще не для “смертных”. Пользоваться помещенными туда материалами могли далеко не все Секретари ЦК. Но Черненко, на правах заведующего Общим отделом, имел в оба эти архива неограниченный доступ и знал все их фонды преотлично. ... В ЦК КПСС всегда существовало непреложное правило — после смерти любого Секретаря ЦК его архив в обязательном порядке изымался, анализировался и помещался после сортировки в сверхсекретный сектор. Такие архивы оставались практически у всех — у кого больше, у кого меньше. Исключение составил лишь один человек — главный идеолог партии Михаил Андреевич Суслов, после которого не было обнаружено никаких архивов. Похоже, они ему попросту были не нужны...

Самым серьезным грифом в седьмом секторе был не привычный всем “секретно” или “совершенно секретно”, а иной — “особой важности особая папка”. Здесь покоились сверхконфиденциальные материалы. Доступ к ним имел очень узкий круг

лиц, в число которых под первыми номерами входили Брежнев и Черненко. Брежнев этими фондами не интересовался. Черненко знал об этих фондах все!» [10]. Поэтому как получилось, что документы, датированные 1940 и 1959 годами, были помещены в «Закрытый пакет № 1», остается непонятным. Кто и когда мог это сделать? Скорее всего, эти документы были кем-то помещены в один пакет для того, чтобы придать им одинаковую весомость.

Вернемся в 1953 год. Итак, документы и бумаги И. В. Сталина было поручено «привести в порядок» комиссии из трех человек, в составе Маленкова, Берия и Хрущева. Вряд ли они изучали документы и бумаги Сталина, всегда обязательно находясь втроем. Скорее всего, они изучали их порознь. Представляется также крайне маловероятным, чтобы к разбору материалов Сталина, кроме указанных трех лиц, допустили бы технических работников. Если «Записка Берия Сталину от марта 1940 г.» и «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.» действительно к тому времени существовали и находились среди «документов и бумаг», то с ними должно было произойти следующее. Их должны были обнаружить, если не в марте 1953 г., то уж точно в апреле или мае этого же года. Либо, если их обнаружил Берия, то он должен был их уничтожить, чтобы не оставлять компрометирующие себя материалы, особенно в преддверии планируемых им прорывов в отношениях с Германией и другими странами. Либо же, если их обнаружили Маленков или Хрущев, то они должны были их сохранить, просто потому, что эти два документа тогда не должны были представлять ни для одного из них какого-то специального интереса. В особенности, учитывая тот факт, что их фамилии не значатся среди распавшихся в одобрении расстрела по-

ляков на «Записке Берии». Приведем комментарии составителей сборника документов. «По тексту документа и на полях — личные подписи И. Сталина, К. Ворошилова, А. Микояна, сделанные синим карандашом, В. Молотова — простым карандашом. На полях рукой, очевидно, секретаря Сталина: “Калинин — за, Каганович — за”» [11]. Как видим, ни фамилии Маленкова, ни фамилии Хрущева не упоминаются. Постольку, поскольку «Записка Берии» и «Выписка ... от 5 марта 1940 г.» предъявлены публике, следует сделать вывод, что Л. П. Берия эти документы не уничтожил. Следовательно, с их содержанием должны были быть знакомы Маленков и Хрущев, как уже упоминалось, по крайней мере, к концу мая 1953 года. Но тогда почему ни один из них не упомянул о расстреле польских военнопленных офицеров на Пленуме ЦК КПСС, прошедшем со 2 по 7 июля 1953 года? А ведь практически все содержание данного Пленума было посвящено разоблачению антипартийных и антигосударственных действий, а также личных коварств и зверств Лаврентия Павловича. В ходе этого Пленума каких только обвинений не вылили на голову бывшего «дорогого друга Лаврушки» его верные друзья-соратники. От неправильной позиции по вопросу объединения Германии, попыток улучшения отношений с «фашистской кликой Тито» и неуважения к памяти И. В. Сталина до вредительства в сфере снабжения Москвы картофелем и снижения улова сельдей на всех морях. А вот насчет расстрела польских военнопленных — ни слова, ни полслова. Хотя расстрел невинных поляков был бы лучшей иллюстрацией «изначальной, еще в 1940 году, антигосударственной провокаторской деятельности Берия». По крайней мере, гораздо лучшей иллюстрацией, чем некие, то ли изнасилованные им, то ли сами прыгнувшие к

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

нему в постель, девицы, или чем какие-то неназванные прямо улики, уклончиво обозначенные в материалах Пленума как «предметы мужчины-развратника». Ведь подобный расстрел военнопленных так и напрашивался, чтобы его упомянули, как великолепный образец повода, изобретенного «provokatorom Берией» для организации еще в 1940 году ссоры СССР с Правительством Польши в изгнании, Великобритании и США. Можно, конечно, сослаться на то, что расстрел поляков был величайшей тайной, а потому в 1953 году упоминать его даже среди членов и кандидатов в члены ЦК КПСС было неудобно. Но этот аргумент легко опровергается. Ведь на Июльском (1953 года) Пленуме ЦК КПСС затрагивались предметы такой же, если не гораздо большей степени секретности. Например, данные о предстоящем испытании Советским Союзом водородной бомбы с указанием ее мощности; сведения по оборонной политике страны, о кадровой политике в организации разведывательной деятельности МВД, о засылке начальником одного из областных управлений МГБ тайного агента в среду интеллигенции и о других весьма и весьма секретных материях. Косвенным доказательством того, что «Записка Берии Сталину от марта 1940 г.» и «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.» к моменту смерти И.В. Сталина еще не существовали, служит то обстоятельство, что Хрущев никогда не использовал их. Ни против Л.П. Берия на Июльском (1953 года) Пленуме ЦК КПСС. Ни против И.В. Сталина в своем знаменитом «секретном докладе» на XX съезде КПСС. Ни в 1957 году против «антипартийной группы», в состав которой входили, в том числе, и лица, согласие которых на расстрел поляков зафиксировано на «Записке Берия», то есть, Молотов и Каганович. И если

не во всех упомянутых ситуациях, то уж хотя бы один раз «расстрелянные польские военнопленные» должны были стать аргументом для серьезных политических обвинений: либо в 1953, либо в 1956, либо в 1957 годах. А ведь еще у Хрущева имелись возможности использовать против И.В. Сталина этот политический козырь и в 1959 году на XXI съезде КПСС и в 1961 году на XXII съезде КПСС. Напомним читателю, что именно в этот период времени, и именно по инициативе Хрущева, КГБ при Совете министров СССР потратил много времени и сил на безуспешный поиск доказательств организации убийства С.М. Кирова «злодеем Сталиным». А в случае с расстрелом польских военнопленных и искать ничего было не надо. Вот они, документы, только покажи их, и Сталин дополнительно и очень сильно дискредитирован. Но Хрущев никогда и нигде не упоминал о расстреле военнопленных поляков по инициативе Берия и Сталина. Очевидно, потому, что указанных документов тогда, во времена Хрущева, вообще еще не существовало и они возникли, то есть, были сфальсифицированы, гораздо позднее.

Теперь следует перейти к анализу третьего документа из «Закрытого пакета № 1», который известен в литературе как «Записка Шелепина». В этой записке Председатель КГБ при СМ СССР Шелепин запрашивает у Н.С. Хрущева санкцию на уничтожение учетных дел польских военнопленных, расстрелянных органами НКВД в 1940 году. Документ выглядит солидно. Но непредвзятого исследователя сразу должно насторожить его рукописное исполнение. Напомним читателю, что вся переписка такого уровня велась в СССР того времени с использованием пишущих машинок. Собственно, уже в начале XX века всеподданейшие доклады и иные документы, направляемые в адрес Импера-

тора Всероссийского, изготовлялись на пишущих машинках. Возможные ссылки на то, что указанная «Записка» имела «особую, наисекретнейшую важность», вряд ли могут быть приняты всерьез. Для того и существуют различные уровни секретности, чтобы документы любой степени важности могли быть напечатаны с их соблюдением. Приведем следующий, на наш взгляд весьма красноречивый пример документов особой важности. «1953 год. ... 17 сентября, 20 ноября. Записки С. Н. Круглова, И. А. Серова, А. С. Панюшкина в Президиум ЦК КПСС (Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву) о представлении проекта постановления ЦК КПСС “Об организации 12 (специального) отдела при 2-м Главном [разведывательном] управлении МВД СССР”, а также структуры, штатов и Положение об этом отделе. Приложены: проект постановления (с поправками) и постановление ЦК КПСС за подписью Хрущева на 1 л. об организации 12 отдела для проведения диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникациях США, Англии и других враждебных капиталистических стран и актов террора в отношении наиболее активных врагов СССР с санкции Президиума ЦК КПСС на 2 л., положение об отделе на 4 л., структура и штаты на 7 л. (оп. 18, д. 30, 3 л.; д. 31, 14 л. (особая папка), заверенные копии. СС)» [12]. Они исполнены на пишущих машинках. А ведь здесь идет речь о вещах гораздо более значимых для 1950-х годов, вплоть до того, что любой иностранный гражданин может быть признан «активным врагом СССР» и застрелен или взорван в собственной стране без всякого суда. Неужели для репутации СССР такие документы были безопаснее, чем сведения о расстрелянных поляках.

Отсюда можно сделать вывод, что «Записку Берия» с предложением расстрелять поляков или «Записку об ор-

ганизации 12 отдела» с возможностью осуществления по всему миру внесудебных актов террора печатать на пишущей машинке можно. А вот «записку Шелепина» с предложением уничтожить документы о двадцатилетней давности расстреле польских военнопленных, напечатать уже нельзя и нужно исполнять ее только от руки. Мотивация такого различия в подходах к исполнению документов при допущении подлинности «Записки Шелепина», остается совершенно неясной. Но если предположить, что «записка Шелепина» фальсификат, то рукописная форма исполнения этого документа становится достаточно легко объяснимой, например, тем, что у фальсификатора не было оригинала чистого, незаполненного бланка Председателя КГБ при Совете Министров Союза ССР с соответствующим типографским заголовком. Заметим, что не было бланка того образца, который использовался в 1959 году. Кроме того, фальсификатор не мог получить доступ к подразделению, в котором должны печататься исходящие письма Председателя КГБ. Либо, что крайне маловероятно, хотя и нельзя полностью исключить, доступ в это подразделение он все же мог иметь. Но значительно позднее 1959 года. А к тому времени все пишущие машинки, которые использовались для делопроизводства уровня «совершенно секретно» в 1959 году, уже давно были списаны и уничтожены. Новые же пишущие машинки, по виду шрифта и другим признакам, отражающимся при печати в тексте документа, вероятно, уж очень отличались от тех, которые использовались в 1959 году. И у специалистов, в случае исполнения «записки Шелепина» на пишущей машинке появились бы многие вопросы. Впрочем, нельзя исключить, что в случае, если оригинал «Записки Шелепина» будет углубленно исследован непредвзятыми криминалистами,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

может появиться много новых интересных сведений.

Кроме того, мало кто из исследователей обращал внимание на некоторые смысловые аспекты «записки Шелепина». Начинается записка словами: «В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, ... и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши» [13]. Запомним, что кроме учетных дел здесь упоминаются и некие «другие материалы», характер которых в «Записке» не раскрывается. Далее идет следующий текст: «Всего по решениям специальной тройки НКВД ССР было расстреляно 21857 человек, ...» [14]. А в «Записке Берия», датированной 1940 годом, предлагалось расстрелять 14700 человек, находящихся в лагерях военнопленных и 11000 человек, находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, то есть, всего 25700 человек [15]. В документе под названием «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.» эти цифры, 14700 и 11000 человек, подлежащих неукоснительному расстрелу, подтверждены [16]. За счет чего образовалась разница по общим цифрам, 25700 человек в 1940 году и 21857 человек в 1959 году, «Записка Шелепина» не объясняет.

В «Записке Шелепина» далее говорится о том, что «Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года» [17]. Неужели Александр Николаевич Шелепин, ответственный комсомольский работник с 1939 года, а с 1952 по 1958 годы первый секретарь ЦК ВЛКСМ, при составлении своей «Записки» напрочь забыл о том, что до октября 1952 года партия, в которой он давно состо-

ял, называлась по-другому. И в 1940 году был не ЦК КПСС, а ЦК ВКП(б). Что-то не верится.

Прицитируем еще один отрывок «Записки Шелепина», в котором имеются следующие сведения: «С момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21857 хранятся в опечатанном помещении. Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность сможет привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями» [18]. Немного остановимся на данном отрывке. Что же это за «какая-либо непредвиденная случайность» может привести «к расконспирации проведенной операции»? Вся охрана того здания КГБ при СМ СССР, в котором расположено «опечатанное помещение» с делами, вдруг сорвется с постов и самовольно отправится, например, побаловаться холодненьким пивком в жару? Или произойдет другое, но в этом же роде? И кто-то в это время прокрадется в архив, вскроет «опечатанное помещение», прочтет все дела, да и узнает об истинной судьбе поляков. А потом беспрепятственно выйдет из здания и, разумеется, доведет до всеобщего сведения результаты своих изысканий. Но при такой постановке охраны здания, почему же А. Н. Шелепин не побеспокоился о возможной судьбе множества других совершенно секретных документов, например, указанной выше записки «Об организации 12 (специального) отдела при 2-м Главном [разведывательном] управлении МВД СССР». При подобной постановке вопроса («какая-либо непредвиденная случай-

ность сможет привести к расконспирации»), вообще нельзя хранить никакие серьезные документы. И было бы логичнее попросить разрешения уничтожить вообще все архивы КГБ, а заодно и все текущие секретные и совершенно секретные делопроизводства. И тогда уж точно никто не узнает никаких секретов КГБ. Правда, останется нерешенным вопрос, а как в таком случае вообще работать КГБ, не имея секретного документооборота. В процитированном отрывке автор «Записки» намекает, что под его чутким руководством в КГБ при СМ СССР может в любой момент произойти «непредвиденная случайность», которая приведет к «расконспирации». Но тогда почему «расконспирация» должна коснуться только дел расстрелянных поляков? А вдруг она произойдет с документами по важнейшими текущими спецоперациям КГБ? Невозможно представить, чтобы такой опытный комсомольский аппаратчик, каким был Шелепин, допустил такой письменный ляпсус, явно направленный против самого себя.

Вернемся к тексту «Записки»: «Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции. Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке» [19]. Заметим, как по ходу текста предпоследней фразы «тройка НКВД СССР» изящно превращается в несколько «троек».

Завершает текст «Записки» предлагаемый ее автором проект Постановления Президиума ЦК КПСС следующего содержания: «Разрешить

Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР» [20]. И опять мы видим вместо правильного названия ЦК ВКП(б) неправильное ЦК КПСС. Но гораздо важнее другое. Здесь автор «Записки» противоречит сам себе. Ведь в тексте ее основной части автор просит разрешения на то, чтобы оставить на хранении «протоколы заседаний тройки НКВД СССР» и «акты о приведении в исполнение решений троек». А в проекте Постановления Президиума ЦК КПСС автор «Записки» предлагает ликвидировать все дела, «кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР». То есть, автор «Записки» уже не упоминает о необходимости сохранить «акты о приведении в исполнение решений троек». Такое противоречие должно было выставить автора «Записки» на посмешище перед адресатом, то есть, перед Н. С. Хрущевым. И здесь искушенный комсомольский аппаратчик Шелепин допустил очередной ляпсус, чему также нельзя поверить.

В одной из книг известного историка А. Б. Мартиросяна имеется обширный раздел, озаглавленный «Миф № 38. Берия (с согласия Сталина) инициировал решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле весной того же года в Катыни нескольких тысяч польских офицеров» [21]. Данный раздел, как можно легко догадаться из его названия, полностью посвящен весьма хорошо аргументированной критике взглядов на то, что расстрел польских военнопленных в Катыни произведен сотрудниками НКВД СССР. Там, в частности, имеются следующие сведения: «В направленной в Генштаб и ГРУ “Спецсообщении о подготовке Гер-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

манией воны против СССР” от 3 июня 1941 г. разведывательный отдел Западного особого военного округа сообщил уникальную деталь, связанную с интернированными польскими офицерами. Было установлено, что забрасывавшейся германской военной разведкой на советскую территорию агентуре поручалось выяснить в том числе и следующий вопрос: “призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик”. А ведь это означает, что в указанное время все интернированные (пленные) польские офицеры были живы. То есть НКВД их не расстреливал! И германская военная разведка прекрасно знала об этом» [22]. В 2011 году вышла в свет книга, все содержание которой, а не только один раздел, как у цитированной выше работы А. Б. Мартиросяна, полностью посвящено разоблачению утверждений о виновности НКВД СССР в расстреле польских военнопленных и польских же интернированных лиц [23].

Надеемся, что настоящей статьей нам удалось убедить колеблющихся в том, что польских военнопленных в Катыни расстреляли все же немцы, а не сотрудники НКВД СССР. Мы не ставили своей задачей переубедить лиц, твердо стоящих на позициях расстрела поляков сотрудниками «кровавого Берии». Ибо таких лиц все равно не переубедить никакими аргументами. Для тех же, кто согласен с приведенной в настоящей статье позицией, мы, надеемся, предоставили дополнительные, не очень известные им сведения.

P. S.

Данная работа уже была написана и поступила в редакцию журнала,

когда в «Новой газете» появилось сообщение о том, что Страсбургский суд принял к рассмотрению два обращения «родственников 12 убитых без суда и следствия в Катынском лесу, Харькове и Твери польских военнопленных. Рассмотрение дела в Европейском суде пройдет 6 октября 2011 года в течение получаса в устных слушаниях. Решение должно дать оценку, в частности, действиям Главной военной прокуратуры России, которая, по утверждению заявителей, незаконно и необоснованно прекратила расследование “катынского дела” в сентябре 2004 года» («Новая газета» Санкт-Петербург. 11.08.11 г. № 56, с. 10). В опубликованной журналом работе (см. выпуск 7), как и во многих опубликованных ранее другими авторами книгах и статьях, сообщается о явных признаках фальсификации трех документов, на которых базируются приверженцы версии о расстреле польских военнопленных сотрудниками НКВД. Эти документы известны исследователям как «Записка Берии Сталину от марта 1940 г.», «Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 г.» и «Записка Шелепина». Со всей очевидностью встает вопрос, не пора ли инициировать судебный процесс, чтобы проверить подлинность указанных документов. Ведь если в судебном порядке они будут признаны фальсификатами, то появятся все основания для того, чтобы раз и навсегда признать «Катынское дело» плодом рук Геббельса, спецслужб III Рейха и их последующих единомышленников.

Предлагаем тем нашим читателям, которых тема Катыни не оставила равнодушными, присылать в редакцию журнала свои соображения по выказанному здесь мнению. Любые ваши соображения будут для нас интересными и очень важными.

Литература

1. В. Петров. Катынь. Вопросы остаются (взгляд криминалиста) // Писатель. XXI век. Литературно-дискуссионный журнал. Выпуск 7. 2010 г., с. 120-130.
2. Содержание «Записки» — см. Лебедева Н. С. (Отв. составитель). Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. — М.: Весь Мир, 2001, с. 563-564. Факсимильное воспроизведение «Записки» приводится там же, с. 684-685.
3. Там же, с. 564.
4. Лебедева Н. С., Петросова Н. А., Воцинский Б., Матерский В. (Составители). Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. — М., 1999, с. 5. Чернев Анатолий. «Последняя «отставка» Сталина» // Источник. 1994. № 1. С. 106-111, с. 107.
6. Там же.
7. Там же, с. 110.
8. Там же, с. 106.
9. Там же, с. 111.
10. Прибытков В. Аппарат. — СПб.: АОЗТ «ВИС», 1995, с. 78-80.
11. ...Катынь. Пленники необъявленной войны. ..., с. 390.
12. Кудрявцев И. И. (составитель). Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС». Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС». — Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1995, с. 27-28.
13. ...Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. ..., с. 563.
14. Там же.
15. См.: ... Катынь. Пленники необъявленной войны. ..., с. 389.
16. См.: Там же, с. 390-392.
17. ... Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. ..., с. 563.
18. Там же.
19. Там же, с. 564.
20. Там же.
21. Мартиросян А. Б. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917-1941 гг. — М.: Вече, 2010, с. 326-365.
22. Там же, с. 349.
23. Прудникова Е., Чигирин И. Катынь. Ложь, ставшая историей. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Е. С. Роговер

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

(Творческий портрет поэта)

Одним из самых популярных и любимых русских поэтов второй половины XX века был Роберт Иванович Рождественский.

Он родился 20 июня 1932 года в селе Косиха Алтайского края. Его отец — Станислав Николаевич Петкевич — был работником НКВД, глубоко неудовлетворённым своей службой, которую вскоре оставил; в 1941 году добровольцем ушёл на фронт, где вскоре погиб. Мать будущего поэта — Вера Павловна — была директором начальной школы. Перед самым началом войны она окончила в Омске Медицинский институт. В 1937 году родители Роберта разошлись, мать соединила свою судьбу с военнослужащим, который усыновил мальчика. С этой поры Роберт получил отчество и фамилию отчима, став Рождественским. Что же касается не совсем обычного имени, то позже поэт в одном из своих стихотворений объяснил его происхождение:

А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спелёнатых,
розовых, орущих парней...

И далее Рождественский вспоминает о Роберте Эйхе, в честь которого, «стоило детей называть». Выходец из Латвии, Эйхе стал профессиональным

революционером, наркомом продовольствия Советской Латвии, а потом членом Политбюро ЦК ВКП(б) и выдающимся организатором работ в Сибири, в частности в Алтайском крае. Именно в его честь мальчик, родившийся в алтайском селе, и был назван. Роберт гордился этим именем, которое ассоциировалось для него с «железным человечищем», преданным солдатом Революции, оклеветанным, «растоптанном» и уничтоженным в 40-м году.

Свои «Стихи о моём имени» поэт заканчивает такими строками: «Несём мы имена удивительных людей. Не уронить бы! Не запятнать бы!» И, забегаая вперёд, следует сказать, что он никогда не запятнал своего благородного имени.

Когда началась священная война и родители Роберта ушли на фронт, мальчик воспитывался сначала бабушкой, а после её смерти — тёткой в г. Омске. Около двух лет пришлось находиться в детских домах, стать воспитанником Даниловского детского приёмника в Москве, а затем — военно-музыкального училища, где Роберт играл на тромбоне и басы-геликоне. О своей любви к «голосу начищенной меди» он расскажет позже в одноимённом стихотворении и в «Третьем музыкальном».

Летом сорок пятого года мать и отчим забрали подростка из училища. Поскольку родителям приходилось в первые послевоенные годы часто ме-

нять место службы, отрочество Роберта стало «бродячим». Начались переезды с места на место и смена различных школ в Кенигсберге, Каунасе, Таганроге, Вене, Москве, Ленинграде. В городе на Неве юноша окончил среднюю школу и вступил в комсомол, с которым потом он надолго свяжет свою судьбу.

Стихи Рождественский начал писать очень рано, а первая публикация его поэтических строк состоялась в июле 1941 года в газете «Омская правда», когда автору было девять лет. Тяга к литературе определила поступление в 1950 году на историко-филологический факультет Карело-финского университета в Петрозаводске. Тогда же он начал активно публиковаться в петрозаводских изданиях, в особенности в журнале «На рубеже». Именно здесь, в Петрозаводске, выйдет вскоре первый сборник стихов Роберта Рождественского. Уже в начале 50-х годов обратили на себя внимание такие его стихотворения, как «Море» и «О временно прописанных».

Хотя в петрозаводскую пору Роберта охватило увлечение спортом (он был перворазрядником по волейболу и баскетболу, увлекался лёгкой атлетикой, получил второй взрослый разряд по боксу, успешно выступал за сборную Карелии по этим видам спорта в разных городах страны), но литературные интересы взяли верх. Через год он перешёл в литературный институт им. М. Горького, успешно, хотя и со второй попытки, сдав там вступительные экзамены. Сразу же появились новые друзья — Е. Евтушенко, учившийся там, но курсом выше, Г. Бакланов, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, В. Соколов, А. Приставкин.

В Литературном институте Рождественский знакомится со студенткой отделения критики Аллой Киреевой, которая вскоре становится его женой¹. Отныне многие лирические стихи поэта будут посвящаться А. К. или «Алёне».

Несколько позже в молодой литературной семье родятся две дочери — Катя и Ксения, и в творчестве поэта появятся исполненные ласки и нежности строки, обращённые то к «Катьке, Катюше, Катюхе» с «тоненькими пальчиками», то к Ксюше с её «невзаправдашним кулачком», уже целый час живущей на планете.

Ещё до окончания Литературного института у молодого поэта выходит сборник стихов «Флаги весны» (1955) и поэма «Моя любовь» (журнал «Октябрь», 1955, № 1).

«Флаги весны» были опубликованы в столице Карелии под редакцией того самого поэта А. Коваленкова, в семинаре которого Рождественский учился в Литинституте. В сборнике ещё немало слабых, поверхностных, многословных стихов («В доброй старой Вене»), встречаются вещи, отмеченные риторикой или подражательностью («Дорога»). Но в лучших произведениях, вошедших в эту первую книгу, обращает на себя внимание светлое радостное чувство молодости, отражение чётких ритмов, человечность переданных переживаний. Таково ранее упомянутое «Море», содержащее требовательные обращения к сердцу («Бурли! — /Ты слышишь?/ — Громче давай! Сердце моё,/не остывай!»). Таково стихотворение «Двое», отмеченное сдержанностью в передаче трепетных чувств. Есть в сборнике стихи, тяготеющие к сатире: «Чужой», «О временно прописанных», «Как это начинается», «Сатира о сатире». Она затрагивает злободневную в ту пору тему «плесени», и поэт находит для её раскрытия резкие слова и хлесткие определения. Само название сборника говорило о весенних, молодых переживаниях человека, встречающего светлый мир, отбрасывая всю мешающую ему нечисть.

Поэма «Моя любовь» принесла Рождественскому широкую известность.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Хорошо помню, как я, впервые встретив её в «Октябре», был по-настоящему захвачен её темпераментом, силой, выразительной образностью, антимещанской направленностью, отвечающей моим юным представлениям о жизни. Автору удалось великолепно выразить непримиримость к фальши, мироощущение молодого человека, вступающего в жизнь, сливающееся с чувствами всего поколения романтиков и мечтателей: «Вышли в жизнь романтики / Уйму книг занявшие, / Кроме математики, / Сложностей не знавшие...». Но автор отнюдь не иронизировал над ними, а поэтизировал их побуждения, поступки и идеалы. В поэме сталкиваются два противоположных представления о любви, смысле жизни и счастье. Поэт устремляется на встречу с любимой. Но когда он оказывается в её доме, его поражает обстановка расчёта денег, бесцеремонности, вещизма, пересудов, эгоизма, безразличия к высокому, значительному, духовному. В этой обывательской среде герой поэмы дышать не может, и он молит любимую бежать отсюда, хотя она, скорее всего, чувствует себя вполне комфортно и уютно в мире мещан и пошлости. Образ возлюбленной оказался в поэме не прояснённым до конца, аморфным, но герой поэмы нарисован вполне убедительно, чётко и очень взволнованно. Горячие публицистические монологи героя были близки и понятны тогдашним читателями, разделявшим вместе с автором романтику поисков, дорог, труда и энтузиазма.

Критик В. Назаренко справедливо писал о том, что «ненависть к мещанству, обывательщине, ещё цепляющейся за жизнь, — в этом пафос поэмы, утверждающей высокую романтику большой жизни советского человека»².

Год завершения учёбы в Литературном институте отмечен выходом сборника «Испытание» (1956), во-

бравшего в себя новую лирику и поэму «Моя любовь». Книга стихов вышла под редакцией В. Луговского, поэта, чей семинар нередко посещал Р. Рождественский. В сборнике этом встречаются темы и мотивы, родственные охарактеризованной поэме. Здесь интересны напряжённые размышления поэта и его лирического героя о выборе жизненного пути, о злободневных задачах поэзии; привлекает нетерпимость к пошлости, пустоте существования, поэтизация мужественной стойкости. Не случайно в центре сборника оказалось стихотворение, посвящённое Мусе Джалилю. Рассказывая о том, что татарский поэт за час до казни создал свою последнюю песню, Рождественский делится своим сокровенным желанием:

Я хочу, чтоб ко мне/ его твёрдость пришла,
Чтоб не смел ни минуты/ растрчивать я.
Чтобы каждая песня/ такую была,
Будто это последняя песня/ моя.

Интересны в книге такие стихи, как «Выбор», «Речка Иня», «Утро». Правда, ещё очень заметны отвлечённость отдельных вещей, недостаточное знание жизни, что чувствуется в таких стихотворениях, как «По поводу», «В разлуке». Но читателю импонировал страстный гражданский темперамент поэта, жизнелюбие и тот итог, который можно вывести из ряда включённых в сборник произведений: «Я выбираю дорогу!»

Это восклицание поэта нашло подтверждение в его жизненной практике. После четвёртого курса Рождественский отправился на Алтай, места своего детства, на целину. Для прохождения итоговой практики он выбирает Северный полюс, Арктику, где живёт два месяца с полярниками на льдине. Результатом этой поездки стал сборник «Дрейфующий проспект» (1959).

Сюда вошли стихотворения, навеянные северными впечатлениями

ми: «Немного экзотики», отдающее «должное» большой льдине, выдерживающей людей и их эксперименты, «Мираж», «Хребет имени Ломоносова», поэтизирующий горную грядку, проходящую по дну Ледовитого океана, «Нелётная погода», «Аврал», «Арктическая болезнь», стихотворение, рисуемое «угловатую царственность льда» и содержащее сокровенное признание: «Заболел я Арктикой! Не зовите ко мне врача». Критик А. Урбан глубоко ошибался, называя поездку поэта в Арктику «бегством героя на станцию Северный полюс»³. Это вовсе не бегство от чего-то, а сознательная, добровольная поездка, исполненная энтузиазма и романтики.

В 50-е годы Рождественский вообще много ездит, и, кроме Северного полюса и Сибири, побывал в Прибалтике, а также в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии. Эту традицию частых поездок и дальних дорог он продолжит и в последующие годы. Не случайно книгу избранных произведений Р. Рождественского, изданную в Праге, составители назвали этим ёмким словом — «Дороги».

В 1956 году поэт окончил Литературный институт. Вместе с другими поэтами того же поколения — Е. Евтушенко, А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной — он громко заявил о себе на рубеже 50-х и 60-х годов. Эти поэты ярко выразили настроения и идеи, рождённые хрущёвской «оттепелью»: они отстаивали мужественную гражданственность, обострённое чувство времени, незаменимость каждой личности, ценность отдельного человека, не сводимого к «винтику» или «щепке», летящей при рубке леса. Эти поэты отстаивали традиции Маяковского, культивировали его темы и поэтику; как и он, они любили эстраду, многолюдные залы, площади, аудиторию Политехнического музея. В одном из тогдашних интервью Р. Рождественский уточнил свою позицию в отноше-

нии Маяковского: «Я люблю его за высочайшую человечность и яростную непримиримость. Я люблю его за советскость каждой строки. Советскость до конца»⁴. Но в отличие от своих друзей (А. Вознесенского) Р. Рождественский избегал экспериментаторства над стихом и словом, не применял (как Б. Ахмадулина) подтекста и полутонов, не любил эпатажа и нарциссизма (как Е. Евтушенко). А в отличие от своего друга В. Соколова, предпочитал, как и первые трое, громкую лирику и ораторские интонации.

Не обходилось без осложнений. За публикацию стихотворений «Ожидание», «Речка Иня» и «Утро» в альманахе «Литературная Москва», подвергнутом разгрому, Рождественский год был лишён права печататься. А на легендарной «Встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства» в 1963 году Р. Рождественскому (как и Вознесенскому, и Евтушенко) крепко досталось от самого Хрущёва за смелую полемическую с «номенклатурным» поэтом Н. Грибачёвым и его стихотворением «Нет, мальчики!» (Рождественский выступил со стихами «Да, мальчики!»). Вслед за этим хрущёвским выступлением началась долгая кампания преследований молодой поэзии со стороны А. Прокофьева, В. Бушина, А. Корнейчука, А. Софронова, Н. Грибачёва, С. Михалкова и др.

Но поэзия молодых выстояла и даже существенно окрепла. В 60-е годы сборники Р. Рождественского выходят почти ежегодно, обретая всё больший успех.

В 1962 году вышел сборник «Необитаемые острова». Сюда вошли стихи и поэмы, написанные на рубеже десятилетий. Первый раздел — «Сердце в руках» — составили великолепные стихотворения «Людам, чьих фамилий я не знаю» (об учёных, готовящих космические полёты), «Новости»,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

«Часы», основанные на переосмыслении слова-заголовка. Категория времени вообще получила значительное место в поэзии Р. Рождественского: это и эпоха, и десятилетие, и дни, и часы, и минуты, и секунды (о которых не следует думать «высоко»). Поэт часто обращается к воспоминаниям о военных годах: «Тогда» (об Омске 1942 года), «В сорок третьем» (о маме — военном враче). Второй раздел получил название «О дорогах». Это излюбленное понятие соотнесено со стихами о пребывании в Венгрии («Чардаш» и «Полны подвалы Эгера...»), в Литве («Рыбаки», посвящённое С. Красаускасу), во Франции («Париж, Франсуазе Саган»). Сюда же вошли очень яркие произведения о Хемингуэе («Творчество») и «Аркадию Райкину», «О дорогах», посвящённые В.А. Луговскому, и сатирические строки («Посетитель», «Пресмыкающиеся»). Завершают сборник две поэмы: «Реквием» и «Пятнадцать минут до старта», произведения яркого гражданского темперамента и публицистической остроты.

Поэма «Реквием» была создана годом раньше. Она посвящена «памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны». Поэт утверждал бессмертие героического подвига во имя Родины и присягал на верность высоким и святым идеалам.

Именем солнца/ именем родины/ клятву даём.
Именем жизни/ клянёмся/ павшим героям:
То, что отцы не допели, — / мы/ допоём!
То, что отцы не построили, — / мы/ построим!

В тексте поэмы осмысляются широкие философские категории (народ и человечество, жизнь и время); особое место занял в нём величественный образ Солнца. В десяти главках поэмы звучат каждый раз новые поэтические мелодии (песни, заклинания, плачи).

Голос поэта вступает в контрапункт с голосом матери, потерявшей сына, и голосами погибших воинов. Это делает поэму полифоничной. Лирический герой, прибегая к разным тональностям, обращается то к «чёрному камню», ставшему надгробием, то к «солнцу красному», то к современникам, то к потомкам. Стихия музыки ощущается во всех названных главках. Торжественная, приподнятая интонационная тема чередуется с мрачной, трагичной. Частые повторы служат усилению голоса поэта, трагизму произведения. Но всё увереннее начинает звучать светлая, жизнеутверждающая мелодия. На эти стихи «Реквиема» композитор Дмитрий Кабалевский создал известную ораторию.

Позже по поэме была сочинена музыкально-литературная композиция «Слушайте, товарищи!», исполненная инструментальным ансамблем под руководством Бориса Рычкова, с участием певца-солиста Иосифа Кобзона. А в 1964 году в Берлине, в помещении «Комише опер», был исполнен «Реквием», в котором участниками стали мужской, женский и детский хор на немецком языке. Об этом событии рассказал Б. Ионас, профессор, доктор экономических наук, в «Советской культуре»⁵.

Другая поэма — «Пятнадцать минут до старта» — была создана ещё раньше, в 1959 году, но оказалась опубликованной лишь в 1962 году. Поэт приоткрывает духовный мир тех, кто созидает космические ракеты и совершаемые ими чудеса. В этом плане поэма является как бы «расшифровкой» того, о чём сказано в стихотворении «Люди, чьих фамилий я не знаю». Одержимость — это то качество людей науки, которые так близки поэту Роберту Рождественскому. Поэма строится как напряжённый диалог Человека и Земли, диалог, который драматизирует содержание этого произведения.

Некоторое время поэт планирует выпустить книгу «Совесть» и даже опубликовал три стихотворения из неё в журнале «Юность» («Концерт», «Города», «Так и надо»). Но эта книга не вышла: вместо неё появился сборник «Ровеснику» (1962), куда вошли названные стихотворения. Книга открывается стихотворением о вере, которую хранит поэт («Нахожусь ли в дальних краях...») — вере в чистоту и святость флага «цвета крови моей». Тема эта подхватывается в следующем стихотворении — «Сын Веры», где поэт улавливает символику того факта, что мать его носила имя Вера. Воспоминание о матери по ассоциации вызывает к жизни образы военного прошлого: концерт детей в Омском госпитале в «сорок трудном году» и шагающий в городе музыкальный полк («Голос начищенной меди»). Образ этот перерастает в символ: это та труба, которая зовёт в трудный поход.

«Я за тобой пойду...», — признаётся поэт. «Быть человеком!» — так называется один из разделов сборника. Этому девизу подчиняется содержание вошедших в раздел стихотворений. Так, величие человека утверждается в прекрасном произведении «Песня Индии», украшающем этот сборник. Поэт ещё не освободился от присущих его стихам недостатков: он ещё не преодолел склонность к патетике, риторическим фигурам, призывам, поучениям и повторениям. Высокие идеи нередко не получают для себя образной формы. Нужно было время, чтобы эти недостатки были по этому преодолены.

«Радиус действия» (1965) — очередной поэтический сборник Р. Рождественского. В него вошли стихи, написанные за последние два года и ни разу не напечатанные в других книгах. Ряд стихотворений («Научили человека разговаривать», «В буддийском монастыре», «Винтики») характерен своей образностью и художественной

выразительностью. Поэт напряжённо размышляет о закономерностях истории («История»), о судьбах Отечества («Родине»), о своём творчестве («Радиус действия»), ходе времени («Ремонт часов»). Пластичностью отмечены зарисовки памятника Алёше в Пловдиве, портрет Вольфа Мессинга (в одноименных произведениях). В этих и других стихотворениях по-прежнему ощутимы традиции В. Маяковского («Ответ на записку из зала»). Во многих вещах, составивших книгу, чувствуется активная гражданская позиция автора («Вслушайтесь! Вглядитесь!»). Но и здесь ещё не изжита риторика, тенденция к прозаизации стиха, воспроизведению повторов.

В эту книгу вошла и поэма «Письмо в тридцатый век», до этого опубликованная в «Юности» в 1963 году. В традиции В. Маяковского поэт ведёт разговор с потомками, напоминающий «Во весь голос». Крылатая поэтическая мысль автора смело преодолевает время и вторгается в отдалённую от нас целым тысячелетием эпоху. Этот фантастический замысел потребовал от поэта сопоставлений, размышлений о сегодняшних и грядущих проблемах войны и мира, труда и поэзии, о непреходящих моральных, политических и эстетических ценностях. В поэме несколько глав, написанных в эпистолярной форме, которая стилистически скрепляет части. Но главное, что их объединяет, — уверенная мысль о значимости нашего труда и творчества для грядущего, о великой ценности наших побед и поучительности наших неудач и трагедий. Поэт выражает свою громаду-любовь и громаду-ненависть (к нытикам и хлюпикам, довольным собою и равнодушным ко всем другим). Удачны в поэме антивоенные строки и лирические страницы, посвящённые любви.

Очередная поэтическая книга «Сын Веры» (1968) интересна пере-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

данными во втором её разделе («Кстати об обычаях») многообразными зарубежными впечатлениями: нью-йоркскими, венецианскими, сан-францисскими, голливудскими, парижскими. Великолепна жанровая зарисовка «Королева пляжа». В стихотворении «Воскресный выпуск» ощутима новая переключка с Маяковским, в частности с его стихотворением «Небоскрёб в разрезе». Останавливает внимание выразительный портрет совершенно живого Михаила Светлова, написанный необычно нежно и трогательно («Сидит на стуле/ добрая/ сутулая/ романтика/ в усталом пиджачке»). В 70-е годы сборники Р. Рождественского выходят с прежней регулярностью. Так, в 1970 году опубликованы сразу два сборника: «Всерьёз» и «Посвящение». Более интересен второй из них. Сборник «Посвящение» имеет два основных раздела. Начальный носит название «На земле безжалостно маленькой...». Думается, что такая литота понадобилась автору для того, чтобы рельефнее передать гиперболу — величие Человека. Оно чувствуется в стихотворении «Сарьян», где нарисован великолепный портрет великого армянского художника. Оно сквозит в стихотворении «Признание кинодублёра», очень сильной вещи, рисующей величие труда незамечаемого в кино человека. Парадокс, но восхищение и слава достаются тем, кому комфортно, удобно и сравнительно легко, а не тому, кому опасно, дискомфортно и трудно. Величие человека утверждается и в стихотворении, одноимённом с названием раздела — «На земле безжалостно маленькой...». Категория возвышенного претворена и в «Огромном небе», и в стихотворении «Над головой созвездия мигают...». Второй раздел книги — «Ностальгия». Здесь читателю интересны впечатления автора от Индии, Перу, Канады. В книгу вошла и поэма с тем же названием.

Поэма «Посвящение» (1969) рассказывает о подготовке и проведении космического полёта Человека. Имя Гагарина здесь ни разу не называется, но поэтическое повествование касается именно его, хотя и других, осуществивших коллективный подвиг. Широкое обобщение здесь сплетено с удивительной конкретностью и точностью воспроизведения подробностей. Поэт Николай Добронравов, обращаясь к Р. Рождественскому, пишет: «Я помню, ты читал ещё не опубликованную поэму «Посвящение». После первой главы космонавт Волков спросил журналиста, регулярно писавшего репортажи с космодрома:

— Рождественский был на запуске? — Нет, — ответил тот. — Тогда откуда же такая удивительная точность?»⁶. Однако поэма примечательна не этим бытописанием, а провозглашением величия Человека, его всегдашней незаменимости, будь то академик Ландау, Королёв или самый простой жестянщик.

Новая поэтическая книга «Радар сердца» (1971) вобрала в себя избранные стихи. Примечательно название её. Здесь подчёркивается способность сердца и поэзии откликаться, остро реагировать на все сигналы земли, на зовы времени. Эта чуткая реакция на токи жизни, на её импульсы, на призывы людей, на настроение любимой ощущается в стихотворении «За что мне такая мука? За что мне такая награда?», в поэме «Реквием», в стихотворениях «Друг» и «Творчество», где речь идёт об отношении к людям, к своему труду, к поэтическому слову.

В 1972 году Роберт Рождественский был награждён высокой Премией Ленинского комсомола. Формулировка гласила: «... за стихи о молодом современнике — гражданине, патриоте, активном строителе коммунистического общества». В те ноябрьские дни, отвечая на вопросы интервьюера из «Литературной газеты», поэт сказал:

«Несмотря на свои 40, считаю себя комсомольцем. И ещё я считаю, что в этот миг, когда поэт перестаёт чувствовать себя молодым, он перестаёт писать стихи»⁷. Но эта истина к самому лауреату не относилась.

Следующий год был отмечен выходом сборника «За двадцать лет». Он объединил избранные стихи и поэмы из девяти книг, начиная от «Испытания» и кончая «Посвящением». Вошли сюда и пять поэм, созданных в разные годы. К. Симонов, предваривший этот одностомник статьёй «Об избранных стихах Роберта Рождественского», писал: «Я особенно ценю в Роберте Рождественском завидную способность ставить трудные вопросы и размышлять над ними на глазах у читателя и публично, не робея гласности <...> Вы открываете сейчас книгу талантливую и живую». В ней — «гул нашего времени»⁸.

Очередной сборник «Линия» (1973) вобрал в себя стихи, написанные за последние два года. Здесь мы находим такие прекрасные стихотворения поэта, как «Шум в сердце», «Сколько секунда значит?» (неизменные размышления поэта о времени), «Страхование жизни», «О национальности» (неожиданное, но глубоко продуманное утверждение: «по национальности я — советский»), ярко патриотическое произведение «Мамаев курган» (основанное на гиперболе: «выше всех Эверестов — Мамаев курган»), безусловный шедевр «Баллада о красках». Японские впечатления поэта отразились в стихотворениях «Над Саппоро кружится снег», «Иероглифы», «Не доставая до поручня». Сингапурские впечатления запечатлены в «Разговоре о снеге». Испанские — в «Трещинке», «Гитаре Гарсиа Лорки». Активную разработку получил здесь жанр поэтической сказки («Сказка о медных трубах», «Сказка о добром джинне», «Сказка с несказочным концом»).

Становится заметной эволюция поэта. В его стихах 70-х годов значительно меньше расщепленности и риторичности, поиск становится более глубоким, растёт чувство неудовлетворённости сделанным, исчезают ораторские интонации, усиливается конкретность речи.

Сборник «Перед праздником» (1974) любопытен разработкой жанра баллады («Баллада о бессмертии», «Баллада о спасённом знамени»), обогащением стихов той конкретностью наблюдений, о которой сказано выше. Достаточно привести один пример: в стихотворении «На родине Маяковского» в ряду других подробностей есть и такая: «И Евтушенко/ пыхтел, наморщась,/ над книгой отзывов».

Книга «Всё начинается с любви» (1977) знаменательна тем, что в ней собраны лучшие стихи Р. Рождественского на интимные темы. Здесь и воспоминания о девчонках ранней юности («Память»), и лирическая биография поэта («Дни рождений»), и любовные признания, обращённые к А. К. («Без тебя», «Ожидание»), и зашифрованный поцелуй жене («Восемьдесят восемь»), и попытка разгадки многогранного облика подруги («Матрёшка»), и глубокое жизненное обобщение («Всё начинается с любви»). Становится очевидным, какое большое место в творчестве поэта занимает любовная лирика. В ней и рассказ о ссоре, и обожание, и тревога, и восхищение, и ревность, и признание в неразделённости судеб с подругой, и поразительная нежность, и ощущение неповторимого счастья.

Одним из лучших сборников Р. Рождественского стал «Голос города» (1977), составленный из новых стихов. Хотя в нём раскрывается множество тем, волнующих поэта, его отличает исключительная цельность. Можно, воспользовавшись формулой Маяковского, сказать, что эта книга написана «о времени и о себе». Перед

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

читателем предстаёт наша страна со всем её многообразием ритмов, образов и красок. Поэт рисует китобоев и строителей, ветеранов-солдат и задорных мальчишек сегодняшних дней, программистов и актёров, докторов и их пациентов, мужчин и женщин, спешащих на работу. Он изображает «леса и травы, снегопад и зной, село Косиха, Сахалин и Волгу». Вся безграничность Отечества видна в этой книге. При этом зарисовки поэта получают каждый раз яркое образное воплощение. Таковы стихотворения «Приходят китобои», «Монолог футбольного ветерана», «День рождения женщины», «Белым снегом, белым цветом...», «Памяти Василия Шукшина», «Программистам, обучающим ЭВМ». Столь же многообразен и зарубежный мир, представляющий со страниц книги («Альенде», «Автомобильное кладбище под Вашингтоном», «Домик Петра Первого в Саардеме», «Барселонский рынок»). Поэт не довольствуется воспроизведением подобных «кадров» действительности, но наполняет их постоянными размышлениями об ответственности человека за всё, что творится на планете, о смысле жизни, о духовных ценностях личности, о её отзывчивости и долге («Баллада о телефонных звонках», «Долги»).

И этим сборник особенно поучителен и интересен.

1979 год в жизни и творчестве Р. Рождественского отмечен сразу тремя значительными событиями. Он был удостоен Государственной премии СССР за стихи, составившие сборник «Голос города», и новую поэму «Двести десять шагов»; вышел двухтомник избранных произведений поэта с содержательным предисловием Е. Сидорова; издан прекрасный альбом «Вечно живые».

О последнем нужно сказать отдельно. Альбом «Вечно живые» (1979) включает в себя гравюры талантлив-

ейшего литовского графика Стасиса Красаускаса и стихи Роберта Рождественского, долго и преданно дружившего с художником. Листы гравюр крупного формата здесь чередуются со строками поэта. Так цикл Красаускаса «Борьба» (листы 7-16) находит себе параллель в поэме Рождественского «Реквием» (листы 17-30), а графическая композиция «Память» (листы 31-38) получает переключку в поэтических строках «Давнее», «Жизнь и смерть», «Был солдат на небывалой войне» и др. Сюита гравюр «Вечно живые» стала последней и самой значительной работой художника, который скончался в 1977 году. Журнал «Юность», эмблемой которой был рисунок Красаускаса, откликнулся на смерть последнего большим его портретом и стихотворением Р. Рождественского «Стасису Красаускасу», где упомянут «белый и чёрный цвет» его гравюр.

В 1982 году сборник «Голос города» был переиздан, но теперь в него вошла и поэма «Двести десять шагов». Она воспроизводит нашу главную площадь страны — Красную площадь, «вобравшую» в себя всю сложную российскую историю. 210 шагов — это дорога почётного караула по направлению к Мавзолею Ленина мимо Кремлёвской стены. Вот почему композиция этого произведения строится на чередовании размышлений о незабвенных именах, о труде, о войне, о мире и описаний шагов (пятикратное, строго ритмичное появление главок, однотипно названных словом «Шаги»). Разумеется, это не только поступь солдат караула, но и чёткие шаги самой истории. Одновременно текст поэмы прославляется четырьмя отступлениями, носящими то лирический, то исторический, то «нелирический», то «утренний» характер. Они тоже вносят в музыку произведения свои ощутимые мелодии и свой неповторимый ритм. В целом же поэма отличается широким обобщённо-ро-

мантическим и лирико-философским осмыслением всего того, что пережил наш народ в былые и недавние годы.

Новые книги поэта «Это время» (1983) и «Землю спасти» (1984) позволили в следующем 1985 году составить — совместно с предыдущими стихами — Собрание сочинений в 3-х томах. Талантливый критик А. Бочаров предварил этот трёхтомник своей обобщённой статьёй «Поэтический мир Роберта Рождественского»⁹.

Исследователь выделяет в многообразном творчестве поэта четыре опорных мотива. Первый — борьба против мещанства, отвергаемого в бытовом, духовном и в социальном его проявлении. Он был сконцентрирован в поэме «Моя любовь». Второй мотив — память о Великой Отечественной войне. Наиболее обобщённо он был представлен в лирико-драматической поэме «Реквием». Третий опорный мотив — верность идеалам революции. Клятве преданности им поэт не изменял никогда. На наш взгляд, особо выразительно этот мотив прозвучал в поэме «Двести десять шагов». Четвёртый мотив — душевная открытость, часто воплощаемая в жанре письма. Лиризм сердечной печали наиболее заметно сказался в поздних стихах.

Я бы добавил к этим ведущим темам мотив мечты и устремлённости в завтрашний день, особенно ярко прозвучавший в поэме «Письмо в тридцатый век»; близкий к названному мотив постижения неразгаданной тайны мира, в особенности тайны Вселенной. Он наиболее сильно прозвучал в поэмах «Пятнадцать минут до старта» и «Посвящение»; мотив долга, чрезвычайно характерный для Р. Рождественского и сказавшийся в произведениях лирического жанра «Баллада о телефонных звонках», «Долги», «Люdiam, чьих фамилий я не знаю»; мотив движущегося и меняющегося времени («Часы», «Мгновения»).

Ныне особенно заметна эволюция нашего поэта от склонности к дидактике, поэтическим декларациям, риторике, проявляющейся в ранний период творчества, — к обретению простоты, трепетного лиризма, яркой образности поэтических решений, взвешенности утверждений. Однако меняясь, перестраиваясь, Роберт Рождественский сохранял избранный вектор движения, верность коренным принципам, установленным изначально. Недаром один из важных его сборников назывался «Линия».

Для поэтики Р. Рождественского весьма характерна диалогичность (предпочтение и умение вести разговор с Землёй, рекой, горой, другом, собеседником), открытая полемичность (спор с конкретным или обобщённым оппонентом), постановка вопросов и введение обращений, утверждения от имени коллективного «мы» (здесь сказалась традиция поэзии 20-х годов), пристрастие к номинативным неологизмам наших дней, терминам, собственным именам, ударным афористическим концовкам, переосмыслению слова («часы», «долги», «ожидание»), отказ от подтекста и полутонов, чёткость определений, максимализм требований и суждений, частые ряды синонимов, повторы¹⁰.

К излюбленным жанрам творчества поэта следует отнести поэму, балладу, сказку, письмо, репортаж. Особо следует выделить жанр песни, которую любил и мастерски выстраивал поэт. Его песни отличаются и от массовых произведений профессионалов-песенников, и от авторских песен исполнителей. В них ощущаются крупное видение явлений, масштабность высказываний и экспрессия строк. Достаточно вспомнить, что «широкой свадьбе» было места мало: «и неба было мало, и земли». Среди песен Рождественского можно встретить любовные («Сладка ягода»), героические баллады

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

(«Огромное небо»), песни-пожелания («Желаю вам»), песни к опереттам («Тётка Чарлея»), к спектаклям («Голый король»), к фильмам («Мгновения»). В особой своей книге «Разговор идёт о песне» (1979) поэт обобщил свою песенную практику.

Первая песня «Твоё окно» — была создана Р. Рождественским ещё в 1955 году, когда он учился в Литературном институте. Музыку написал А. Флярковский, тогда ещё студент Консерватории, а исполнил её Е. Кибкало, только принятый в Большой театр. А. Флярковский и позже писал песни на стихи друга-поэта: «Мы судьбою не заласканы...», «Стань таким», «Песня правды и гнева». Позже на стихи Р. Рождественского создавали песни:

Микаэл Таривердиев («Мгновения» и другие песни из фильма «Семнадцать мгновений весны»),

А. Пахмутова («Город детства», «Просьба», «Полынь»), Д. Кабалевский («Наши дети»),

М. Фрадкин («За того парня», «Придёт и к вам любовь», «Там, за горизонтом», «Как рождаются звёзды», «Любовь не гаснет первая»), Н. Богословский («Ревность»),

Е. Птичкин («Эхо любви», «Сладкая ягода»), Б. Мокроусов («Бьют свинцовые ливни...»),

А. Бабаджанян («Ноктюрн», «Зимняя любовь», «Воспоминание», «Пока я помню, я живу», «Благодарю тебя», «Свадьба», «Загадай желание», «Над синей водой», «Такая нам судьба дана», «Позови меня», «Встреча», «Самотлор», «Песня солдатская моя», «Просёлочной дорогой», «Судьба», «Гимн любви»), А. Холминов («Герб советской страны»),

О. Фельцман («Мы уходим, товарищ», «Птица», «Старые слова», «Огромное небо», «Баллада о знамени», «Встретились два человека», «Бам», «Песня матери», «Песня о бессмертии», «Баллада о красках», «Неоткрытые острова», «Старина Урал», «Люди, как реки», «С рождения до вечности»),

Д. Тухманов («Родина моя», «Приятие земли», «Здравствуй, мама», «Олимпиада-80»),

Г. Мавтесян («Свет вечного огня», «Начало», «Мои года», «Мы — армия народа», «Мы выросли», «Жёны космонавтов»);

Е. Мартынов («Любовь моя», «Свадебный вальс»), И. Шамо («Товарищ-песня»);

С. Кац («Мои года — моё богатство»), Е. Крылатов («Я люблю тебя»);

М. Магомаев («Приходит рассвет», «Приснившаяся песня», «Желаю вам», «Торжественная песня», «Колокола рассвета»),

Ю. Гуляев («Воспоминание о полковом оркестре», «Желаю вам...»);

А. Шиллер («Пятнадцать сестёр»), В. Гамалий («Молдавская ночь», «Синева»), В. Иоффе («Память»),

Р. Паулс («Любовь настала»), Л. Броневицкий («Облака»);

Я. Френкель («Погоня», «Песня Веры»), О. Иванов («Ты земля моя»), В. Шаинский («Игра»),

А. Журбин («Песня о счастье»), Е. Жарковский («Океан»);

Т. Попа («Не моя вина», «Пой, гитара»), Френсис Лей («Прощение»).

Этот обзор красноречиво свидетельствует о богатстве песенного репертуара в творчестве Р. Рождественского, об удивительной популярности этих произведений и их разнообразии.

Но в творчестве нашего поэта, наряду с лирическими жанрами, значимое место занимали произведения, близкие к сатире («Признание кинодублёра», «Убили парня», «Государственный частник», «Пресмыкающиеся», «Стыдливые»), в которых Рождественский откликался на явления, говорившие о признаках общественного нездоровья.

В ряде стихотворений философского характера («Друзьям», «Это время») поэт стремился к широкому осмыслению жизни. В лирике 90-х годов поэт вернулся и к стихам, отличающимся прежней публицистичностью («Гул

веков — страна») и пронизанным щемящей болью автора за судьбы молодёжи, за судьбу России.

В творчестве Рождественского наша себе место и путевая публицистика в прозе. Ей посвящена книга «И не кончается земля...» (1971). Многие читатели хорошо помнят острые репортажи Рождественского, посвящённые пребыванию в Америке («Между прошлым и будущим»), в Берлине («Выбор»), в Калининграде («Янтарный берег»), письмо из зала суда («Бизнесмены»). В этих репортажах всегда было острое ощущение времени.

Р. Рождественский иногда выступал как критик. В одном случае он набрасывал творческий портрет азербайджанского поэта Наби Хазри (1979), в другом — давал обзор якутской литературы (1958). Занимался поэт и переводами — с греческого (он перевёл поэму А. Парниса «Алжирское солнце»), с болгарского (переводы М. Ангелова), с адыгейского (переложение стихов Исхака Машбаша), с грузинского (стихи И. Нонешвили), дагестанского (стихи Р. Гам-

затова). Но на первом месте у Рождественского всегда оставалось собственное поэтическое творчество. В 1988 году вышла книга «Стихотворения», в 1991 — сборник «Бессонница».

Последние годы поэт долго и тяжело болел. Самые поздние его стихи были собраны и изданы в 1994 году уже женой поэта — А. Киреевой. Поэт умер 18 августа 1994 года в Москве.

За свою напряжённую и исключительно активную творческую деятельность Р. Рождественский (он выпустил свыше 70 изданий своих произведений) был награждён двумя орденами «Знак Почёта», орденом Трудового Красного Знамени, премией Московского комсомола (о других премиях мы уже говорили). На конкурсе поэтов в Югославии он был удостоен первой премии — Золотого венка. Награждён он был и на конкурсе песен в Сопоте. Он был Секретарём Союза писателей, членом Советского комитета защиты мира, членом Всемирного совета мира. Сделанное поэтом за недолгие 62 года жизни не оценимо.

Примечания

1. Мальгин Андрей. Роберт Рождественский. Очерк творчества. — М.: Худ. лит-ра, 1990 — С. 46.
2. Назаренко В. Цель и средства. Заметки о некоторых новых поэмах//»Звезда», 1956, № 5. — С. 175.
3. Урбан Адольф. Возвышение человека. — Л.: Худ. лит-ра, 1968 — С. 234-235.
4. Лесс А. Чем вам дорог Маяковский?// Вопросы литературы. — 1963, № 6 — С. 151.
5. Ионас Б. Слушая Реквием...// Сов. культура, 1975, 9 мая, № 38.
6. Добронравов Николай. Судьбы, ставшие стихами// Комсомольская правда, 1972, 16 ноября.
7. Литературная газета, 1972, 1 ноября.
8. Симонов К. Об избранных стихах Роберта Рождественского// Роберт Рождественский за двадцать лет. Избранные стихотворения и поэмы. — М.: Худ. лит-ра, 1973. — С. 6.
9. Бочаров А. Поэтический мир Роберта Рождественского// Р. Рождественский. Собр. соч.: В 3-х т. — М., 1985.
10. Громова Н. М. Жизнь слова в поэзии Роберта Рождественского// Русская речь, 1975, № 4 — С. 43-50.

МАТЕРИАЛ ОПУБЛИКОВАН ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСТАВРАТОРА —
АНДРЕЯ ПАВЛОВА-АРБЕНИНА

Н. Вельтер

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

Сегодня мы празднуем 30-летие Победы над фашистской Германией, преклоняемся перед подвигом советских воинов, всего нашего народа. И покуда жив мир, не исчезнет из его памяти то, что было сделано не только бойцами в солдатских шинелях, но и обыкновенными штатскими, среди которых было более всего женщин, стариков и подростков. Не исчезнет из народной памяти и подвиг ленинградцев, сумевших выстоять в страшные годы блокады.

Приказ об эвакуации из Ленинграда театральных коллективов артисты встретили с огромным волнением. Ведь это свидетельствовало о новом натиске врага. Однако я не уехала — во-первых, потому что заболела, во-вторых, в письме брата, окончившего Ленинградскую артиллерийскую академию и находившегося на Ленинградском фронте с первых дней войны, были такие слова: «Скоро увидимся, нахожусь в 75 километрах от Ленинграда». И я ждала его, ждала до тех пор, пока не пришла похоронная.

В Ленинграде остались многие наши артисты. Собиралась эвакуироваться, но не успела С. Преображенская с детьми (младший был еще грудной). П. Андрееву тоже помешала болезнь. Поправившись, он сказал: «Я буду с ленинградцами, а если понадобится, возьму винтовку!»

Осада застала в городе певцов — В. Касторского, Н. Болотину, П. Бо-

лотина, В. Ивановского, И. Нечаева, В. Легкова, М. Елизарову, К. Кузнецову, В. Сорочинского, В. Шестакову, Г. Скопа-Родионову, М. Зюзину, М. Мержевскую, А. Толмозана, А. Атлантова, В. Богнычеву, В. Меркулову, В. Самсоненок, А. Лыжина, Г. Холмовскую, М. Дозенмана, А. Никифорову; артистов балета — В. Мицкевич, Н. Шахматова, Т. Шмырову, О. Иордан, Н. Красношееву, Н. Сахновскую, Р. Гербека, Т. Иванову; пианистов — М. Бихтера, М. Дулова, А. Люблинского, М. Преображенскую, М. Громеницкую, В. Епанешникову; дирижеров — К. Элиасберга, В. Ульриха.

Заместитель директора Театра оперы и балета имени Кирова А. Беляков объединил работников двух ленинградских оперных театров. 21 ноября 1941 года на сцене Народного дома оперой Чайковского «Евгений Онегин» был открыт наш первый военный сезон. Спектакль транслировался не только по городскому радио, но и по всему Ленинградскому фронту. Зрители были счастливы увидеть любимых артистов (пели И. Нечаев, В. Легков, К. Кузнецова, дирижировал В. Ульрих), и даже внезапный обстрел никого не заставил покинуть зал. Однако уже второй наш спектакль — «Травиата» прерывался из-за воздушной тревоги двенадцать раз и в результате так и не был закончен.

Между тем кольцо блокады сжималось. Наступила страшная зима

1941-1942 годов. Холод, голод, отсутствие электричества, транспорта, частые налеты вражеской авиации, еще более частые артобстрелы. Мы с ужасом смотрели, как полыхали факелом все постройки Народного дома. А в квартирах — замерзшие лужи воды от лопнувших батарей, печурка-буржуйка образца гражданской войны, на которой кипятится вода, добытая из проруби на Неве, лепешки, замешенные на кофейной гуще с очистками картофеля. Однажды на четыре дня была прекращена выпечка хлеба. Чтобы съесть похлебку «из ничего» (как мы говорили), приходилось ходить в театр. Возвращались под свист тяжелых снарядов и грохот обваливавшихся зданий. Но ничто не поколебало мужества ленинградцев. Неумолимо работали военно-шефские комиссии: при Доме Красной Армии, Доме флота, областном Управлении по делам искусств, Театре имени Кирова. На юг и запад, на восток и север направлялись концертные бригады для обслуживания частей Ленинградского фронта. С утра у зданий военно-шефских комиссий нас уже ждали замаскированные грузовики; по прибытии в части их кузова с откинутыми бортами становились сценическими площадками. Летом же чаще всего нашими «подмостками» были просто поляны.

Выступали мы и на кораблях для моряков. Однажды наши слушатели, воодушевившись концертом, в свою очередь исполнили чуть ли не целое отделение своих песен и удалых матросских плясок.

Неоднократно ездили и в Кронштадт. После концерта моряки острожно вели нас по льду под прикрытием дымовой завесы. Как-то раз нас направили к летчикам. Для этого нам нужно было ночью проехать через Ладожское озеро. Одетые в ватные костюмы, а поверх них в зимние пальто, в платках и валенках, мы выглядели

не очень привлекательно. И вдруг наша машина, попав в прорубь от воронки, стала медленно погружаться в воду. Хорошо, что с нами был военком, и по его команде мы «пулями» выскочили из машины, даже не понимая, что происходит. Все закончилось благополучно, но пока вытаскивали машину, мы изрядно промерзли. Добравшись наконец до места назначения, мы, разделившись на группы, выступали под баян в полумраке землянок, освещаемых керосиновыми лампами или коптилками. И хотя в каждой землянке бойцов помещалось немного, прием был горячий.

Вернувшись в Ленинград, мы в тот же день вечером дали концерт в одном из военных госпиталей. После выступления в огромном конференц-зале мы пошли в палаты тяжелораненых. Меня не покидала мучительная мысль, как можно петь людям, которые так страдают? И вдруг один из бойцов, слегка погладив кисть моей руки, сказал запекшимися губами: «Какая худенькая». От волнения у меня сдавило горло. Но надо было петь. Начала с «Колокольчика» Гурилева, потом спела две русские народные песни. И видела, как разглаживались на лицах бойцов скорбные морщины, как расплывались в улыбках губы. В этой палате, где властвовала боль, ко мне впервые пришло решение стать донором.

Моя донорская деятельность принесла мне тоже немалое душевное удовлетворение. Как-то меня срочно вызвали в Институт переливания крови, где мы, кстати сказать, часто выступали с концертами, для встречи с командиром одной из частей Ленинградского фронта. Он хотел лично познакомиться с донором, чья кровь спасла ему жизнь. Мне не забыть смущения, с каким он принимал с трудом добытый мною букет цветов, не забыть его благодарных глаз. У меня хранятся письма с фронта, которые я и сегодня

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

не могу читать спокойно: **«Вы не на фронте... Но ваша кровь течет по жилам многих бойцов и командиров. Она воюет и, если надо, жертвует жизнью... Ваша заслуга велика. Михаил Волнухин. Полевая Почта 12556-Ая.**

Худые, изможденные, голодные, приходили доноры в Институт переливания крови. Они шли из дальних концов огромного и, казалось, «мертвого города», шли пешком на Вторую Советскую улицу, мимо разрушенных зданий. В большинстве случаев это были женщины, у которых дома оставались голодные дети или старики; их приводила сюда одна мысль — отдать свою кровь для спасения жизни раненых бойцов и ленинградцев (малышей, подростков и взрослых, пострадавших от бомбежек).

Несмотря на все тяжкие переживания, выпавшие нам на долю, дни блокады вспоминаются сейчас как один из самых значительных периодов жизни, исполненный бескорыстного самопожертвования. В одном из стихотворений Ольги Берггольц (с ней я неоднократно встречалась тогда на концертах и в Радиокomitee) очень точно сказано: «Горжусь, что в эти дни как никогда мы знали вдохновение труда...»

Мысль о постановке спектакля, который можно было бы показывать на любой площадке, в любых условиях, родилась после одного из фронтовых концертов в конце января 1942 года. Выбор пал на «Кармен». В нашей концертной бригаде, кроме меня, были драматический тенор В. Сорочинский, драматический баритон П. Болотин, сопрано Н. Болотина и Г. Скопа-Родионова, бас А. Атлантов, художник Г. Цорн и пианистка М. Громеницкая. Я согласилась быть режиссером спектакля. В ту же ночь при коптилке, примостившись у теплой железной печурки, я писала литературно-музыкальную композицию «Кармен» по мотивам оперы Бизе и новеллы Ме-

риме. Моя работа была через месяц утверждена Б. Загурским — начальником Комитета по делам искусств. Условия подготовки к спектаклю были очень сложными. Зима 1941-1942 годов оказалась самой страшной. Люди умирали в домах, на улицах. Я помню проезжавшую по Невскому проспекту грузовую машину. Ее огромный кузов был заполнен трупами замерзших на улицах людей. У переднего борта стоял, словно живой, старик с длинной седой бородой, развевающейся по ветру. В один только день 20 февраля на Пискаревском кладбище было захоронено свыше десяти тысяч человек... Тем не менее с раннего утра у меня на квартире репетировали «Кармен». Артисты приходили пешком. Согретшись в кухне у печурки, работали в большой холодной комнате, с окнами, забитыми фанерой (стекла вышибла взрывная волна от разорвавшегося на Дворцовой площади снаряда).

Хозе — В. Сорочинский — актер большого дарования и большого темперамента, несмотря на слабость, в процессе репетиции воодушевлялся, заряжая нас своей энергией. Чувство юмора не покидало П. Болотина — тореадора. «Проклятый фриц задержал на целых двадцать минут», — шутил он. И от его улыбки, казалось, становилось светлее в полутемной комнате. В нашу работу постепенно включались М. Елизарова и В. Шестакова (и та, и другая — Фраскита), М. Зюзина (Мерседес), А. Атлантов и А. Лыжин (Цунига), концертмейстеры В. Епанешникова, А. Люблинский.

А вечерами мы вновь спешили на концерты для фронтовиков. Ленинградский горком партии организовал цикл таких концертов, в которых принимали участие С. Преображенская, П. Андреев, В. Касторский, пианист А. Каменский, драматический актер Б. Горин-Горяинов, молодые певицы М. Мержевская, Г. Скопа-Родионова, артистка эстрады чтица А. Егорова и я.

Писатель Всеволод Вишневский читал отрывки из своих произведений. Подготавливались и тематические программы, например «Советская женщина в Великой Отечественной войне». В этой программе выступали Ольга Берггольц, Вера Инбер, Вера Кетлинская, Елена Рыбина.

И, наконец, в апреле 1942 года в помещении Драматического театра имени Пушкина прозвучал первый симфонический концерт. Дирижировал К. Элиасберг. В. Касторский пел арию Ивана Сусанина, я исполнила арию Орлеанской девы. Примерно в то же время нам предоставили для репетиций «Кармен» зал Хореографического училища. С концертмейстером оркестра Радиокomiteта С. Аркиным я договорилась о том, что их коллектив, хотя бы в сильно сокращенном составе, будет сопровождать наш спектакль. И меня очень обрадовало, что весь оркестр горячо откликнулся на наше начинание. Репетиции продолжались уже в Большом зале филармонии; музыканты разместились в боковых ложах, справа от сцены.

Мне как режиссеру спектакля приходилось исходить из физического состояния всех участников спектакля — солистов, артистов хора и балета. Так, большую часть хора пришлось разместить за колоннами зала; многие были настолько измучены, что могли петь только сидя. Большое искусство требовалось от гримеров, чтобы превратить изможденных ленинградских артистов в жизнерадостных испанцев. В спектакле, оформленном художником Г. Цорном, были две Кармен: говорящая (эта роль была поручена мастеру художественного слова Н. Чернявской; она же читала весь литературный текст композиции) и поющая (ее исполняла я) — обе одинаково одетые, причесанные и загримированные.

Перед первой нашей афишей стояли толпы людей. С волнением и радостью мы слышали: «Молодцы ар-

тисты, не сдаются!» 1 июля 1942 года состоялась премьера. Через щели в занавесе мы видели взволнованных военных, радостно возбужденных женщин. При первых звуках музыки зал забелел от носовых платков — это наши зрители вытирали слезы. Я ощутила в моей «блокадной» Кармен какие-то новые черты, обогащающие образ. Невозможно забыть ту благодарность, которую выражали зрители. Никто не стыдился слез, горячих рукопожатий.

За один месяц спектакль был показан десять раз (в филармонии, Доме флота, Доме Красной Армии, в летнем театре Дома пионеров). Успех «Кармен» вдохновил коллектив на дальнейшую работу. К XXV годовщине Великой Октябрьской революции Е. Студенцов поставил «Евгения Онегина». Начали работать над «Пиковой дамой». Мне снова пришлось стать режиссером. Дирижировал все тот же незаменимый К. Элиасберг, декорации выполнял Г. Цорн. В партиях были заняты: Герман — В. Сорочинский и В. Ивановский; Лиза — Н. Болотина и К. Кузнецова; Графиня — С. Преображенская и я; Томский — П. Болотин и П. Андреев; Елецкий — В. Легков; Полина — М. Мержевская; Прилепа — Г. Скопа-Родионова и В. Шестакова.

Для нас было очень важно именно в то время, когда город Пушкин находился в руках врага, а усадьба Чайковского — разгромлена, доказать, что ленинградцы не забыли и никогда не забудут гениев русского народа.

К октябрю 1943 года наш коллектив, разместившийся в уже отремонтированном здании Малого театра, выпустил «Травиату» Верди в постановке Н. Железновой. Большой успех имела В. Шестакова — Виолетта. И. Нечаев пел Альфреда, Я. Соколов и И. Алексеев исполняли в очередь партию Жермона, дирижировал И. Аркадьев, оформлял спектакль Б. Альме-Динген.

Параллельно балетная труппа под руководством О. Иордан готовила ряд концертных программ, первая из которых была показана в филармонии 31 октября 1942 года с участием Н. Сахновской и Р. Гербека, танцевавших вальс Штрауса «Сказки Венского леса». Позднее, уже на сцене театра, шли балеты «Эсмеральда», «Шопениана», «Конек-Горбунок», фрагменты из «Пахиты», «Бахчисарайского фонтана».

Несмотря на то, что оформление оперных и балетных спектаклей было сопряжено с огромными трудностями, декорации отличались тонким вкусом. В «Онегине» и «Пиковой даме» художник Г. Цорн воссоздал поэтичную атмосферу пушкинских образов. Самоотверженно работал выдающийся художник С. Евсеев.

Практически у нас не было профессиональных рабочих сцены. Декорации развешивались и укреплялись самими актерами, которым помогали подростки¹. Часто несложные декорации укреплялись вручную, поэтому, естественно, случались и трагикомические казусы. Так, в балете «Конек-Горбунок» однажды вдруг завалился стожок ржи, и зрители увидели лежащую на полу женщину, у которой просто не хватило сил удержать часть декорации...

¹ Среди них была и Дина Янковская, в настоящее время солистка Ленконцерта

И вот наконец на одной из вечерних репетиций кто-то вбежал в зал и крикнул: «Товарищи! Прорвано кольцо блокады!» Мы бросились на улицу. Гул зенитных орудий смешался с торжествующими криками радости, с песнями и рыданиями. В эти дни на фронтовых концертах царило особо приподнятое настроение.

Несмотря на продолжавшиеся жесткие обстрелы (был случай, когда снаряд разорвался у здания филармонии на улице Бродского перед самым началом концерта), зал наш всегда до отказа заполняли зрители.

Со дня премьеры «Кармен» и до осени 1943 года мы показали ленинградскому зрителю 91 спектакль, за время блокады было проведено более 3500 концертов. Имена многих артистов ленинградских театров, погибших на фронтах Отечественной войны или ставших жертвами блокады, запечатлены на мраморных досках в филармонии, во Дворце искусств имени Станиславского, в Театре имени Кирова, в Малом театре оперы и балета...

С большим волнением вспоминаем мы, оставшиеся в живых «блокадники», тех товарищей, которых уже нет среди нас. До конца наших дней пронесем мы в сердце чувство удовлетворения и гордости за советских артистов, самоотверженно и вдохновенно творивших в самый трудный период истории нашего города-героя.

МАТЕРИАЛ ОПУБЛИКОВАН ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСТАВРАТОРА —
АНДРЕЯ ПАВЛОВА-АРБЕНИНА

Б. Э. Хайкин

КАК МЫ РАБОТАЛИ

...Сейчас у нас в Большом театре поставлена опера К. Молчанова «Зори здесь тихие...». На репетициях я наблюдал за нынешним поколением молодых артистов, не знавших войны: в кое-как пригнанной военной форме, они выглядели жизнерадостными и бодрыми, несмотря на трагические коллизии оперы, в которых им приходилось действовать. Навернулись слезы. Вспомнилось, как много лет назад все мы тоже были внешне жизнерадостны, никто не хотел показать тревоги, страха. И если сегодня у зрителя навернутся слезы, это будет подтверждением того, что тогда мы были правы, скрывая тревогу, и что сейчас мы действуем в этом спектакле правильно.

Я не воевал, хотя в первые дни войны ходил в военкомат, готов был идти на фронт. Несмотря на то, что нападение было очень внезапным, в Ленинграде, где я был в ту пору, не ощущалось никакой растерянности. Все взрослые мужчины (да и не только мужчины) направлялись в военкоматы: шли в одиночку, шли группами из учреждений, прямо после митингов. Многих возвращали обратно — для войны нужен был тыл. Многим деликатно говорили: «До вас еще очередь не дошла». Правительство считало необходимым сохранить в неприкосновенности театральные коллективы.

Фронт довольно быстро приблизился к Ленинграду. Мы в Малом

оперном театре продолжали играть спектакли и репетировать. В афишах писалось: «В случае воздушной тревоги зрители обеспечиваются бомбоубежищем». Эта фраза вскоре стала такой же привычной, как, скажем: «В фойе — буфет с прохладительными напитками». Приспособились начинать спектакли так, чтобы зрители успевали домой раньше так называемого «комендантского часа». Мы, артисты, были обеспечены специальными пропусками. Все эти мелочи помнятся еще и потому, что свидетельствуют, как все было тогда точно организовано, что война, несмотря на внезапность, не застала нас врасплох.

С первых же военных дней группы артистов, или бригады, как их называли, стали давать концерты на призывных пунктах, в военных частях, часто далеко за пределами города. Несмотря на всеобщую озабоченность и занятость, эти концерты были очень нужны — они приносили необходимую разрядку, вселяли бодрость, вызывали улыбки.

Организация фронтовой бригады — это дело не такое простое, как может показаться сейчас. Как их формировать? Какой репертуар подбирать? С роялем в землянку не полезешь. Надо было срочно делать аранжировки для ансамбля из пяти-шести человек. Неоценимыми оказались те артисты, которые умели играть на гитаре или на аккордеоне.

У нас был создан «штаб» по формированию концертных бригад, который возглавили три дирижера — К. Кондрашин, Э. Грикуров и я. Мои коллеги не раз выезжали на фронт во главе концертных бригад, и сегодня я, как сейчас, вижу К. Кондрашина и Э. Грикурова в военной форме, с аккордеоном в руках. Дирижировать во фронтовой бригаде было нечем, пришлось быстро научиться играть на аккордеоне — в военное время нужно было осваивать «военную технику». Мы втроем делали и аранжировки на разные составы. Сами же расписывали голоса, иногда нам помогали в этом концертмейстер И. Рубаненко, библиотекари И. Артамонов и М. Воеводина. Жарко спорили, — какой репертуар давать в условиях войны, воздушных тревог, фронтовых землянок и траншей. То, что репертуар должен быть патристическим, мобилизующим, не вызывало сомнений. Обратились к сочинениям И. Дунаевского, Н. Богословского, а также талантливого В. Томилина (погибшего в бою в декабре 1941 года), Ю. Кочурова, М. Чулаки и других ленинградских композиторов, которые и до войны группировались вокруг Малого оперного театра. Почти сразу после нападения фашистов на нашу страну появился «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седого — прекрасная песня, мгновенно получившая популярность. Она так обогащала и очищала души, что по силе воздействия ее можно было сравнить с Мессой Бетховена. Подобное сравнение покажется, вероятно, странным тому, кто не знал эмоционального настроения советского человека в то трудное время. Я же думаю, что среди причин, позволивших нам выиграть войну, была и та задушевность, то сердечное тепло, та человечность, которые всегда отличали советского человека.

Еще несколько слов о фронтовых бригадах. Мы храним фотографии

военного времени — на них и бойцы улыбаются, и артисты улыбаются. Но порой нам бывало совсем не до улыбок. Порой артисты вместе с бойцами разделяли все невзгоды, попадали в окружение, погибали при исполнении своего «воинского долга». Вспоминаю я об этом сейчас затем, чтобы счастливое нынешнее молодое поколение артистов, которому я от души желаю успехов, прежде чем говорить о недостаточном внимании к ним, задумалось над тем, в каких условиях творили их старшие коллеги.

В те грозные дни мы всем коллективом театра копали противотанковые рвы, изучали основы противовоздушной и личной обороны. Как и все население, носили на верхние этажи и на чердаки носилки с песком для обезвреживания зажигательных бомб, ночами по двое, с противогазами через плечо дежурили возле своих домов.

В 20-х числах августа 1941 года было принято решение об эвакуации почти всех ленинградских театров. (Эвакуировались всем составом, с семьями. Оставались только те работники, кто был необходим «на объекте» — для поддержания порядка в театре, для обеспечения сохранности имущества.) Остались в Ленинграде театр Музыкальной комедии, Большой драматический театр имени Горького и Большой симфонический оркестр радио, возглавляемый К. Элиасбергом, которые героически работали в осажденном городе все 900 дней блокады.

С эвакуацией было много сложностей. Я, как депутат Ленинградского городского совета, имел поручение проверить по своему округу положение в каждой семье. Обо всем приходилось докладывать в райкоме и в горисполкоме. Никогда не забуду неутомимой деятельности секретаря Ленинградского горкома А.А. Кузнецова, председателя горисполкома П.С. Попкова, секретаря Держин-

ского райкома П. И. Левина. Энергия этих людей была неисчерпаема.

Случалось слышать от них и такую фразу: «Сообщаю только для вас: положение на фронтах за последние дни резко ухудшилось». И несмотря на то, что иной раз положение действительно казалось безвыходным, уходил я от этих людей каким-то окрыленным.

Пунктом назначения нашего Малого оперного театра был город Оренбург (тогда Чкалов), где нам предоставляли помещение местной оперетты. Мы везли с собой из Ленинграда декорации, костюмы, бутафорию, музыкальные инструменты. Все это необходимо было во что-то упаковать, доставить на вокзал, погрузить в вагоны... Но к тому времени почти все мужчины — работники постановочной части (машинисты, монтировщики декораций, костюмеры, бутафоры, гримеры, осветители) — ушли на фронт. Оставшиеся в театре женщины героически выполняли их работу — демонтировали, упаковывали. Кроме того, женщины днем и ночью изготавливали маскировочные сети, столь необходимые городу. Большая сеть растягивалась по всему планшету сцены или декорационного зала. Женщины вплетали в нее зеленые лоскутки. С воздуха такая сеть походила на травяное поле.

И вот, в 20-х числах августа один за другим ушли эшелоны, увозившие коллективы театров, филармонии, консерватории, других учреждений культуры. 22 августа наш эшелон отошел от перрона Московского вокзала, а через несколько дней «кольцо» вокруг Ленинграда сомкнулось. Ехали мы пятнадцать суток — линии, связывавшие запад с востоком, были загружены до предела.

В сентябре в Оренбурге еще стояла теплая погода и мы, расположившись бивуаком в здании оперетты, смогли дать несколько спектаклей в помещении летнего театра. Тем временем шла работа по расселению артистов и их

семей. Нам очень помогли городские власти и все население; энергично занимались этим вопросом и мои неоценимые помощники — К. Кондрашин и Э. Грикуров. Когда этот самый сложный вопрос как-то был решен (кроме квартир, требовалось раздобыть еще топливо), мы бросили все силы на прилаживание наших спектаклей к маленькой сцене Оренбургского театра, что оказалось делом отнюдь не легким.

Тем не менее, спустя какое-то время Малый оперный был готов к открытию сезона. В фойе замечательный художник Владимир Николаевич Мешков, несмотря на очень немолодой возраст, с утра до вечера расписывал декорации. И с каким мастерством! Тогда еще художники умели делать это сами. (Сейчас они, кажется, умеют только создавать и вычерчивать конструкции. Конечно, здесь тоже нужно большое мастерство, но в войну оно нам бы не пригодилось.)

Не успел открыться наш первый оренбургский сезон, как директор театра ушел в армию. Его обязанности возложили на меня. Быть директором оперного театра — незавидная участь, тем более в условиях военного времени. Я никогда себя к этой деятельности не готовил, и мне пришлось учиться многому тому, что очень далеко и от кварто-квинтового круга, и от контрапункта строгого письма. С чувством самой глубокой благодарности вспоминаю председателя Комитета по делам искусств Михаила Борисовича Храпченко, который всегда меня очень поддерживал, а также первого секретаря Оренбургского обкома партии Г. А. Денисова, придававшего большое значение мобилизующей роли театра в условиях тыла. Очень повезло мне и с помощниками — моим заместителем был назначен известный ленинградский музыкально-общественный деятель П. Ц. Радчик, а главным режиссером (это уже моя собственная заслуга)

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

— А. Г. Алексеев, прекрасный мастер, умный тонкий художник, влюбленный в музыкальный театр.

Как и в Ленинграде, в Оренбурге продолжилась наша военная подготовка. Я, как директор, следил, чтобы она занимала определенное место в наших планах. Мы были тесно связаны с высшей Военно-воздушной академией, находившейся тогда в Оренбурге. Если возникали трудности, нам не было отказа ни в чем. А с начальником академии генерал-лейтенантом Я. С. Шкуриным мы остались большими друзьями и после окончания войны.

Наш репертуар довольно быстро расширялся. Восстановили оперы «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Майская ночь», «Черевички», «Проданная невеста», «Ромео и Джульетта» (Гуно), «Травиата», «Риголетто», «Тоска», «Паяцы», оперетту «Цыганский барон» (за три месяца до начала войны блестяще поставленную режиссером А. Феонной), балеты «Кавказский пленник», «Фадетта», «Коппелия», балет М. Чулаки «Сказка о попе и работнике его Балде» (увидевший свет рампы незадолго до начала войны в талантливой интерпретации В. Варковицкого...) Вскоре мы заново поставили «Пиковую даму» и «Иоланту».

Одной семьей с нами жила группа ленинградских композиторов — В. Соловьев-Седой, И. Держинский, М. Чулаки, В. Волошинов, также поэт А. Фатьянов. Композиторы, так же, как артисты, принимали участие в концертах фронтовых бригад, иногда подолгу оставались в действующей армии. Возвращение наших коллег из таких поездок всегда было событием. Организовывались встречи, мы как бы соприкасались с фронтовой атмосферой.

Композиторы очень помогали театру, И. Держинский сочинил две оперы — «Кровь народа» (одноактную) и

«Надежда Светлова». В. Волошинов написал оперу «Сильнее смерти» (на либретто и сюжет Ю. Калганова). Все они были посвящены борьбе нашего народа с фашистскими захватчиками и шли с большим успехом в постановке А. Алексеева. В нашем репертуаре появилась также опера М. Черемухина и С. Аксюка «Калинка».

Красочным, жизнерадостным спектаклем, была лекоковская «Принцесса Канарских островов» (у нас она называлась «Тайна Канарского наследства»). В нашем распоряжении был только клавир с французским текстом. Алексеев блеснул здесь своим талантом — он сочинил пьесу, сделал свободный перевод всех музыкальных номеров, сохранив при этом легкость и жизнерадостность действия, но избавив его от устаревшей опереточной чепухи. Наконец, — немаловажная деталь — Алексеев поставил спектакль с большим вкусом и тонким юмором. Актеры бывшего Михайловского театра были достаточно опытны в искусстве оперетты. А такой опереточный комик, как М. Ростовцев, вызывал буквально бурю аплодисментов. Совершенно изумительно инструментовал оперетту М. Чулаки, многое досочинив (в том числе музыку нескольких балетных номеров). Не забуду и художницу Е. Коркину, искусство которой немало способствовало общему яркому колориту спектакля. Мне кажется, что эта наша работа — блестящее подтверждение того, что и, казалось бы, безнадежно устаревшие сочинения при умном, смелом и талантливом творческом прочтении могут великолепно звучать и сегодня.

Кто же посещал наш театр в Оренбурге? Здесь была сосредоточена оборонная промышленность, прибавились институты, эвакуированные из западных районов страны вместе со студенчеством и профессурой. Нельзя снимать со счетов и местную интеллигенцию, отнюдь не малочислен-

ную. Если прибавить, что в Оренбурге раньше никогда не было оперы, то естественно, что в зрительном зале всегда было полно. Я часто всматривался в лица слушателей. Это были военные, приехавшие на несколько дней с фронта в командировку или на побывку, студенчество, профессура, рабочие. Это была молодежь допризывного возраста и очень пожилые люди. Это были раненые из госпиталей, которым уже разрешалось ходить в город. Несмотря на общую суровую атмосферу, мы чувствовали, что театр нужен всем, что мы делаем важное и полезное дело. Местная пресса уделяла театру внимание. Большую помощь оказывала нам находившаяся тогда в Оренбурге музыковед Р. Глезер, статьи которой способствовали просветительской деятельности театра. Вместе с нашими артистами она выступала в госпиталях. У меня до сих пор сохранилось ощущение, что между нами и слушателями существовал в те годы какой-то особенный контакт, какого не было ни до войны, ни после. Мы как-то удивительно хорошо понимали друг друга. Это проявлялось и в большом, и в малом. Вот пример: в городе, где появилось много новых промышленных предприятий, потребность в электроэнергии резко увеличилась, а мощности городской электростанции не хватало. Случалось, что в разгар спектакля в театре гас свет. В таких случаях мне приходилось покидать дирижерский пульт и из своего директорского кабинета звонить в горсовет. Когда мне отвечали: «через полчаса получите свет», я сообщал об этом зрителям, и они терпеливо ждали. Иногда же приходилось слышать: «ваш район отключен, и сегодня, к сожалению, мы включить его уже не сможем». И это сообщение я передавал зрителям, добавляя, что «при первой возможности мы вам наш спектакль доиграем». Все спокойно поднимались, получали при свете коптилок свои пальто и рас-

ходились. Ни восклицаний, ни эксцессов. А мы в темноте собирали инструменты и ноты, актеры переодевались, костюмеры собирали театральные костюмы, машинисты разбирали сцену, соблюдая все противопожарные меры. И все это в темноте, все при полном спокойствии, при безупречной дисциплине.

Кроме опер и балетов, мы регулярно давали симфонические концерты, которые тоже всегда шли при переполненном зале. Играли симфонии Чайковского, Бетховена, в том числе и Девятую.

В 1942 году я получил первые отписки Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Мы ее быстро расписали и в течение сезона 1942/43 года играли семь раз в Оренбурге и два раза в Орске. Это было событие для всех, а для меня в особенности. Ведь автора рядом не было, и я готовил премьеру наедине с партитурой.

В 1943 году я был вызван в Москву и продирижировал Седьмой симфонией в Большом зале консерватории в присутствии автора. (Еще раз мне довелось исполнить эту замечательную музыку девять лет спустя в том же Большом зале, но это произошло уже после войны и прямого отношения к хронике военных лет не имеет.) В том же году в честь 100-летия со дня рождения Грига мы дали два симфонических вечера из его произведений, вызвавших подлинный восторг оренбуржцев. Сколько было бисов! Когда из-за океана пришло горестное известие о кончине великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова, мы посвятили его памяти концерт. Потеря в те годы было великое множество — гибли прекрасные, талантливые люди. Со смертью Рахманинова словно какая-то струна оборвалась! Мы играли Вторую симфонию и Третий фортепианный концерт (солировал Г. Эдельман). И опять зал был переполнен, и опять — редкое

душевное единство исполнителей и слушателей!

Наступил перелом в войне: под мощными ударами наших войск фашисты покатались вспять. Это отразилось — и не могло не отразиться — на нашей артистической жизни. Появились новые задачи: не только поддерживать боевой дух народа, но и вести работу с расчетом на будущее. Распался наш «тройственный союз» — Кондрашин, Грикуров и я. Первым уехал Кирилл Петрович — надо было срочно укрепить дирижерский состав Большого театра, уже вернувшегося в Москву. Вторым выбыл — увы! — я, получив назначение на пост художественного руководителя и главного дирижера Театра имени Кирова, находившегося в эвакуации в Перми. Занимавший этот пост до сего времени А. Пазовский был назначен главным дирижером Большого театра, вместо С. Самосуда, мечта которого — перейти в более экспериментальный по духу театр имени Станиславского и Немировича-Данченко — наконец осуществилась.

В Перми опера существовала с незапамятных времен, и сам по себе факт появления в городе оперного коллектива не стал чем-то необычным. Но Пазовский, несмотря на все невзгоды военного времени, неутомимо работал, добиваясь от всей труппы высокого искусства. Я ощутил в труппе не только вполне понятный патриотический подъем, но и четкое осознание своей миссии пропагандистов тех идеалов, что несли лучшие произведения мировой классики, советского творчества. В Перми я застал режиссеров Л. Баратова и И. Шлепянова, дирижера Д. Похитонова, балетмейстера Л. Лавровского, художника Н. Альтмана, хормейстера В. Степанова, выда-

ющегося балетного педагога А. Ваганову, артистов оперы О. Кашеварову, А. Халилееву, А. Лазовскую, А. Маньковскую, О. Мшанскую, Н. Белухину, Г. Нелеппа, Н. Середу, Б. Фрейдкова, И. Ящугина, И. Плешакова, В. Лукина, артистов балета Н. Дудинскую, Т. Вечеслову, А. Шелест, Е. Люком, К. Сергеева, Б. Шаврова... Все эти исполнители в ту пору были в расцвете сил. К 100-летию со дня рождения Римского-Корсакова Пазовский подготовил новую постановку оперы «Ночь перед Рождеством». По сей день я вспоминаю эту работу как нечто выдающееся.

Летом 1944 года мы вернулись в свой родной город. В труппу вновь влились наши дорогие товарищи, остававшиеся в осажденном Ленинграде, — С. Преображенская, Н. Вельтер, О. Иордан, И. Нечаев, А. Атлантов, В. Ивановский, В. Легков...

Первого сентября на основной сцене Театра имени Кирова, восстановленном после бомбежки, в зале, сверкавшем свежими красками, новенькой позолотой, голубым бархатом кресел, мы дали свой первый послеблокадный спектакль — «Иван Сусанин» Глинки. Война еще продолжалась, зрители еще жили военными эмоциями, но в близкой победе уже никто не сомневался.

Вскоре в Ленинград вернулись и другие ленинградские театры, филармония, научные учреждения. Жизнь крупнейшего культурного центра страны вновь вошла в свою колею. Но все пережитое нами навсегда останется в памяти. Как останутся в памяти товарищи, с кем мы делили военные невзгоды, те верные друзья, не все из которых, к сожалению, были упомянуты мною в этой статье.

Александр Кучеровский

МЕТАМОРФОЗЫ ПОШЛОСТИ

(психологический экскурс)

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...
И нам сочувствие дается,
Как нам дается Благодать.

Ф. И. Тютчев

Предложенная тема рискует вызвать раздражение, недоумение или насмешку читателей: «Чем кумушек считать трудиться...» Невесть откуда взявшийся соискатель лавров возмутителя спокойствия неужто не банален?

Обратимся к словарям.

Пошлость — исконно русское слово, которое происходит от глагола пошли. До XVII века оно употреблялось в более чем благопристойном значении и означало все привычное, традиционное, совершаемое по обычаю, то, что пошло исстари. Однако в конце XVII — начале XVIII веков начались Петровские реформы, включавшие, в том числе, и борьбу со всеми древними пошлыми обычаями. Слово «пошлый» стало на глазах терять уважение и теперь всё больше значило — отсталый, постылый, некультурный, простоватый. Так в русском языке появилось еще одно «плохое» слово. — Словарь «Живое слово».

Пошлость — свойство по значению прилагательного пошлый, то есть безвкусная и безнравственная грубость; низкий в нравственном отношении; безвкусно-грубый — словарь Ожегова.

Пошлость — морально-эстетическое понятие, характеризующее такой образ жизни и мышления, который вульгаризирует человеческие духов-

ные ценности, низводит их до уровня ограниченно-обывательского понимания, понижает саму идею достоинства личности. К многообразным проявлениям пошлости относятся: ограниченность интересов, изменчивость мотивов, мелочность в действиях, прикрываемые высокопарными рассуждениями и сентиментальной мечтательностью. — Философский словарь.

Еще одно значение слов пошлый, пошлость обозначает нечто неоригинальное, банальное, всем известное. Или иначе — не содержащее ничего нового, талантливого, личностного. В этом значении обсуждаемые слова применимы уже не столько к самому человеку и его поведению, сколько к различным «продуктам» человеческой деятельности. А именно: к словам, «художественным» произведениям, конкретным предметам... Вспомним Онегина, который, танцуя с Ольгой, «ей шепчет нежно какой-то пошлый мадригал». И здесь пошлый означает «плохой лишь тем, что в нем нет ничего, на что он претендует». Дальнейшим развитием этого значения является уже «безвкусный, грубый, вульгарный». Оно обычно реализуется в словосочетаниях, обозначающих не очень удачное стремление к красоте (костюм, прическа, украшение и т.п.).

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

И, наконец, наиболее категоричное в этом ряду значение обсуждаемых слов «неприличный, непристойный, относящийся к “телесному низу”». Например, так обозначается употребление нецензурных слов, любовь к шуткам на тему отношений полов, сексуальные намеки и т.п. При этом из контекста не всегда ясно, имеется ли в виду банальность или непристойность: пошлый рассказ, пошрое ухаживание, пошрое выражение.

Итак, в словах пошлый, пошлость при всей разветвленности их значений нет компонента «неестественный, вымученный» или даже близких к нему. Напротив того. Пошлый — это слишком органичный, более чем естественный, всеобщий, не требующий личностных усилий. Идущий, так сказать, от самых приземленных инстинктов и частей тела («Органичная пошлость», «Известия», 21 июня 2010).

В. В. Набокову принадлежит очень точное наблюдение, что определяющим для пошлости является ложная претензия: пошлость — это нечто «ложно значительное, ложно красивое, ложно умное, ложно привлекательное».

Однако исчерпывающим по уровню обобщения является определение, данное российским философом А. Н. Мироновым: «Пошлость — это бытие вне духовности».

Консенсус словарных дефиниций пошлости ведет нас к осознанию того, что данный психосоциальный феномен воздействует на психику человека исключительно негативно. Встречный иск с обвинением в голословности предъявляется обычно теми, у кого упоминание о мышлении вызывает чувство дискомфорта и растерянность.

Пошлость как феномен базируется на трех китах: искусительность, доступность и безнаказанность.

Искусительность пошлости двойка: обход цензуры морали и иллюзия обретения некой «внутренней свобо-

ды» — думать иначе, чем предписано. Дальше — больше: «думать» переходит в «говорить», «говорить» — в «поступать». Наиболее пагубно и масштабно это проявляется в среде детей и молодежи. Расплата за иллюзию неотвратима: каков образ мысли — таков образ жизни. «Мне отмщение, и Аз воздам», [Рим 12:19].

Доступность пошлости превзошла все мыслимые пределы. Кино и телевидение, бесчисленные эстрадные шоу и интернет непрерывно обрушивают на умы зрителей и слушателей лавины пошлости. С эстрады можно услышать: «Передача «Под знаком ѿ».

Интересно, что будет, когда они договорят?.. Ах, как же хочется «мастерам эстрады», чтобы зритель «догадался», что они намекали на женские гениталии! А что такого? Это всего лишь шутка... Безобидная, но весьма заразная, допускающая в сознание человека мысль: «Так тоже можно?.. Впрочем, почему бы и нет?» И подобное творится методично, целенаправленно и повсеместно. Далеко ходить не надо: песня в исполнении Лолиты Милявской с припевом «Пошлю его на...» И при этом наготове возражение: «Горе тому, кто об этом худо помыслит!» Мило, не правда ли?

Безнаказанность — одно из условий пандемии пошлости в нашей жизни. Никому и в голову не пришло порицать Ф. Киркорова за исполнение шуточной песни «Лишь бы не было войны». В ней был такой куплет:

И последнюю рубаху
Я отдам за полцены.
Да пошло оно все... прахом,
Лишь бы не было войны!

Лицо певца сияло довольной улыбкой, объясняющей зрителям: «Вы же понимаете, какое слово здесь имелось в виду!»

Будем предельно внимательны: даже невольная улыбка по поводу

пошлости открывает ей путь в наш внутренний мир. Проникая без взлома, вульгарность оставляет в душе неощутимое и, казалось бы, вполне безвинное зернышко: «Улыбнуться-то можно! Что тут такого?»

Принимая такой тезис, мы предоставляем пошлости возможность дальнейшей внутренней экспансии. Первый звонок! Гипноз нехитрого вопроса «Что тут такого?» позволит бездуховности расширить плацдарм.

А в дальнейшем мы примем как должное изжеванные репризы эстрады и жвачку пустейших импортных и своих сериалов? А потом будем хотеть над матерщиной, льющейся из «Comedy Club»? Хотим ли мы этого или этого хочет захватившая нашу душу пошлость?

Стоп! Будем же бдительны.

Итак, налицо спланированная диверсия пошлости против системы ценностных ориентаций личности: мировоззрения, духовности, любви, морали, долга. Резко сказано?

Отнюдь нет.

Мировоззрение — комплекс обобщенных представлений (взглядов) данной личности об окружающем мире и себе, о своем месте в мире, своих отношениях к окружающей действительности и к себе. В содержание мировоззрения входят знания, необходимые для самоопределения субъекта и обоснования его отношений к миру. Оно развивается по мере расширения сферы самоопределения данной личности и придания ценности разным областям самоопределения.

Внедряясь в сознание личности, пошлость исподволь влияет на ее психику. В первую очередь страдает критичность восприятия непрерывно поступающей информации. Возникает опасность «смыслового поскользвания» в словах, содержащих данную информацию. Это изменяет характер мышления человека, влияя на оцен-

ку ситуаций, принятие и выполнение необходимых решений.

Согласно одному из определений, мышление — процесс моделирования неслучайных отношений окружающего мира на основе аксиоматических положений. Примем во внимание и определение, данное А. Н. Мироновым: мышление — это способ бытия сознания. Ситуация крайне серьезна: «Пошлость имеет громадную силу; она всегда заставит свежего человека врасплох, и, в то время как он удивляется и осматривается, она быстро опутывает его и забирает в свои тиски», — писал М. Е. Салтыков-Щедрин.

И духовность, и бездуховность в качестве средства воздействия на психику используют слово — инструмент столь же универсальный, сколь и мощный. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Ин. 1:1].

Значительную часть поступающей информации мы получаем в процессе общения.

Последнее же практически невозможно без использования устной или письменной речи.

Восприятие устной речи — познавательный процесс построения субъективной модели осмысленного сообщения на основе активного слушания. Смысловое восприятие в значительной мере зависит от индивидуально-личностных особенностей слушающего или читающего, прежде всего от гибкости мышления и направленности личности.

Апологеты пошлости преподносят ее людям в привлекательных упаковках: шутки, анекдоты, куплеты, сольные номера, сценки, спектакли, концерты, конкурсы, юморины и всяческие шоу. Достаточно вспомнить «Аншлаг! Аншлаг!», «Кривое зеркало», «Кышкин дом», «Юрмалину», «95-й квартал», «Кроликов», Верку Сердюч-

ку и «Comedy Club». И чем более примитивна пошлая «пилюля», тем в более привлекательных «обертках» она подается. И как подается: намеки, ухмылки, гримасы, сальные реплики и брань!

И что же? Число зрителей, восторженно воспринимающих пышные оргии мастурбирующего примитивизма, весьма значительно, и среди них немало молодежи. К огромному сожалению, «пипл хавает», как язвительно заметил Владимир Познер.

Что же этому способствует?

«Любые пустые формы — это всегда ложь. Именно при помощи такого рода “мыльных пузырей” улавливаются люди в ловушки, приготовленные для них дьяволом. Почему это происходит? Потому что наполнение этих мыльных пузырей или фантиков, что одно и то же, происходит теми, кто слушает такого рода пустые слова. Для говорящего, которым движут силы лжи, ничего не стоит настрять сколь угодно красивых слов, которые с восторгом будут восприняты слушателями, так как они будут отвечать их чаяниям. И несмотря на то, что в этих словах не будет никакого содержания, краснобаю это не создаст какой-то проблемы, потому что заполнение за него сделают его слушатели», — считает врач-психотерапевт Зорин П. Г.

С приведенными выше высказываниями можно в целом согласиться, внеся в них небольшое уточнение. Упомянутые словоформы не пусты. Они имеют привлекательно-ловушечный характер вследствие преднамеренной незавершенности и действия феномена «смыслового поскальзывания», создающего у зрителей иллюзию сопричастия творчеству автора.

Кроме того, не будем забывать: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» [Мф.18:7].

Возникает вопрос: какова цель массивной интервенции пошлости в общественное сознание? Деструкция ценностных ориентаций личности неизбежно повлечет изменение ее направленности, снижение уровня притязаний и дестабилизацию ее Я-концепции. Возникшее чувство неполноценности неизбежно приведет к развитию в человеке жестокости. Субъектами же, лишенными личностной целостности, будет весьма удобно управлять вплоть до манипулирования.

Следующим шагом в этом направлении может стать постепенный отход от примата духовности с акцентом на материальных аспектах существования человека. Нельзя исключить и возможное нивелирование роли веры и церкви в жизни человека и общества.

Альтернативой такому сценарию может быть лишь триумvirат Духовности, Любви и Веры как в личном, так и в социальном развитии. Его не в силах будет одолеть даже беснующаяся пошлость.

Неприятие пошлости должно стать стержнем воспитательного процесса, а реакция на проявление пошлости — аналогичной реакции на случайное попадание нашей обуви в экскременты.

Индикация пошлости в словесных конструкциях возможна только посредством критического мышления каждого человека. Действенным инструментом здесь является метод смысло-логического анализа устной и письменной речи, разработанный российским философом А. Н. Мироновым в книгах «Сущностное восприятие слова», «Связующая смысла суть», «Истинной истории истоки» и др.

Отношение к пошлости как к чему-то малозначительному и несущественному — серьезное заблуждение. Будучи антиподом духовности, она многолика и крайне негативно воз-

действует на психическую сферу человека, включая восприятие, мышление, понимание и его поведенческие паттерны. Но ведь есть же свет в конце туннеля!..

Смею полагать, что кайфующие за-всегдаи примитивных зрелищ даже не подозревают, как немилосердно сами себя обокрали и покалечили! Упиваясь лавиной помоев торжеству-

ющей бездуховности, несчастные позволили взбесившемуся монстру пошлости растоптать в себе то единственное, что только и может наполнить жизнь непередаваемой мелодией смысла:

«...Я люблю — то же,
Что дышу или живу».

Благословенна вовеки Любовь!

Андрей Каратыгин

«ЧТО ТАМ ЛАРЕДО!»

Название заметки позаимствовано из известного телефильма «Приключения принца Флоризеля», где один из персонажей, а именно ковбой Фрэнк Скримджер, оказавшись в Старом свете по воле означенной выше титулованной особы, стал свидетелем подлого подлога (созвучие не случайно!) в результате закончившегося смертью человека. Думая, что это в его то родном Ларедо крутые нравы, он и возопил, что, дескать, здесь не чисто играют, «что там Ларедо!»

Мир без лжи — что за фантазия? Мы привыкли к этому явлению и только болезненно причитаем, когда узнаём о новых завоеваниях этой стыдной черты человека. Надо ли удивляться этому прогрессу, если наши юристы признают право на защиту гражданина с помощью лжи — то есть это вполне естественное поведение человека и не надо его менять. Может и вправду так? Тогда чего удивляться тому, что во всех, без исключения, сферах нашей жизни торжествует подлог? Чему удивляться, если платя деньги за продукт, который должен был бы в принципе принести здоровье, мы получаем яд, а желая избавиться от последствий потребления этого яда, бежим в аптеку и приобретаем ещё один? И вопрос не столько в продуктах, а в том, что мы из одного обмана рискуем тут же попасть в другой. Как не вспомнить гайдаевский фильм «Иван Васильевич меняет профессию» и слова: «Говорят царь — ненастоящий!» Но вопрос не в царе, а во всём остальном, что как раз и стало ненастоящим. Постоянная коррекция на обман делает сознание больным и

агрессивным, но без этого сейчас жить сложно.

Я не буду спорить с психологами о необходимости лжи в жизни человека, наверное, они правы, я лишь говорю о лжи магистральной, формирующей жизнь, а на самом деле её то и разрушающей.

Наша страна в настоящее время пытается войти в круг «цивилизованных», при этом впадая в крайности то идеализации «того» (буржуазного) образа жизни, то отрицания его. При этом лишившись советского образа жизни, который хоть и был скуднее для некоторых, но имел все перспективы для развития, как экономического (для большинства), так и духовного. При строительстве «нового» капиталистического общества мы, как и раньше, начали копировать всё до мелочей с буржуев, при этом щедро засеивая нашу плодородную почву сорняками, с которыми и не знаем теперь как бороться. Это напоминает горбачевский подход — главное поскорее и фатальнее разрушить коммунизм, а что взамен? — а рынок всё расставит по своим местам! Не тут-то было! Не получается что-то. Возможно, тут есть и наша национальная особенность — либо детская доверчивость (что не стыдно в нормальном мире), либо неспособность верно оценить явление и, самое главное — его последствия. Я не буду вдаваться в подробности и оценки настоящего процесса копирования, а приведу свои переводы некоторых западных источников, показывающие то, что «не всё ладно в Датском королевстве» и следует серьёзно подумать

— надо ли копировать такой образ жизни.

Начну с отшумевшего дела Д. Стросс — Кана (далее С-К), статья Дина Свифта (Dean Swift) помещена в газете Tenerife news от 9 июля 2011. Приведу небольшую цитату из статьи, состоящей из неудобных вопросов: «...если С-К желал женской компании, в чем очевидно он и нуждался, то всё, что ему надо было сделать — это поднять трубку телефона и позвонить портье, обеспечив свои потребности этим самым. Возможно ли, что лицо со статусом, приравненным к главе государства, подвергалось публичному аресту за аморалку? Если бы С-К был гомосексуалистом, кем он, очевидно, не был, и попытался бы изнасиловать работника отеля — был бы хоть какой-то шум? Я сильно сомневаюсь в этом, потому что случись так, гомосексуальное лобби, исключительно властное по всему миру, предотвратило бы любое появление этой информации, разве что оставило бы маленькую заметку в подвале спортивных новостей. Персона уровня С-К всегда передвигается под охраной хотя бы одного телохранителя. В отеле один охранник должен быть в смежной комнате в режиме строго реагирования, другой в коридоре. Это нормальная практика, особенно для директора МВФ — всегда находящегося под угрозой похищения в связи с родом его деятельности. Но где были его охранники? Был ли хоть один? Склонен ли мир верить, что С-К был без охраны в столь дорогом отеле на Манхэттене? Любой, кто провёл хоть одну ночь в отеле, где бы то ни было, знает, что обслуживающий персонал (обычно женщины) входят в номер для уборки, когда гость покинул его и убрал табличку «не беспокоить» с двери. Как может быть, что в отеле, где номер стоит 800 долларов за ночь, работник входит в то время, когда гость в душе? А где записи с камер видеонаблюдения, неизбежно уста-

новленных в коридоре, есть ли хоть одна?»

Комментарии излишни!

Теперь откроем Daily Mail от 1 июня и на странице 16 находим интересную статью Эндрю Александра (Andrew Alexander) под заголовком «Закадычные друзья? Давайте проверим свидетельства...». Статья приурочена к визиту президента США в Лондон и приёму у королевы по этому случаю. Опускаю комментарии автора касательно причин визита, остановлюсь на том, что созвучно теме моего выступления. Автор приводит выдержку из речи королевы на приеме в честь президента США и далее комментирует её: «Ваша страна (США. — А. К.) дважды приходила на помощь свободе и демократическому миру, когда он столкнулся с военной катастрофой (слова королевы. — А. К.)» — это гигантский миф. Не было никакой добровольной акции вовсе! Американцы присоединились к войне в Европе потому, что Гитлер спустя пять дней после Перл Харбора объявил войну США. Факт!

Во время Первой мировой войны, американцы стали на нашу сторону (газета английская. — А. К.) потому, что Германия развязала тотальную подводную войну, атакуя американское судоходство и интригуя по секрету Мехико к вторжению в южные штаты США. Ещё факт, мэм! Королевское завихрение истории на этом не закончилось, а стало ещё запутаннее.

Королева отдала дань «щедрости» США в их «массивном вкладе» в процесс нашего (Великобритании) экономического восстановления. Вклад был реальным, но вдохновлённым отнюдь не щедростью. Это было вызвано беспокоейством финансового и государственного департамента США, что Европа не сможет оплачивать американский импорт. Поэтому американцы и запустили план Маршалла для стимуляции европейского восстановления. Это была хорошая идея и при-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

несла пользу обеим сторонам, но она не была подвижна щедростью. Похоже, наш единственный долг перед США это — куда Штаты поведут, туда покорно и бежать на их стороне, что приводит нас к непрерывным проблемам с 1945 года, наиболее очевидные и недавние — это Афганский и Иракский конфликты... Тони Блэр присоединился к этим безнадёжным операциям по призыву США... Нас умастили к этим опасностям США, нация, которая никогда не понимала и скорее всего не будет понимать остальной мир...

Те, кто с длинной памятью, скажут без сомнения, что мы сильно должны Штатам за спасение от советской угрозы после войны. Но никакой угрозы не было. Советские архивы открытые сейчас ставят точку в этом».

Напомню, что это статья из известной британской газеты и подозревать автора в ангажированности или некомпетентности не получится. Далее — киноцитата: в замечательном французском фильме «Большая прогулка» английские летчики во время Второй мировой войны, спасенные от захвата немцами после неудачного десантирования над Парижем невольными героями в исполнении Бурвиля и де Фюнеса, расплачиваются со своими спасителями фальшивыми деньгами, гордо говоря при этом: «напечатано в Лондоне!» вроде бы мелочь, особенно по меркам 1967 года, когда вышел фильм, но сейчас это уже не выглядит только шуткой. Что я хотел показать этими цитатами? — это то, что «цивилизованный» мир полон лицемерия, злонамеренной лжи и агрессии в дополнение к очевидному экономическому процветанию и стремиться в такой мир надо на трезвую голову. Тем более, не понимая или не в состоянии огласить — зачем же нам туда? Неумение делать выводы из чужих ошибок превращают собственные не только в неизбежные, но и в более

болезненные, так как с первопроходца спрос не велик, а с настойчивого подражателя повышен многократно — ладно бы настойчивого в чём-то хорошем! Я не случайно привёл пример из «Большой прогулки», ведь он в шуточной форме описывает то, с чем столкнулась мировая экономика этим летом, а именно с тотальным использованием сомнительных денег. Вроде бы все знают, что деньги не обеспечены, но ведь берут и пользуются и откладывают решение проблемы на потом. Приведу ещё одну цитату:

«Российский премьер Владимир Путин считает, что американская экономика паразитирует на монополизме доллара, при этом он удовлетворен тем, что США приняли ответственное решение, подняв планку госдолга и избежав дефолта.

“Вообще, ничего хорошего в целом в этом нет, это просто отсрочило принятие более системных решений”, — сказал он, комментируя в беседе с участниками форума “Селигер-2011” достижение компромисса между республиканцами и демократами об увеличении предельного уровня государственного долга США.

По его словам, это говорит о том, что “страна живет в долг, это значит, что она живет не по средствам и перекладывает часть нагрузки своих проблем на всю мировую экономику, паразитирует на мировой экономике и на монопольном долларом положении”.

Однако глава российского правительства считает, что в нынешних условиях решение “сбалансированное”.

“Поиграли и договорились”, — подчеркнул премьер.

По его словам, возможный дефолт в США ничего хорошего для мировой экономики не принес бы». Конец цитаты.

Договорились и ладно? Но проблема, то никуда не ушла, и возникает вопрос, а правильно ли мы тогда живём? И не подменяют ли нам банальные удовольствия саму жизнь, которая много шире их? И не в этом ли причина такого обилия депрессий, а проще говоря, несчастья у тех, кто, на первый взгляд, всего уже добился? Откуда взялась лавина сексуальной патологии и наркомании в общем-то обеспеченных и процветающих странах, в круг которых, по названным проявлениям, можно отнести и нашу страну?

Конечно, глупо обвинять США во всех наших проблемах — голову то они у нас ещё не свинтили! Думайте, если большие! Но приуменьшать роль этой страны тоже неправильно, особенно, если учитывать неоднократно озвученные угрозы представителей руководства упомянутого государства России и Китаю, что США будут рассматривать случаи кибертерроризма как акт военного вмешательства и будут реагировать на это действие уже военными средствами. То есть способ начала военных действий уже придуман. Притом, что США, как создатели глобальной паутины, сами прибегали к недружественным актам с её же помощью, но сейчас зарезервировали себе новый Перл Харбор, как говорится, на всякий случай. Надо сказать, что здравый смысл все же торжествует и жизненно важные структуры в США начали создавать свои изолированные сети без выхода в Интернет, но упомянутые выше угрозы уже прозвучали и к ним следует относиться серьёзно.

Помимо внешних, конечно важны и внутренние угрозы и ложь, на мой взгляд, здесь является с одной стороны индикатором неблагополучия, но с другой — активным стимулятором атомизации общества. Я вижу здесь аналогию с атомом, который достаточно сбалансирован и лишь электроны меняют энергетические уровни в зависимости от состояния атома, но в

целом это достаточно устойчивая система, до тех пор, пока в ядро атома не попадает нейтрон и не разделяет его на части с высвобождением дополнительных нейтронов, которые будут делать то же с другими атомами и я представляю ложь в виде эдакого нейтрона рождающего цепную реакцию, зачастую неуправляемую и с непредсказуемыми последствиями. В результате участь атома незавидна — электроны, до того дружно бегающие вокруг ядра и создающие все связи между атомами и формирующие собственно тот размер планеты и наш с вами мир, который и необходим для жизни, он вдруг превращается в поражающий фактор радиации под именем бета-частиц, а протоны ядра в альфа-частицы, задача которых — только разрушение. Я уже упоминал депрессию, как спутник современности и вкупе с индивидуализацией или атомизацией общества — это следствие ошибочных ориентиров в жизни. Материальное благополучие не имеет ничего существенного для души человека, а она то и болит у всех и люди, как в моей модели атома с одной стороны стремятся друг к другу, а с другой — удаляются, и если эти стремления сбалансированы — это нормально — это гармония. Ложь сама по себе и, как разновидность лжи — ложные цели нарушают баланс между центростремительными силами в обществе и центробежными. И мы прекрасно видим, что люди соскучились по чувству локтя, и не случайно фронтовики вспоминают войну как главное в своей жизни — потому что мы были вместе, а это дорого стоит и никакие кренделя не заменят того чувства, что ты нужен Державе, что рядом с тобой люди и мы все делаем общее и очень важное для каждого дело. Не дай Бог, чтобы опять большая война явилась объединяющим фактором! Но наличие у части людей апокалиптических ожиданий, на мой взгляд говорит о том, что люди хотят

быть нужными и быть вместе и, к сожалению, не находят другой модели, как катастрофа, для реализации этого, по сути нормального стремления. То есть пусть внешний фактор нас опять сблизит! Так дело не пойдёт! Нужна здоровая идея, которая сделает жизнь осмысленной и увлекательной, помимо религии, должно быть государство, формирующее созидательную среду для человека, что по мере сил и пытались делать советское государство и многое получилось — до сих пор не выводится к счастью!

Приведу ещё одну киноцитату: в фильме Алана Паркера «Дорога на Велвилл» отец и блудный сын вдруг понимают, что они любят друг друга, только на пепелище отцовского бизнеса, едва не лишившись жизни. Не надо таких крайностей и не надо надеяться, что, например, спорт, по сути ставший эрзац войной, сможет сплотить общество. Рискую быть назойливым, но опять предложу классическую музыку в качестве гармонизирующего начала. Ведь в ней присутствует и индивидуальное обращение (центробежное) и общее (центростремительное) и она даёт тот баланс и просветление, которое и нужно думающему человеку!

Надеюсь, что возврат публики в концертные залы и обращение к классике через другие источники будет признаком выздоровления и надеждой на победу здорового начала в человеке, как исполнение Ленинградской симфонии Шостаковича в осаждённом Ленинграде.

Завершая, еще раз скажем, что приказа «не думать» нам никто не отдавал, а значит, вряд ли нам стоит уклоняться от полной ответственности как за содеянное, так и за несодеянное. И выходит, мы просто должны, обязаны знать и понимать правду, а также следовать ей вопреки всем иным советам и даже строгим указаниям свыше. Только подобное поведение позволит нам иметь подлинное смысловое «сцепление» с жизнью, позволяющее в свою очередь вкушать ее уже на самом деле или повзрослому. Иначе говоря, мы сегодня как никогда ранее остро нуждаемся в достоверном знании реальности, как она есть, а вовсе не в свободе, как самоцели, на которую ныне нам предлагают молиться, попутно противопоставляя ей любые иные ценности. Говоря проще — к чему здоровое тело, если из него вынут дух?